

Историческая библиотека

ДМИТРИЙ
ВЕРХОТУРОВ

ИДЕЯ СИБИРСКОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ДМИТРИЙ
ВЕРХОТУРОВ

ДМИТРИЙ
ВЕРХОТУРОВ

ИДЕЯ СИБИРСКОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Издательство

Андрей Буровский»

МОСКВА

Владимир

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
Б91

Sean By Vitautus

Компьютерный дизайн: М.Р. Хафизов

Верхотуров, Д.Н.

Б91 **Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня/ Дмитрий Верхотуров.** М.: АСТ; Красноярск: АБУ; Владимир: ВКТ, 2009. — 331, [21] с.

ISBN 978-5-17-054066-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-7834-1 (ООО «Издательство АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-903925-09-4 (Издательство «АБУ»)

ISBN 978-5-226-01417-8 (ВКТ)

(С.: Ист. библиотечка (84))

ISBN 978-5-17-052365-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-9703-8 (ООО «Издательство АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-903925-10-0 (Издательство «АБУ»)

ISBN 978-5-226-01418-5 (ВКТ)

(С.: Ист. библиотечка (новая))

В книге Д. Верхотурова развенчиваются мифы, что Сибирь — это только и исключительно неотъемлемая часть России. Сибирь — громадная самостоятельная страна, имевшая до русских богатую, многообразную историю, ныне практически неизвестную.

Многонациональный сибирский народ говорит в основном по-русски, но имеет не так уж много общего с народом остальной России. Верхотуров красиво и точно показывает, что самому русскому народу не было и нет никакого толку от владения Сибирью. Сибирь — это сырьевой придаток для империи, и только. Впрочем, такова же роль других регионов страны: Северо-Запада, Евросии, Урала, Кубани. Это, по сути, разные страны, с разной историко-экономической логикой и направлением развития. И все они — при всем их многообразии — колониальные народы пресловутого имперского Центра. Автор считает: по-настоящему Сибирь станет самостоятельной в составе России только тогда, когда все остальные регионы также станут самостоятельными.

Книга Дмитрия Николаевича написана системно, ярко и образно. В ней нашел свое выражение авторский подход: целостное, остроумное сочетание истории, экономики и политики. Ее приятно читать, даже не разделяя каких-то воззрений автора.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

© Д.Н. Верхотуров, 2006
© Издательство «АБУ», 2006

Моей спутнице и вдохновительнице Анастасии Корбейниковой: ПОСВЯЩАЮ

«Правильно определив наши приоритетные цели, выбрав соответствующие стратегии, проявив волю и терпение при движении по этому пути, мы обезопасим себя от зигзагообразных ша-раханий, непроизводительной растраты энергии, времени и ресурсов.

Имея сильную стратегию и целеустремленность, мы сможем успешно преодолеть любые большие препятствия, стоящие на нашем пути. Трудные условия, в которых мы находимся сегодня, не должны лишать нас энергии и надежды. Ясное понимание наших перспектив, честное разъяснение трудностей и опасностей на нашем пути помогут мобилизовать всех граждан на решение этой общей задачи».

Н.А. Назарбаев, президент Казахстана

Введение

«Эта идея отнюдь не революционная, а в известном случае даже реакционная».

Генри Форд.

ЗРИМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ

В апреле 1998 года мне довелось побывать в самом центре индустриального Кузбасса: в Новокузнецке, Белово и Гурьевске. Из всего, там увиденного, мне больше всего запомнилась и врезалась в память такая картина. На дороге из Гурьевска в Белово, на подъездном пути заброшенного угольного разреза стоял старый локомотив. Это была «рабочая лошадка» советских железных дорог – дизельный локомотив ТЗ. С него сняли двигатель, разобрали оборудование, а остов бросили ржаветь на подъездном пути.

Этот локомотив стоял в самом конце длинной насыпи, черным силуэтом на фоне лазоревого неба и красочного сибирского заката, со своими зияющими пустыми глазницами окон. Я не мог оторваться от него. Остов локомотива был виден очень далеко, за многие километры, и я смотрел на него, пока он не исчез из виду. Это был своего рода символ всего развала индустриального Кузбасса, его нынешнего тяжелого положения. Тяжелое и незабываемое зрелище.

Подобные картины в нынешней Сибири далеко не редкость и не только в Кузбассе. Одно из наиболее ярких впе-

чатлений моего детства и юности – это картины развала всего и вся. В моем родном городе Ачинске за 90-е годы XX века, год от года в старом центре добавлялось брошенных домов, чаще всего после пожаров. Выгоревший дом чаще проще было бросить, чем восстанавливать. Даже у самых богатых предпринимателей в городе не находилось средств на восстановление старого купеческого особняка.

Когда-то в этих домах жили купцы-миллионеры: Мокроусов, Максимов, Сейгель и другие именитые люди, а теперь они стоят с выбитыми стеклами и дверьми. Старый центр Ачинска, когда-то людный и активный, за 90-е годы опустел.

Когда-то в городе было много мелких промышленных предприятий: меховая фабрика, фабрика игрушек, леспромхоз, порт и так далее. Довольно большой список из нескольких десятков названий. Из всего этого в живых остался лишь порт, но тоже не целиком. Его долго украшали остовы вытасенных на берег судов-толкачей, пока их не порезали окончательно на металлолом. А все остальное – в руинах или давно не используется по назначению. От большого леспромхоза осталось только несколько зданий. И все это разрушалось на глазах.

Шарыпово. Город-новостройка, столица КАТЭКа. Там можно увидеть улицу, состоящую из брошенных пятиэтажек. Несколько поселков, бывших при рудниках и разрезах, просто исчезли с карты.

Впрочем, достаточно проехать по железной дороге по Западной Сибири, чтобы увидеть – дорогу с обеих сторон окружают брошенные предприятия, зерновые элеваторы, станции пассажирские и станции сортировочные, вокзалы и разъезды. Руины, развалы, кучи мусора и заржавевшие механизмы, конструкции, локомотивы, вагоны... Думаю, что любой сибиряк без труда может вспомнить подобные картины, им виденные.

За прошедшее время было высказано много оценок этому процессу, но пора уже верить не словам, а своим глазам.

Вот это все – реальное, зримое воплощение, реальные результаты той политики, которая нашим правительством проводится.

Для сибиряков 90-е годы XX века принесли резкий спад в промышленности, который во многих сибирских регионах привел фактически к началу деиндустриализации, когда уровень промышленного производства сокращается меньше чем до 40% от первоначального уровня. Это вызвало остановку и ликвидацию сотен производств, в том числе градообразующих, резкое обнищание населения и связанные с нею безработицу и преступность. Ущерб, нанесенный Сибири, государственной политикой 90-х годов очень велик и вполне сопоставим с военным разгромом.

Политика уже путинского времени, при том, что она дала некоторый стимул экономике России и на этой волне начался подъем и в сибирских регионах, ничего не сделала для устранения последствий этого грандиозного и разрушительного спада. В текстах федеральных программ и стратегий даже не признается его наличие, и будущее сибирской экономики планируется так, словно бы современная нищета и разорение были всегда, от века.

Сибиряки не сдались, перетерпели самые тяжелые времена 1996-1998 годов, и постепенно стали подниматься. И сейчас, несмотря на отсутствие помощи, сибирские регионы входят в число 21 финансово самостоятельных регионов России. За 2000-2005 годы произошел подъем промышленности, хотя до уровня 1990 года еще очень далеко. Прикладываются огромные и чрезвычайно изощренные усилия для привлечения иностранных инвестиций, развития науки и высокотехнологичного производства, снова без помощи со стороны федерального центра.

Эти пятнадцать лет достаточно показали, что федеральный центр в отношении Сибири осуществляет только одну политику – оставление на произвол судьбы. Но не в сибирском характере жаловаться на судьбу. Если некому позаботиться, то совершенно естественно позаботиться о самом

себе. Иными словами, я считаю, что сибиряки сами должны взять свою судьбу в свои руки, должны стать самостоятельными. Иначе придется доживать жизнь среди обгоревших руин или бежать из Сибири.

ДОСТОИНСТВО СИБИРЯКОВ

Российское правительство, доказавшее на практике свою неспособность к управлению и развитию Сибири, относится также, как хозяин относится к своей кладовой. Кладовая эта может быть убогой, грязной и холодной, но в ней можно хранить и время от времени брать разные полезные вещи.

Во всех программах экономического развития, разрабатываемых в федеральном центре, Сибирь рассматривается только с точки зрения добычи сырья, главным образом, нефти и газа. Все предложения так или иначе сводятся к некоторой модернизации добывающей инфраструктуры. Нет в тех программах ни слова о том, что в Сибири есть крупные города, живет более 30 млн. человек российских граждан, которым нужна нормальная экономика и нормальная жизнь.

В этом отношении российское правительство является преемником московского царя, взиравшего на Сибирь, как на склад пушнины, императоров, видевших в Сибири склад серебра и золота, советского планирования, видевшего в Сибири склад промышленного сырья. Нынешнее правительство видит в Сибири нефтебазу и газохранилище.

Подобное отношение к Сибири, конечно, появилось не просто так. Под ним – мощный пласт исторической мифологии, которой мы коснемся позднее. Суть ее можно выразить так. До прихода русских в Сибири ничего не было, были только немногочисленные первобытные племена, которых пришельцы быстренько цивилизовали.

Положение сибиряков в стране, как жителей далеких

индустриальных окраин, как поставщиков нефти и газа, как доноров для всей страны, во многом определяется этой исторической мифологией. Прообразы и обоснования идей для политических и экономических проектов черпаются из прошлого. Если говорится, что сибиряки живут в «слабо-населенной, заснеженной стране», якобы цивилизованной русскими, то и нечего им жаловаться на свою судьбу и требовать лучшей участи. Пусть себе добывают газ и нефть, плавят чугун и алюминий, и будут этим довольны.

Если вокруг Сибири созданы мифы о том, что страна не более чем «заснеженная целина», то о каком развитии здесь можно говорить? На «заснеженной целине» можно разместить только карьер, рудник, завод в лучшем случае с убогим рабочим поселком. Что-то вроде Прокопьевска или Кисилевска.

Миф сильнее рациональных доводов. Например, еще на заре советского экономического планирования, в 20-х годах, в нем доминировал мощный рациональный довод развития производства недалеко от месторождений сырья и топлива. Однако на выходе все равно значительная часть обрабатывающих и сборочных производств оказалась в Евроссии¹. Сыграли даже не сколько экономические доводы (например, наличие рабочих рук в Евроссии, и недостаток в Сибири; такие проблемы решались при необходимости), а предвзятое представление, победившее даже железный рационализм большевиков.

Итак, для самостоятельности Сибири нужно в первую очередь восстановить достоинство сибиряков. Официальные историки вылили на Сибирь тысячи тонн грязи, воздвигнув миф о том, что Сибирь-де, была «заснеженной пустыней», и до русских тут ничего не было. Этому нужно положить конец, и приложить максимальные усилия к тому, чтобы Сибирь приобрела свою настоящую историю, длинную, яркую и богатую.

¹ Сокращенно от громоздкого словосочетания «Европейская Россия».

Без такой истории не будет сибирского достоинства. Только таким образом можно показать, что Сибирь, как страна, обладает самостоятельной ценностью, что она прекрасно существовала и росла без русских и до русских, причем даже в те времена, когда о русских никто ничего не слышал. Этот момент сейчас может недооцениваться, но реально без него ничего не выйдет. Приниженность сибиряков основывается и обосновывается этим убудочным историческим мифом о «заснеженной пустыни».

В сибирской истории ничего не нужно выдумывать и натягивать. Исторические источники и археологические данные, курганы и писаницы, древнетюркские надписи и руины городов показывают, что здесь кипела высококультурная и развитая жизнь.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРЯКОВ

Тема этой книги – сибирская самостоятельность в самых разных видах и проявлениях. На мой взгляд, в Сибири общество вполне созрело для этой идеи, во всяком случае, требования самостоятельности в том или ином виде, в тех или иных вопросах являются обычными для сибирских политиков и сенаторов. Нередко эти требования формулируются в жестких выражениях.

Однако, если необходимость этой самостоятельности осознана, то вот ее желательный характер по-прежнему остается туманным. Здесь дело состоит в том, что основания сибирской самостоятельности выходят за рамки текущих дел, современных экономических или политических вопросов, затрагивают как далекую по древности историю, так и планы на будущее.

Любая самостоятельность, политическая или экономическая, невозможна без культурной самостоятельности, то есть без самостоятельности в мышлении, оценки своей роли

и места в мире, без своей традиции. Если таковой нет, то политическую и экономическую самостоятельность не сохранить. Без четкого понимания того, что данный конкретный народ имеет свои достижения, проявил себя в истории и вообще существует не зря, очень скоро «окажется», что чужие культурные достижения «лучше» своих, а экономику вообще лучше доверить «топ-менеджерам» из-за рубежа с вытекающими последствиями.

Поэтому мне хотелось бы предложить некую концепцию, или наброски концепции, сибирской самостоятельности: что это такое, из чего складывается и как она может быть реализована. Постараюсь, чтобы изложение носило максимально возможно конкретный характер и могло быть полезным для широкого круга читателей.

Москва, 8 ноября 2005 – 4 марта 2006

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Глава 1

Сибирская государственность

«Культурная общность, установившаяся на всем пространстве евразийских степей в результате раннекочевнической активности, охватывала собой и тяготевшую к ним – в хозяйственном и политическом отношениях – широкую оседлую периферию. Эта общность не ослабевала и в эпоху господства на евразийских просторах тюрко-монгольских кочевых государств».

Л.А. Ельницкий

«Мнение (которое в течение длительного времени бытовало в исторической науке), что государств с цивилизацией городского типа в Сибири никогда не было, что к востоку от Урала издревле обитали лишь бродячие лесные охотники и оленеводы, а также степняки-скотоводы, теперь должно быть изменено как несостоятельное».

Л.Р. Кызласов

Начать тему самостоятельности Сибири необходимо с исторического введения. Эта необходимость вызывается тем, что почти во всех случаях нынешнее положение Сибири, как хранилища нефти и газа, оправдывается и обосновывается историей, определенным образом препарированной. По всякому удобному поводу утверждается, что Сибирь будто бы была дикой и отсталой страной, Ермак завоевал не менее дикое Сибирское ханство, и с этого будто бы началась история Сибири.

При этом умалчивается, что сам Кучум был родом из крупного культурного центра Средней Азии – Бухары. В его ханстве была распространена арабская и персидская грамотность. Например, Джалаир Кадир-Али-Бей, глава одного из улусов Сибирского ханства, уже будучи в русском плену, в Касимове, составил пересказ исторического сочинения «Джами ат-Таварих» Рашид ад-Дина. Он переложил его своим языком и добавил сведения по более поздним периодам.¹

Такие сведения можно разыскать только в специальных научных изданиях, причем преимущественно зарубежных. А в России же и в научных изданиях, и в широкой публицистике настойчиво утверждается идея о том, что Сибирь всегда, от века, была дикой и отсталой, и только русские ее «цивилизовали».

ОФИЦИАЛЬНО ДОРУССКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

При обосновании отсталости Сибири, обычно, не вдаются в тонкости и не вспоминают тот факт, что даже русская историческая наука ведет историю Сибири с

¹ Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII-XVIII веках (библиографические обзоры). Алматы, 2001, С. 176.

первого похода новгородца Гюряты Роговича в 1096 году, который попал в «Повесть временных лет». Ермак куда более известен широкой общественности, «покорение Сибири Ермаком»¹ вошло во все учебники истории, и потому для обоснования мифа о начале истории Сибири с русского завоевания больше всего ссылаются на него.

Впрочем, еще недавно превознесение Ермака было государственной политикой в области культурно-воспитательной работы. Школы, высшие учебные заведения, музеи работали на укрепление этой патриотической мифологии. Если посетить несколько сибирских музеев, если перелистать с десятков книг по сибирской истории, то окажется, что это утверждение – история Сибири начинается с Ермака – не так уж и далеко от истины. Во всех сибирских музеях, сколько нибудь крупных и значительных, обязательно есть экспозиция, посвященная «освоению Сибири». В Государственном Историческом Музее в Москве история Сибири вообще сведена к небольшому стенду, который как раз и представляет это самое «освоение».

Этот подход отлично виден в таком официальном историческом сочинении, как «История Сибири с древнейших времен до наших дней», выпущенный в под редакцией академика Алексея Павловича Окладникова. В ней линия о том, что история Сибири начинается с Ермака, проводится с железной последовательностью. Полностью отказать многотомнику в объективности нельзя. Все-таки, в нем нашли отражение материалы археологических исследований, упомянуты крупные государства, существовавшие в Сибири до русских. Некоторое представление о дорусской истории этот многотомник дает.

Но легко заметить, что русская история в нем излагается многократно подробнее, чем дорусская. Если в первом томе рассматривается история Сибири от палеолита, при-

¹ Более подробно: Верхотуров Д.Н. Покорение Сибири: мифы и реальность. М., «ОЛМА», 2005.

мерно от 30-40 тысяч лет назад, до прихода русских включительно, то уже во втором томе рассматривается история феодальной Сибири, а это уже XVII-XVIII века. Третий том посвящен капиталистическому развитию Сибири, то есть истории XIX века. Четвертый том – это революционные события, а пятый – социалистическое строительство и торжество социализма в Сибири.

В таком изображении, события 1905-1922 годов, то есть всего 17 лет, оказываются приравненными к огромному временному пласту времени в пару тысячелетий. То есть, значение этого периода оказывается в подобном ракурсе больше, чем вся предыдущая дорусская история Сибири.

Совершенно аналогичное положение с сибирской историей во всех советских энциклопедиях, в том числе и в «Советской исторической энциклопедии». Поскольку эти издания и по сей день сохраняют значение справочных изданий, нужно рассмотреть, что в них об истории Сибири написано.

В первом издании «Большой Советской Энциклопедии», в статье «Сибирь» исторического очерка об этой территории нет.¹ Есть только описание географии, природы и экономики. Комментарии, как говорится, излишни. Во втором издании энциклопедии, вышедшем после войны, в статье «Сибирь» есть солидный исторический очерк, который, помимо всего прочего признает существование древних государств в Сибири: Тюркского каганата, Государства Бохай, Кыргызского каганата. Дорусской истории посвящено (вместе с обзором находок времен палеолита и бронзы) 118 строк. Остальное – русская и советская история Сибири.²

Третье издание «Большой Советской Энциклопедии» в статье «Сибирь»³ также признается наличие дорусских государств, но делается это уже другим образом: «В конце 1-го

¹ БСЭ, 1-е издание, т. 51, С. 63.

² БСЭ, 2-е издание, т. 38, С. 653-660.

³ БСЭ, 3-е издание, т. 23, С. 339-345.

тыс. до н.э. в Южн. С. находилось племенное объединение гуннов, из которго в 1-й пол. 1-го тыс. н.э. выделились тюркоязычные народы, в 7-8 вв. – монголоязычные. Существовали знач. гос. объединения – Тюркский каганат, Бохай и др.»¹

В этом издании Кыргызское государство уже не упоминается вовсе, а могущественное государство хуннов названо «племенным объединением». Между тем дорусской истории здесь посвящено 37 строк, также вместе с обзором археологических находок с палеолита.

В «Советской исторической энциклопедии» – наиболее подробном энциклопедическом обзоре, составленном известнейшими советскими историками, в статье «Сибирь»² повторилась та же самая картина. Здесь также дорусской истории посвящена очень небольшая часть статьи, всего 114 строк. Упоминаются Тюркский каганат и государство Бохай. Дорусской государственности в Сибири здесь посвящено 26 строк из большой статьи.

Итак, можно сделать несколько наблюданий. Во всех случаях дорусская история, вместе с археологическими находками со эпохи палеолита, выступала лишь кратким предисловием к русской истории. Это легко устанавливается сравнением объема текста, посвященного русской и дорусской истории. Во всех случаях, дорусская государственность лишь упоминалась, причем всякий раз в разном составе. Это уже более принципиальный момент, указывающий на необъективность историков. Если бы советские историки стремились к объективности, то даже в упоминаниях у них был бы какой-то порядок, и, во всяком случае, в последующих изданиях энциклопедий не было бы «отмены» Кыргызского каганата.

Некоторые историки любят рассуждать о том, что в официозных изданиях было одно, а в «настоящих научных изданиях» было другое, правдивое и точное изложение. Этот

¹ БСЭ, 3-е издание, т. 23, С. 339.

² «Советская историческая энциклопедия», т. 12, С. 830-850.

аргумент несостоятелен по двум причинам. Во-первых, легко установить, что статьи в энциклопедии писались крупнейшими историками, главами научных организаций и лидерами школ. Во-вторых, даже в исторической энциклопедии имеется та же самая тенденциозность, что и в больших энциклопедиях. И в научных монографиях тоже. Они отличались от официальных трудов тем, что содержали только чуть меньше политизированных заявлений, и чуть больше фактов, чем и ценны. Многие историки-сибиреведы, например якутский историк Г.П. Башарин, не занимались составлением официальных трудов, но при этом гнули очень четкую официальную линию в своих работах. Тот же Башарин в этом деле обогнал даже Окладникова.

Во всех этих книгах восторжествовал подход, что история Сибири – это только русская история, и все, бывшее до этого, есть лишь небольшое и неинтересное введение.

ОТНЯТАЯ ИСТОРИЯ

Эти мысли идут вразрез со всем воспитанием и обучением моих читателей-сибиряков, и не только их. Они, скорее всего, встретят среди них сопротивление и протесты. Я полностью отдаю себе в этом отчет и понимаю причины такого положения дел. Очень трудно отказываться от старых, привычных представлений и приобретать новые. Тем более, что представление о самостоятельной Сибири, уже начиная с исторического введения, потребует крупных перемен в мировоззрении.

У сибиряков отобрали историю. Вот об этом надо сказать в полный голос, невзирая ни на какие отговорки и доводы. Взяли много, не постеснявшись. Первое упоминание в письменных источниках о государстве в Сибири относится к 201 году до н.э., когда хуннский шаньюй Мадунь вторгся в Южную Сибирь и завоевал «Динлин-Го», то есть государство динлинов, как записано в китайских

хрониках. Китайские хронисты зафиксировали тот факт, что перед вторжением хуннов в Южной Сибири (на территории современных юга Красноярского края и Республики Хакасия) было государство, и это очень важное сообщение. Чтобы совсем не возникало никаких вопросов, стоит сказать, что сами хунны не были «племенным объединением». Это было крупное и очень влиятельное в те времена государство. Его глава, носивший титул шаньюя, по своему рангу был равен императорам Китая из первой династии – Старшая Хань. Если мы не называем императорский Китай «племенным объединением», то нечего таким образом называть и государство хуннов.

201 год до н.э. на сегодняшний день, до новых открытий, является началом письменной истории Сибири. Люди жили здесь и до этого времени, но, начиная с этого времени, можно говорить о политической, военной, государственной истории Сибири.

Сравните две версии истории. Одна из них начинается с 1582 года н.э., а другая с 201 года до н.э. Разница между ними очевидна.

Причина, по которой русские и советские историки не горели желанием заниматься разработками в сибирской истории, и по возможности замалчивали вообще ее существование, достаточно прозрачна. Империя, что Российская, что СССР, не могла допустить, чтобы у завоеванной территории история была глубже и богаче, чем у самой империи. Такое подавление иной истории было характерно не только в отношении Сибири, но и в отношении всех остальных захваченных стран. Даже в тех регионах, например, Кавказа и Средней Азии, где совершенно точно была древняя и богатая история, она по возможности замалчивалась и вытеснялась в сферу малотиражных научных публикаций, подальше от глаз широкой общественности.

Отнятие истории выбивает почву для сибирской самостоятельности. На мой взгляд, основой для развития любого народа, во всех смыслах, является его полная история,

от момента выхода на историческую арену до наших дней. Рассмотрение всех произошедших в истории народа событий подталкивает человека к одному важному мировоззренческому выводу: если данный народ, страна, появились не вчера, просуществовали приличный временной отрезок, значит есть веские основания для продолжения существования и далее. Я здесь не буду рассматривать разнообразные теории, вроде «богоизбранности». Для меня достаточно того, что народ прожил несколько сотен лет на белом свете. Я отталкиваюсь от права любого человека на жизнь, свободу и родину. Отнятие истории, по существу, равносильно отнятию права на существование.

В отличие от известных историков, принадлежащих к русской историографии, смотрю на задачи истории совершенно по-иному. Такие авторы, как Михаил Ломоносов и Николай Карамзин, с многочисленными последователями, видели в истории средство для развлечения, утешения, примирения с существующим порядком, прославления государства. Я же смотрю на историю, как на концентрированный опыт ушедших поколений, и эта мысль будет положена в основу всех дальнейших рассуждений. Конечная цель изучения истории состоит в том, чтобы обогатиться этим опытом. Все предыдущие ступени: поиск и изучение источников, анализ, составление обобщающих трудов, являются только средством достижения этой конечной цели.

Исторический опыт может обогащать как личный опыт человека, так и опыт государственного или общественного деятеля, причем в последнем виде качество исторического исследования становится критически значимым. Знание истории наращивает личный опыт политика до того уровня, когда он становится способен осознанно принимать серьезные решения и трезво оценивать свои силы.

К слову сказать, степные правители всегда ценили исторический опыт. У монголов ценились и собирались изречения великих ханов, начиная с Чингис-хана, и от наследников престола требовали, помимо всего прочего, обя-

зательного их знания. Монгольский правитель Ирана Газан-хан и его наследник Улчжэйтү-хан были инициаторами составления такого крупнейшего исторического сочинения, как «Собрание летописей» Рашид ад-Дина. У казахов ценилась устная историография, а ряд казахских ханов были также знатоками исторической литературы. Другие правители, не отличавшиеся литературным даром, имели обыкновение держать у себя архив документов и исторические сочинения, наравне с личным арсеналом и сокровищницей.

Наличие исторического опыта также сильно помогает народу в целом. Во-первых, он придает стойкости в трудных ситуациях. Если однажды были пережиты трудные времена, значит, есть все основания пережить их снова, если потребуются. Опыт давал также примерный образ действия в этих ситуациях.

Во-вторых, что самое главное для нас, исторический опыт давал основу для дальнейшего развития. Опыт предшественников, как удачный, так и негативный, прокладывали направление для движения, указывали, куда и как надо идти, а куда не надо. Для сибирской самостоятельности наиболее важное значение имеет именно эта сторона истории.

ПРОБЛЕМЫ С ИСТОРИЕЙ

Вот в этом вопросе у сибиряков пока наибольшие сложности. История Сибири, несмотря на проделанные исследования и достигнутые результаты, пока еще относится к категории наименее всего исследованных и меньше всего известных. Практически по любой теме истории Сибири и Средней Азии исследователи замечают, что материалов крайне мало, обобщающих исследований нет, и всю работу приходится делать практически с нулевого уровня. Как же мало изменилось со времени В.В. Бартольда и Н.М. Ядринцева!

Историки, которые начинают заниматься историей до-русской Сибири сталкиваются с огромными трудностями при изучении источников. Оказывается, что почти вся информация содержится в восточных хрониках: арабских, персидских, китайских, тюркских, в наскальных надписях. Для работы с ними нужен солидный уровень подготовки, который есть сейчас в России буквально у нескольких десятков человек. И то, это совсем не гарантирует отсутствия трудностей при изучении источников. Один из крупнейших в России специалистов по рунической древнетюркской письменности И.Л. Кызласов пишет: «Не раз приходилось наблюдать искреннее удивление, даже растерянность специалистов-тюркологов, впервые увидевших наскальные енисейские тексты, а до этого знавшие о них лишь по рисункам и публикациям: как же можно здесь что-нибудь рассмотреть?».¹

Аналогичным образом обстоит дело с рукописными источниками: «Что же касается текста сочинения, написанного «высоким штилем», то он зачастую представляет собой головоломку, какую-то нескончаемую шараду или ребус, для разгадки которых переводчику нужно не только знать арабский, персидский и тюркский языки, но и быть в курсе всех тех знаний и наук, располагать и владеть которыми обязан был каждый средневековый писатель, ибо в противном случае он подвергался насмешкам и обвинениям в невежестве и необразованности».² Автор этих строк, один из крупнейших знатоков восточных исторических рукописей, В.П. Юдин, сумел создать в Казахстане высококвалифицированную школу востоковедов, которые смогли развить его достижения. В России же, а в Сибири в особенности, ни специалистов такого уровня, ни тем более школ, нет.

¹ Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть первая. Памятники енисейского письма. Горно-Алтайск, 2002, С. 16.

² Юдин В.П. Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, «Дайк-пресс», 2001, С. 28.

Но все же, эти трудности с источниками, трудности изучения и анализа со временем преодолеваются. Гораздо большую трудность представляет собой отсутствие общего представления об истории Центральной Азии, включающей в себя и Южную Сибирь. Становлению изучения истории Центральной Азии очень сильно помешали два обстоятельства. Во-первых, в конце XIX и начале XX веков, когда закладывались основы этого направления, изучение стран Средней Азии и Сибири велось в отрыве от изучения истории сопредельных стран Переднего Востока и Китая. Это было вызвано тем, что изучение велось энтузиастами, часто не имевшими серьезной научной подготовки, на свой счет и инициативу. Им изредка оказывали помощь научные общества в России, в первую очередь Русское Географическое Общество и Русское Археологическое общество.

Нельзя, конечно, переоценить огромный вклад Н.Я. Бичурина, В.В. Бартольда, Л.Н. Гумилева, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других крупных ученых, однако они затронули лишь самые верхушки богатейшей истории Центральной Азии. К сожалению, одиночных сил самых крупных и подготовленных ученых недостаточно для тщательного исследования истории Центральной Азии.

Это зримо сказалось на качестве исследований. Например, бросается в глаза, что англичане, французы и немцы довели свои исследования древних языков до составления полных грамматик, тогда как российские ученые не пошли дальше описания отдельных сторон грамматики этих языков, каких-то кратких и общих описаний или публикации материалов. Например, материалы по согдийскому языку, важному для истории Средней Азии доарабского времени, мало того, что неполны, так еще и разбросаны по труднодоступным публикациям. Точно таким же образом обстоит дело по сибирским языкам енисейской и палеоазиатской семей. Лишь для немногих языков (например, для кетского) исследования доведены до составления полной грамматики.

Во-вторых, сыграла разрушительную роль концепция о том, что кочевое общество «не могло» оставить после себя какие-либо памятники. Адепты этой теории встречаются и по сей день, хотя уже надежно доказано, что в кочевых обществах были города и монастыри, развивалась письменная культура, ремесло и хозяйство.

Вот это: любительское изучение и предвзятое отношение к истории Центральной Азии и привело к тому, что общая история региона так до сих пор и не была описана и осмыслена. Еще в начале изучения сформировались отдельные направления изучения, отдельные группы исследователей, каждый из которых занимался своими делами, и не обращал внимания на отсутствие общего исторического взгляда. До революции – не требовалось, ибо все подменялось и подавлялось «великой и славной» русской историей, после революции – тоже, ибо дорусская история служила лишь кратким предисловием к теории «столько лет добровольного присоединения к России» и «борьбы за социализм».

ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ

Одним из важнейших элементов истории, понятно, является история государственности. Важность государства признавалась практически во все времена, всеми историками, но особенное значение государство приобрело в исторических концепциях марксистских историков. В марксизме возникновение государства связано с определенным уровнем развития общества.

Как раз марксистские историки наиболее рьяно и последовательно отрицали наличие в Сибири значительной дорусской государственности. За исключением узкого круга востоковедов и археологов, у которых были материалы о существовании крупных государственных образований в Сибири, остальные историки всячески принижали значе-

ние сибирских государств. Мы это уже видели на примере статей в энциклопедиях.

Делалось это, понятно, не без некоторого умысла, ибо вместе с отрицанием или принижением государства, отрицался или занижался уровень развития общества. Марксистские историки доходили в этом деле до весьма резких заявлений. Например, В.И. Шунков, один из лидеров в исследовании «феодальной» Сибири, всю жизнь защищал тезис: «Едва ли подлежит сомнению, что до конца XVI века у большинства народов Сибири первобытнообщинный строй был еще господствующим».¹ При такой постановке вопроса все понятно. Не было здесь никакой государственности, и быть не могло, не было никакой цивилизации, и быть не могло и так далее. Понятно при таком ракурсе, что участь этой территории с «первобытнообщинным строем», быть завоеванной и эксплуатируемой.

В.И. Шунков был далеко не рядовым историком, а лидером целого направления в исследовании истории Сибири XVII-XVIII веков, был редактором второго тома «Истории Сибири с древнейших времен», и свои взгляды навязал по меньшей мере двум поколениям историков-сибиреведов. Они преподают в сибирских университетах и передают свои взгляды молодежи.

В опровержении распространенных представлений нужно считать со степенью их укорененности. Мои утверждения, что представление о «первобытнообщинной Сибири» не обоснованно и представляет собой только мнение историков, будут пытаться отвергнуть апелляцией к тем же самым историкам. Здесь спор, чаще всего, ведется методом ссылки на авторитет.

Тогда нужно проверять авторитеты. Однако, при внимательном рассмотрении оказывается, что историки далеко не всегда бывают объективны. Например, тот же В.И. Шунков

¹ Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., «МГУ», 1992, С. 5.

отстаивал тезис о том, что земледелие в Сибири было завезено свободными русскими крестьянами-переселенцами, а не царскими переводами и государственной запашкой. Этот тезис о «мирной крестьянской колонизации Сибири» был теснейшим образом связан с общим представлением об отсталости Сибири до русского завоевания. Мол, она была настолько отсталой, что даже земледелия не было!

Шунков был здесь неправ дважды. Во-первых, все крупные путешественники XVIII и XIX веков, которые описывали жизнь населения бывшего Сибирского ханства, Г.Ф. Миллер, И. Фишер, А.П. Словцов, указывали, что иртышские и тобольские татары являются земледельцами и имеют пашни. Это обстоятельство было оценено царем Борисом Годуновым, и в 1597 году татары и вогулы на захваченных землях были посажены на государственную пашню.¹ Известно, что в 1599 году татары пахали пашню около Тюмени, и в Тобаре, на Тавде. На них был наложен ясак хлебом, вместо пушного ясака.

Во-вторых, русское землепашество все-таки началось с царского перевода крестьян в Сибирь. В 1593 году воеводы Н.В. Траханиотов и П.И. Горчаков были отправлены из Москвы в Сибирь для организации похода на Аблай-Керима, сына Кучума. Летом 1593 года отряд построил на берегу Тавды Пелымский городок, позже переименованный в Пелым. Воевода Петр Горчаков был оставлен в Пелыме, а отряд Никифора Траханиотова на берегу Северной Сосьвы, в 20 километрах от впадения ее в Обь, построил Березов.

В задачи Горчакова входило обустройство первых крестьянских переселенцев в Сибирь. Царским указом из Каргополя, Перми и Вятки в Пелым было переведено 49 семей, из которых 20 поехали сразу со всеми домочадцами. Однако, несмотря на указы, переведенные жители не спешили заниматься хлебопашеством. Во всяком случае све-

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т.2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 27.

дений о том, что в этом году что-то было посеяно, не осталось. В том же 1593 году 10 жителей Великого Устюга и Перми изъявили желание добровольно переселиться в Сибирь и записаться на стрелецкую службу.¹

В самом западном поселении Сибирского ханства, рядом с юртами мурзы Япанчи, в 1599 году был построен Туринский острог. Поставил его отряд из 50 человек во главе с головой Ф. Яновым. В том же году в Туринск было царским указом переведено 55 семей крестьян из Казани, по всей видимости, татар. Весной 1600 года они распахали первую пашню в Сибири. Это была «государева пашня», призванная служить делу снабжения гарнизона Туринска хлебом.²

Иными словами, позиция В.И. Шункова не выдерживает столкновения с фактами, которые показывают несколько важных вещей. Русские захватили земледельческую страну, с давним земледелием, и сразу стали пользоваться его ресурсами. Переселение крестьян из Московии в Сибирь все же в первые несколько десятилетий русского господства в Сибири велось государственными указами. Никакой «чисто русской» крестьянской колонизации не было, ибо в числе землепашцев в большом количестве были сибирские татары, а также переселенные казанские татары.

Тезис В.И. Шункова, который я уже цитировал, основывался, кроме горячего убеждения автора в своей правоте, на замалчивании фактов дорусской истории Сибири. В русской историографии вплоть до 70-х годов XX века не было написано полной истории ни одного степного народа. Акцент в исторических исследованиях делался на то, как нерусские народы Сибири принимали участие в социалистическом строительстве. В 70-е и 80-е годы были написаны исторические монографии по телеутам и ойратам Джунгарского ханства. Это, пожалуй, единственное исклю-

¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.2 М., «АН СССР», 1967, С. 32-33.

² Там же, С. 37.

чение, ибо по другим народам Сибири до сих пор исторических монографий не создано. Более того, этому возводились препятствия. Например, Л.Р. Кызласов, первым начавший писать о государственности енисейских кыргызов, получил ярлык «хакасского националиста», с которым и проходил более 30 лет. Широко известно политическое дело, возбужденное против Олджаса Сулейменова в 1976 году за публикацию книги «Аз и Я», в которой он доказывал следы тюркского языка в «Повести о полку Игореве». Травля истории нерусских народов в Советском Союзе была большая и планомерная.

Именно эта огромная лакуна, отчасти искусственно создаваемая, и давала возможность русским историкам рассуждать о том, что де народы Сибири только-только вышли из первобытно-общинного строя.

Между тем, строительство городов, такой важный признак цивилизации и высокого уровня общественного развития, отмечается для очень раннего времени 90-х годов I века до н.э. На окраине современного Абакана, раскопан дворец получивший в литературе название Ташебинского дворца, который находился в центре большого города, площадью около 10 гектар. Перед дворцом была широкая площадь, шириной около 100 метров, за которой начинались срубные дома, расположенными по строго параллельной системе улиц. Город первоначально, видимо, был укреплен бревенчатой стеной, но его стали обносить мощной пахсовой стеной с башнями. Стена не была достроена, однако сохранившаяся длина укрепления составляла 584 метра.¹ Л.Р. Кызласов, принимавший участие в раскопках города, считает, что это был дворец правителя кыргызов Ли Лина.

То есть, городская цивилизация для Сибири является привычным делом уже с этих давних времен. Это является бесспорным доказательством для того, что в Сибири, в осо-

¹ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 120-122.

бенности в Минусинской котловине, первобытно-общинный строй разрушился задолго до начала нашей эры. Это подтверждается также археологическими находками, которые исключают первобытно-общинный строй в Минусинской котловине уже в IV тысячелетии до н.э.

Пик градостроительства в Сибири выпал на VII-XII века, когда была основана и построена большая часть дорусских городов. Персидский путешественник Абу-Дулаф в X веке побывал в земле кыргызов и описывал город Кэмиджкэт, резиденцию Хырхыз-хакана, и большой комплекс храмов на Уйбате. Арабский ученый Ал-Идриси в XII веке перечисляет кыргызские города: Хакан Хирхиз, Даранд Хирхиз, Намра и Хирхиз. В то же время, по данным Рашид-ад-Дина был основан город Кикас на слиянии Енисея и Ангары.¹

Знали в Сибири и письменность с довольно давних времен. Во-первых, в эпоху Ли Лина в широком обращении была китайская письменность, поскольку китайский язык для того региона был международным языком. На законцовках крыши Ташебинского дворца выдавлена китайская надпись. Во-вторых, в Южной Сибири и в Центральной Азии с VII-VIII веков бытовало свое собственное письмо, т.н. «руническое енисейское письмо», представленное большим количеством надгробных эпитафий, надписей на скалах и на различных вещах. Особенно активно оно использовалось в IX-X веке, а появление в рунических записях явных монголизмов, указывает на то, что это письмо использовалось и после монгольского завоевания.²

Кроме того, в отличие от древнерусской литературы, для «рунического письма» существуют аутентичные рукописи VIII-X веков из Турфанского оазиса и Дуньхуана (Восточный Туркестан). В число рукописных памятников, вы-

¹ Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., «МГУ», 1992, С. 30-31.

² Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., «Восточная литература», 1994, С. 162-164.

полненных на бумаге (!) тушью и чернилами относятся 20 фрагментов различных сочинений и полная книга «Irg bitig».¹ «Знаки этих рукописей принадлежат хотя и различным, но вполне беглым писцовым почеркам» – отмечает И.Л. Кызласов.

Этого вполне достаточно для того, чтобы похоронить представление о Сибири, как о «дикой, первобытной стране». Хотя, это только наиболее яркие факты из истории культуры в Сибири, почти без систематической обработки. Л.Р. Кызласов настаивал: «Мнение (которое в течение длительного времени бытовало в исторической науке), что государств с цивилизацией городского типа в Сибири никогда не было, что к востоку от Урала издревле обитали лишь бродячие лесные охотники и оленеводы, а также степняки-скотоводы, теперь должно быть изменено как несостоятельное».²

Эти, и множество других примеров показывают, что доверять авторитетам, категорически утверждающим отсталость и дикость Сибири нельзя. Они могут быть предвзяты, могут быть необъективны, могут игнорировать показания целого класса источников. Легко заметить, что все наиболее ярые сторонники теории извечной отсталости Сибири старались не пользоваться археологическими данными. Между тем: «Археологические материалы освещают широкий хронологический диапазон: со времен первоначального появления предков человека в Сибири и до XVI-XVII века. Это значит, что археологические источники освещают, по сути дела, все исторические этапы в жизни Сибири, в чем и состоит их особенная значимость».³ Эти слова ныне покойного, к сожалению, археолога В.И. Матюшенко не были руководящим примером для исследователей истории Сибири.

¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., «Восточная литература», 1994, С. 152.

² Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, «Издательство КГУ», 1992, С. 133.

³ Матюшенко В.И. Древняя история Сибири. Омск. «Издательство ОмГУ», 1994, С. 11.

Итак, историография, или совокупность исторических трудов, и история между собой различаются, хотя эти понятия очень часто путают. История включает в себя события, реально произошедшие и как-то зафиксированные. В летописях ли, в исторических заметках, в эпиграфике или археологическими остатками – не важно. А вот историография представляет собой собрание мнений историков относительно истории. Историк, при всем желании, не может охватить все факты истории, и неизбежно конструирует какую-то свою версию истории, свое понимание происходивших событий. При этом, если какое-то историческое событие не попало на страницы исторического труда, не было извлечено из источников и описано, это совсем не значит, что такого события не было вообще.

Представление о том, что в Сибири совсем не было государственности до прихода русских – это не более чем русская историография, то есть собрание мнений русских историков по этому поводу. Это так, потому что многочисленные летописи и историческими записки, археологические находки решительно опровергают это представление. К ним мы сейчас и обратимся.

КОГДА ПОЯВИЛАСЬ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В СИБИРИ?

На сегодняшний день наиболее древняя зафиксированная государственность в Сибири отосится к III веку до н.э., когда в 201 году до н.э. хуннский шаньюй Маодунь вторгся на территорию современной Минусинской котловины (долина среднего течения Енисея) и разгромил местное государство, известное под китайским названием «Динлин-Го». Это наиболее древнее на сегодняшний день упоминание о государственных образованиях в Сибири, хотя, может статься, что будущие изыскания отодвинут зарождение сибирской государственности еще дальше в про-

шное. Скажем, исключать этого я бы не стал. Об этом вполне определенно говорит М.П. Грязнов, раскопавший большой курган Аржан в Туве. Он был уверен, что такое сооружение могло появиться только в государстве.¹

Один из крупнейших сибирских археологов Л.Р. Кызласов связывает это государство с тагарской археологической культурой.² Это культура, зародившаяся в VIII веке до н.э., и просуществовавшая до II века до н.э., а в ряде мест и до I века н.э., когда она переходит в таштыкскую археологическую культуру, поздние этапы которой являются уже следами могущественного Кыргызского каганата.

Для этой культуры характерен очень высокий уровень материального производства. Бронзовое литье этой культуры легко отличается на глаз своими характерными формами и высоким качеством. В музеях хранятся большие коллекции бронзовых ножей, кинжалов, блях, разнообразных изделий, которые производились ремесленниками десятками тысяч экземпляров. Существовало серийное производство. Мне доводилось видеть серию из 16 поясных блях из Косогольского клада, отлитых с одного образца в глиняных формах. Ремесленникам было доступно изготовление полых отливок. Характерно, что ремесленники часто брали импортные образцы, чаще всего китайские, и делали с них копии.

Трудно сказать, сколько добывалось меди, чтобы можно было отлить такое количество изделий, но речь идет о сотнях тонн, может быть, даже тысячах. Хакасский археолог В.И. Сунчугашев подробно исследовал технологию добычи медной руды в древности, и обнаружил, что это была развитая отрасль со своими характерными приемами добычи и со своим инвентарем.

Тагарская культура отличается обилием курганов, в которых начиная с VI века до н.э. стали сооружаться слож-

¹ Грязнов М.П. Курган Аржан. М., «Наука», 1980.

² Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 127.

ные деревянные конструкции. Могилы обустраиваются срубам в несколько (иногда до 8-9) венцов, имеют деревянный пол и потолок, уложенный на балки-матицы. Сруб перекрывался мощным накатом из лиственничных бревен, часто в 3-4 слоя. Материалы раскопок курганов показывают, что население Минусинской котловины в тагарское время в совершенстве владело обработкой древесины, активно строило из него и делало самые разнообразные вещи. Большая Боярская писаница на Енисее зафиксировала вид поселка тагарского времени, состоящего из нескольких рубленых изб, или чего-то вроде хакасских рубленых юрт.¹

При раскопках Тепсейского могильника на Енисее были найдены треугольные в сечении деревянные планки, на которых были вырезаны батальные сцены. Могильник относится также к III веку до н.э. По мнению М.П. Грязнова, эти изображения скорее всего иллюстрируют какой-то героический эпос, что является одним из признаков существования государства. Для более ранних эпох такие наблюдения сделать труднее, однако тот же М.П. Грязнов, при раскопках кургана Аржан в Туве, относящегося к VIII веку до н.э., сделал наблюдение, что построить такой курган могло лишь многочисленное общество, и размах погребального траура наводит на мысль, что в кургане был погребен глава крупного государственного образования.²

Одним словом, совокупность археологических данных показывает, что в I тысячелетии до н.э. в Минусинской котловине жил народ, организованный в высокоразвитое общество, обладающий развитой экономикой, широкими внешними связями и богатой духовной культурой, элементы которой, правда, для нас не вполне ясны. Такой народ мог и должен был иметь свое государственное образование.

¹ Более подробно об археологии и материальной культуре тагарской культуры можно прочитать: Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Верхнего Енисея. Л., «Наука», 1986.

² Грязнов М.П. Курган Аржан. М., «Наука», 1980, С. 29.

К слову сказать, Маодунь потратил большие усилия для завоевания этих территорий не просто так. Исконные хуннские земли в Ордосе были лишены руд металлов, тогда для вооружения большой армии и войны с Китаем требовалось много бронзы и железа. Захватив северные земли, Маодунь обеспечил себя рудно-сырьевой базой, недоступной для китайской армии. Как пишет Л.Р. Кызласов, хунны начинали разрабатывать руды сразу же после захвата новых земель и строительства крепостей.¹ Кроме этого, они, конечно, активно эксплуатировали уже налаженное хозяйство.

В некотором роде, шаньюй Маодунь первым в истории применил политику, когда Сибирь рассматривалась в качестве рудно-сырьевой базы для другого государства, и нещадно эксплуатировалась. Но об этом позже.

СИБИРСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЯДРО

Вопрос о государственности в Сибири серьезно запутывает граница, которая отделяет современную Сибирь от Монголии. Она, установленная по русско-цинскому договору в 1723 году, разделила Саяно-Алтай на две части, северная из которых попала под власть России, а южная – под власть Китая. Это очень поздняя граница, которой в древности и средневековье не было, но она тщательно соблюдается в исторических сочинениях. Иногда историки доходят по прямой фальсификации, рисуя на исторической карте этого места XVII века современную границу. Здесь политические мотивы берут верх над исторической точностью.

Между тем, Саяно-Алтай – это и есть историческое ядро Сибири, где зародились главные сибирские государства. Оно географически делится на четыре части.

Кызласов Л.Р. Города гуннов. // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999, С. 196.

Первая часть – это верховья Иртыша и Оби, включающие в себя район озера Зайсан и плато Укок. Она отделена мощной грядой Горного и Монгольского Алтая, и имеет свободный выход в казахские и сибирские степи, через них к Каспию и в Среднюю Азию.

Вторая часть – это верховья Енисея, в месте четырех притоков: Абақана, Ербы, Сыды и Тубы. Эта область отделена стыком Горного Алтая и Восточного Саяна, а также Кузнецким Алатау. Сейчас она называется Минусинской котловиной, но в древности ее называли Кэм, по древнему названию Енисея. Котловина имеет узкий проход на юг, и свободный выход в сибирскую лесостепь и степи.

Третья часть – котловина великих озер – Убсу-Нур, Хыргыз-Нур (Хара-Ус-Нур на современной карте), ограниченная с трех сторон Горным и Монгольским Алтаем, Восточным Саяном и имеющая узкий выход в южномонгольскую степь, к излучине Хуанхэ, или Ордосу.

Четвертая часть – долина Орхона и южное Прибайкалье, отделенная Хангайским хребтом и Восточным Саяном, и имеющая свободный выход в южномонгольскую степь и Маньчжурию.

Строго говоря, само понятие Сибирь относится только к первой части, и то не к самому Алтаю, а к связанным с ним сибирскими степями. Распространение этого названия, воспринятого русскими, носит чисто политический характер, и не отражает исторических реалий. Точно так же не соответствует реалиям исторического развития разделение «Сибири» и «Монголии», возникшее очень поздно. Но сейчас, в силу слабого развития исследований истории Сибири, крайне трудно сказать, как эти районы назывались в древности, и какое название для них наиболее характерно.

Чтобы понять закономерности возникновения и развития сибирской государственности, и древнего сибирского общества вообще, необходимо события, происходившие в этом регионе, осмысливать вместе. Развитие обще-

ства в одной части Саяно-Алтая толкало развитие в другой части. Разные внешние импульсы с запада, юга или востока приводили к быстрому изменению положения. Здесь с силу чисто географических причин, никогда не происходило полной смены населения. Переселенцы, приносившие новую культуру, сталкивались и смешивались с местными традициями, что порождало в будущем их синтетический сплав.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ СИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Зародившись в середине I тысячелетия до н.э., государственность в Сибири не прерывалась вплоть до времени русского завоевания. Это принципиальный момент, который русская историография пыталась замолчать всеми доступными методами. Никакого другого метода «отменить» сибирскую государственность, неплохо зафиксированную в хрониках и археологическими данными, не было.

Наиболее ранние более или менее подробные сведения о государственности в Сибири относятся к I веку до н.э., когда хуннский шаньюй Цзюйдихоу назначил ваном цзяньгуней (кыргызов) пленного китайского генерала Ли Лина, бывшего окольничего при дворе императора У-Ди династии Старшая Хань, и ваном динлином князя Вэй Люя.¹ Причем Ли Лин, кроме того, что он сам по себе обладал высоким положением и знатным происхождением, был женат на дочери шаньюя Цзюйдихоу, и был самостоятельным правителем в своих владениях. Династия хуннских шаньюев в те времена обладала такой же знатностью и величием, что и императорская династия Хань.

¹ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 128.

То есть, мало того, что первая известная государственность в Сибири не только обладает солидной древностью, но и также первые правители, известные по историческим заметкам, обладали очень большой знатностью. Причем, если сопоставить с родословной Рюриковичей и Романовых, то становится очевидно, что и первые, и вторые являются худородными перед правителями Динлин-го.

Как и всякая другая государственность, сибирские государства имели периоды своих взлетов и падений. Это совершенно нормальное дело, общее для всего человечества. Наибольший расцвет государственности в Сибири пришелся на четыре периода, зафиксированных письменными материалами. Три из них были связаны с тюркскими народами, а один оказался связан с монгольскими народами.

Предположительно, расцвет государственности, или развитого, сложного общества, был в середине I тысячелетия до н.э., связанный с существованием упомянутого в китайских хрониках «Динлин-Го». Однако, у нас сейчас нет достаточных письменных и археологических данных, чтобы охарактеризовать этот период. Выделению этого периода мешает и то, что не вполне понятна история этого региона в первой половине I тысячелетия н.э. Поэтому, пока он в периодизацию сибирской государственности не включается. Возможно, в будущем будут найдены более надежные сведения об этом времени, и тогда «Динлин-Го» займет место первого периода расцвета государственности в Сибири.

Первый период пришелся на VI век, на пору формирования Первого Тюркского каганата, сложившегося в 546-555 годах н.э. Это был краткий период, когда тюрки смогли распространить свое политическое влияние на огромную территорию от Китая до границ Византии. Он завершился к середине VII века.

Второй расцвет государственности пришелся на VIII век, когда в 745 году уйгуры создали Уйгурский каганат со столицей на Орхоне, в городе Орду-Балык. Это было круп-

ное и влиятельное государство, рухнувшее под ударами кыргызов в 840 году.

Третий период расцвета государственности пришелся на IX-X века, когда кыргызы смогли разгромить Уйгурский каганат, и построить мощное государство, захватившее господство в Центральной Азии. Его территория распространялась от Иртыша до Байкала, с запада на восток, и от Ангары до Семиречья, с севера на юг. Связи кыргызов простирались от Китая до Скандинавии и до Ирана.

Предположительно от Ли Лина берет свое начало длинный род кыргызских правителей, представители которого правили в Минусинской котловине до начала XVIII века. В частности, кыргызский каган Алп Урунгу (Ажо), который в 840 году разгромил уйгурский каганат и захватил Центральную Азию, был прямым потомком Ли Лина, и император У-цзи внес в 846 году его в родословную царского рода династии Тан. Император Чжун-цзу династии Тан официально признавал династию кыргызских правителей родственной, потому что первый император династии Тан, Ли Юань происходил из того же рода, что и Ли Лин.¹

Когда кыргызский каган Алп Урунгу имел право прибывать к императорскому двору как родственник императора (что было тогда очень большой привилегией), а не как подданный, предки Рюрика вроде бы владели небольшими землями на Балтике, и никакой знатностью не отличались. Эти сравнения необходимы для того, чтобы понять, какого высокого развития достигла Сибирь в это время.

Четвертый период расцвета государственности был связан уже с монголами. После киданьского похода в 924 году, в результате которого тюрки, жившие в степях нынешней Восточной Монголии, на Орхоне, покинули свои кочевья, монголы, бывшие до этого лесным и охотничьим народом, спустились в степь, заимствовали у тюрков кочевое хозяй-

¹ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 133.

ство и обосновались на старых землях Уйгурского каганата. Другие монголоязычные народы вытеснили тюрок со всей территории современной Монголии. В 1205 году Тэмуджин захватил власть над всеми монгольскими народами и основал империю, захватившую большую часть Евразийского материка. Место, откуда эта империя начала свой рост, долины Керулена и Орхона, входило в ядро Сибири. Поэтому, и монгольская государственность также относится к сибирским государствам. Примечательно, что вплоть до падения империи Юань в 1367 году, территория Сибири находилась под властью императоров этой династии.

Пятый этап государственности, правда не приведший к возникновению больших и известных государств, имел место быть в конце XVI – первой половине XVII веке, когда монгольские народы снова образовали, на этот раз уже в западной части географического ядра Сибири, два государства.

Первое из них образовал монгольский князь Шолой Убаши, принявший титул Алтын-хана, в котловине больших озер. Это государство просуществовало до 70-х годов XVII века, когда было сокрушено джунгарами, а его территория попала под власть Цинского Китая.

Второе в 1644 году образовал ойратский хунтайджи Батур – Джунгарское ханство. Местом его формирования и расположением ставки хана была долина верхнего Иртыша в районе озера Зайсан. Ойраты, создавшие это государство, приняли название джунгары. Джунгарское ханство было разгромлено в 1756 году цинами, и большая часть его территории была включена в состав Цинской империи, и сейчас находится в составе территорий Китая.

Вместе с тем были периоды, когда сибирская государственность претерпевала сильный упадок.

Первый из них связан с хуннским нашествием III века до н.э., когда под власть хуннского правителя попала большая часть географического ядра Сибири с первыми государственными образованиями, и Сибирь в это время утратила политическую и экономическую самостоятельность.

Этот период продолжался довольно долго, до середины I тысячелетия н.э., до эпохи подъема тюрок.

Второй период упадка был связан нашествием монгольских народов, начавшихся с походов киданей в X веке. Он завершился в начале XIII века с образованием Монгольского государства, включившего в себя почти всю территорию Сибири, причем не только Саяно-Алтая, но и западносибирских степей.

Мы сейчас живем в третий крупный период упадка сибирской государственности, который начался в XVIII веке разгромом последних монгольских государств Российской и Цинской империями. В это время территория географического ядра Сибири оказалось поделенной между этими двумя империями. Возможно, судя по событиям последнего времени, этот период упадка государственности постепенно завершается, хотя пока нет никакой возможности предсказать дальнейшее историческое развитие региона.

Из этого обзора следует несколько важных выводов, имеющих для нас принципиальное значение. Первый и самый главный состоит в том, что сибирская государственность, считая от первого известного письменного сообщения, существует уже более 2200 лет. За это время возникло несколько крупных, известных и занявших видное место в истории государств.

Это показывает, что вопрос о наличии в Сибири собственной традиции государственности даже не должен ставиться, ибо это является очевидным историческим фактом. Всякий, кто говорит о якобы имевшем место отсутствии государственности в Сибири тем самым расписывается одновременно в своем собственном невежестве и политической ангажированности.

Второй важный вывод состоит в том, что возникновение нового государства в Сибири в некотором историческом будущем вполне возможно. До этого все периоды упадка государственности завершались возникновением новых, крупных и известных государств.

Глава 2

Сибирский Туран

«Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно».

Л.Н. Гумилев, «Древние тюрки»

«Первый и главнейший народ в Сибири есть татары, которые живут в полуденных странах, около рек Тобола, Иртыша, Оби, Томи и Енисея, и в лежащих степях между помянутыми реками».

Г.Ф. Миллер

История Сибири писалась, прямо скажем, весьма странным образом. Об этом можно говорить долго, рассматривая те или иные странности, появившиеся в описании сибирской истории русскими историками. Их великое множество.

Русские историки старательно не замечали тесных связей Сибири со Средней Азией и Передним Востоком – одним из центров мировой цивилизации, собственной сибирской государственности, обширной и богатой на события внутренней истории и высокой городской цивилизации. Сибирь под пером русских историков утратила даже свой этнический характер. Только в сочинении Г.Ф. Миллера по истории Сибири есть признание того, что тюрки являются главным народом Сибири: «Первый и главнейший народ в Сибири есть татары, которые живут в полуденных странах,

около рек Тобола, Иртыша, Оби, Томи и Енисея, и в лежащих степях между помянутыми реками».¹

В трудах большинства его последователей такого признания нет.

ГРАНИЦА, СБИВАЮЩАЯ С ТОЛКУ

Одной из причин искажения истории Сибири, как уже говорилось, стала граница. Это может показаться странным, однако, граница русских владений в Западной Сибири и на Алтае внесла большой вклад в отрыв истории Сибири от истории сопредельных регионов, с которыми были давние и прочные связи, и от народов, там живших.

Эта граница, установленная в начале XVIII века в Западной Сибири, и в 1723 году на Алтае, искусственно отделила Сибирь от Центральной Азии. Собственно, это был чисто политический раздел, который, однако, перешел в область исторических исследований. Это произошло потому, что Сибирь, попавшая под власть России, стала изучаться научными экспедициями с 20-х годов XVIII века. Довольно тщательные и подробные исследования провели Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин и другие исследователи. А вот Казахская степь, Семиречье, междуречье Сырдарьи и Амударьи, а также Монголия, оказались за пределами этого научного изучения вплоть до конца XIX века. В это время они воспринимались как сопредельные территории, и их описанием занимались военные и дипломаты. Упор, понятно, делался на современное положение. Это внимание только к истории позднего времени перешло и в

¹ Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала, и особливо от покорения его Российской державой по сии времена; сочиненное Герардом Фридрихом Миллером, историографом и профессором Университета Академии Наук и Социстета Английского членом. Книга первая. СПб, 1787, Глава 1, параграф 3, С. 1.

современную историческую литературу, в результате чего история Средней Азии, это почти исключительно история ряда ханств с XV-XVI веков.

Когда в 20-30-е годы XIX века началось систематическое изучение восточных письменных источников, главным образом арабских, персидских и китайских, положение изменилось с точностью до наоборот. Поле для этого научного востоковедения стала только Центральная Азия, тогда как Сибирь, несмотря на очевидную географическую связь с южными регионами и известные факты истории, из рассмотрения востоковедами исключалась. Поразительно, но факт. Казахское ханство относилось к такому востоковедению и его история изучалась по восточным источникам, а Сибирское ханство – нет. Стоит отметить, что связь Сибирского ханства с Бухарой и родом Шейбанидов, правивших там, всегда была широко известна. Но ученые предрассудки, раз укрепившись, всегда брали верх над логикой и фактами.

Окончательное закрепление положения произошло чисто административным путем. При образовании Казахской ССР, значительная часть территорий, которые раньше относились к Сибири, оказалась северными областями Казахстана. Граница сместилась к северу, сократив наиболее населенную часть Сибири до узкого, в 250-300 километров, коридора. Но это только часть дела. Чисто административно, изучение истории степи, главным образом казахов, но вместе с ними и всех остальных народов, здесь живших, перешло в ведение Академий Наук Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. А на долю сибирских историков осталось, де-факто, только археология и история русского завоевания Сибири.

Начиная с 50-х годов XX века такой подход окончательно закрепился, вся дорусская история, известная по письменным памятникам, выпала из поля зрения сибирских историков. Огузы, жившие на Южном Урале и в степях, вплоть до Иртыша, оказались в «ведении» туркменских историков, только потому, что они были связаны с туркменами и Сель-

джукским государством. Кочевые узбеки, раннее ядро государства которых находилось на территории юга Западной Сибири, оказались в «ведении» узбекских историков. Кыпчаки и казахи оказались в «ведении» казахских историков. Не повезло кимакам, территория каганата которых впоследствии оказалась разделенной между Сибирью и Казахстаном, в итоге чего сибиряки копали кимакские памятники, а казахи занимались письменной историей, кстати говоря, не особо в этом преуспев. Была попытка в 50-х годах «передать» енисейских кыргызов в ведение киргизских историков, правда скоро стало ясно, что ничего хорошего из этого не получится.

Кроме всего этого, в Советском Союзе проводилась целенаправленная политика, при которой основные книжные хранилища создавались в Москве (Библиотека им. Ленина, ныне Российская Государственная Библиотека), в Ленинграде (библиотека Академии Наук – БАН), а в остальных городах проводилась своего рода «регионализация» библиотечных фондов. То есть, поступала преимущественно та литература, которая издавалась по данному региону, и, само собой, издававшаяся на месте, а также определенный набор общеобязательной литературы. Долгое время эта политика казалась оправданной. Ее объясняли тем, что в Москве больше институтов, больше ученых и книги больше нужны. Но, на практике «регионализация» библиотек привела к постепенному падению уровня региональной науки. Де-факто получалось, что таким образом ученые в региональных научных центрах отрезались от новейших достижений, от новинок, от литературы по другим регионам и направлениям.

У нас уже успели позабыть такое любопытное обстоятельство, что когда в регионах создавались научные центры, никто не заботился о создании связей между ними. Например, в конце 50-х годов почти во всех национальных республиках и автономиях были созданы Научно-исследовательские институты языка, литературы и истории (НИИ-

ЯЛИ). Однако, что из этого вышло. Будучи лишенными связей и прямого доступа к библиотекам и архивам, эти институты за 10-15 лет провели полевые исследования, развернули раскопки и поиски. Но быстро выяснилось, что историю всех народов невозможно понять вне связи с другими народами. Это же и в отношении языка, литературы, культуры. А вот связей между институтами почти не было. В итоге, расцвет НИИЯЛИ в 60-х годах быстро сменился их упадком. Например, Хакасский НИИЯЛИ оказался зажат на узкой фактологической базе исследований в Хакасии, и не имея научных связей с Академией Наук Киргизской ССР, не мог решить животрепещущий вопрос о енисейских и семиреченских киргизах. В свою очередь над этим вопросом отдельно работал институт истории АН КиргССР, достиг в этом больших успехов, но и он готового ответа не дал.

Политическая граница, «территориальное» размежевание в исторической науке и «регионализация» фондов привели к тому, что целостность истории региона была утрачена. Тот же Кимакский каганат оказался разорван между учеными двух административных образований. Сибирские археологи изучали археологические памятники, оставленные кимаками, но не могли заниматься историей. И наоборот, казахские историки разрабатывали историю Кимакского каганата, но не могли заниматься археологией. Ни те, ни другие, не имели полного представления о государстве.

О связях между регионами и государствами можно вообще не говорить. В условиях «регионализации» исторической науки это была самая крамольная тема, самая политически опасная. Допускался вплоть до конца 80-х годов XX века только один вид изучения связей – когда и как народы «добровольно присоединились» к России. Вообще, в русской литературе, что по истории, что по археологии и этнографии, установилось стойкое пренебрежительное отношение к тюркским народам Сибири, которое выражается в употреблении таких слов, как «племена», «племенные вожди», «патриархальные отношения», даже «первобытно-

общинные отношения» и так далее. Правда, сплошь и рядом оказывается, при внимательном рассмотрении, что «племена» имели сложную социальную организацию, хорошо вооруженное латное войско, орошаемое земледелие, развитую металлургию и вообще господствовали на больших территориях. Этот подход, и ныне распространенный в ученых кругах, блокирует изучение подлинной истории тюркских народов Сибири. Исследователь, возвращенный на концепции «первобытно-общинных» отношений в Сибири, просто не в состоянии представить себе, какие широкие и многосторонние связи Сибири с другими регионами существовали в древности. Признаюсь, я тоже находился под влиянием этого представления и мне многих усилий потребовалось на исправление этого взгляда.

Между тем, рассмотрение современной физической карты Западной Сибири, даже без обращения к историческим справкам, показывает, что никакого географического барьера, отделяющего «Сибирь» от «Казахстана» не существует. Это – единая территория, на западе ограниченная отрогами Южного Урала, на востоке – Саяно-Алтаем, на севере упирающаяся в границу таежных и болотных земель на правом берегу Оби. Собственно, Обь является северной границей этой территории, за которой начинаются малопригодные для жизни места. Эту всхомленную степную равнину пересекают с юга на север несколько крупных рек: Тобол, Ишим, Иртыш, Обь и Енисей на самом востоке.

На юге, в самых верховьях этих рек, был водораздел притоков Иртыша, Оби и Сыр-Дарьи, ныне известный под названием Тургайского плато и Казахского мелкосопочника, составляющих Центральный Казахстан. С южных склонов его стекали Сары-су и Тургай, впадавшие в Сыр-Дарью. На западе Казахской степи Эмба и Урал впадают в Каспийское море. Сейчас это место – или очень сухая степь, полупустыня, или даже пустыня, а в древности, когда режим увлажнения был другой, верховья левых притоков Оби и правых притоков Сыр-Дарьи, было очень плодородным,

богатым травой и водом, местом. Сухие русла показывают, насколько густая там была речная сеть.

На востоке этой области среди отрогов Саяно-Алтая есть несколько крупных речных долин: Оби, Чумыша, Катунни, Томи, Кондомы, Чулыма, Енисея. Из степного левобережья Оби есть лестостепной проход через среднее течение Томи и Чулыма в замкнутую котловину Енисея. Через верховья этих рек есть сообщение с южными склонами Саяно-Алтая.

Собственно, эта территория и есть сибирский Туран, заселенный и освоенный тюрками в период с начала нашей эры до VIII-IX веков. Дальнейший исторический очерк ни в какой мере не претендует на исчерпывающую полноту, а служит, скорее, целям ориентировки.

ПОЯВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО ТУРАНА

При сегодняшнем состоянии изучения раннесредневековой истории тюркских народов Сибири и Центральной Азии, трудно охарактеризовать ранние этапы сложения сибирского Турана. Скорее всего, это было связано с передвижением части гуннов на запад, в Семиречье, где образовалась область, населенная т.н. «малосильными гуннами»¹, и далее в низовья Волги. Род Ашина, или «пятьсот семейств Ашина», от которых впоследствии произошли тюрки, в это время переселился из Ордоса (излучины Хуанхэ) на южные склоны Алтая. В долине верхнего Енисея в это время появляются первые тюркоязычные поселенцы, по всей видимости, предки кыргызов. В это время долины Иртыша, Оби, Ишима и Тобола были заселены угро-самодийскими народами.

¹ Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., «Издательство В. Шевчук», 2001, С. 26.

Вторая волна тюркского переселения на северо-запад началась, очевидно, в V веке. Ее отметило, очевидно, восстание телеутов, живших на Алтае, в 492 году против Жужаньского ханства, и образованием собственного ханства, известного под китайским названием Гаогюй¹. Правда, уже в 496 году государство было разгромлено эфталитами, что вызвало, очевидно, первую волну бегства населения на север и северо-запад, в долины Верхней Оби и ее притоков. По сведениям археолога В.А. Могильникова, тюркские памятники отмечаются в этом районе с VI века.²

Эта территория закрепилась в тюркских руках после похода на запад Истеми-кагана, младшего брата тюркютского Бумын-кагана, основателя Тюркского каганата. В 554-555 годах он, во главе войска, набранного по всей видимости на Алтае (Л.Н. Гумилев полагает, что в состав его входили разнородные народы, в том числе и угро-самодийские), совершил поход к «Западному морю» (Аральскому), а в 558 году дошел до низовьев Волги.³ Таким образом, под власть тюркских каганов попала огромная территория, в будущем заселенная тюрками.

Насколько можно судить, в это время тюрков больше всего интересовали южные районы: Семиречье, долина Сыр-Дарьи, в общем, территории, прилегающие к городским областям Средней Азии. Долина Оби и Иртыша еще не привлекала их внимания, что отражено в тюркских надписях. «Познания о Сибири у тюрков были невелики. Очевидно, тайга их не привлекала. Они знали только племена и народы, жившие на границе со степью: байырку в Восточном Забайкалье, курыканов, в то время живших около Байкала, кыргы-

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Клышников, Комаров и К», 1993, С. 16.

² Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, «Издательство НГУ», 1992, С. 15.

³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Клышников, Комаров и К», 1993, С. 34-35.

зов в Западных Саянах и карлуков на Верхнем Иртыше. Название Иртыш сохранилось до нашего времени».¹

После распада Тюркских каганатов, на Иртыше в середине VII века расселяются кимаки, которые в конце IX века образовали довольно большое государство – Кимакский каганат, территория которого охватывала Центральный Казахстан, Северный Алтай и Прииртышье.² Долина Иртыша была основной областью этого государства, здесь находилось 11 из 16 городов каганата.³ По всей видимости, с кимаками связано распространение тюркского населения по Оби до устья Чулыма. Барабинская степь была заселена тюрками в VII-VIII веках.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДО ТАЙГИ

Период активного заселения тюрками этой территории пришелся на IX-X века, когда в восточной и западной частях области появились два могущественных народа. На востоке, в Минусинской котловине в начале IX века резко поднялся и захватил гегемонию на Саяно-Алтае Кыргызский каганат, а в западной части поселились огузы.

После того, как в 840 году кыргызский каган Алп Урунгу разгромил Уйгурский каганат, власть кыргызов распространилась на большую территорию не только в южной части Саяно-Алтая, но и в Обь-Иртышском междуречье. Судя по находкам кыргызских погребений, влияние кыргызов распространялось до Иртыша на западе, и захватывало долину Томи и Катуня.⁴

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Клышников, Комаров и К», 1993, С. 341.

² Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв по арабским источникам. Алма-Ата, «Наука», 1972, С. 113-116.

³ Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, «Мастер Лайн», 2000, С. 138-139.

⁴ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, «Издательство КГУ», 1992, С. 77.

Как они распространили свое влияние на этой территории, сколько долго ее удерживали и как сложились их отношения с кимаками, сказать сейчас невозможно за крайним недостатком сведений.

Распространение тюрок по Оби и Иртышу в это время, вышедших из долины Енисея, подтверждают материалы изучения языка ясколбинских (или заболотных) татар, живущих по правому берегу Иртыша. Язык этих татар характерен большой древностью, которая выражается наличием в говоре кыпчакского типа древнетюркского слоя, восходящего к памятникам орхоно-енисейских и таласских надписей.¹ Хотя, стоит отметить, что ряд исследователей считает, что язык западно-сибирских татар древнее языка орхоно-енисейских надписей.² По всей видимости, распространение кыргызского влияния вызвало достаточно массовое переселение тюрок в долину Оби и Иртыша, вплоть до устья Тобола, причем переселенцы заняли все места, пригодные для земледелия и скотоводства. Это распространение тюрок подтверждается археологическими данными.

Западная часть Западной Сибири в это время оказалась заселенной огузами, которые, после распада Западно-Тюркского каганата, распространились от берегов Аральского моря на север, северо-запад и запад, дойдя до реки Урал и нижнего течения Волги, заселив восточные склоны Мугоджар и Южного Урала, а также, по всей видимости, степи вплоть до Иртыша. До тех пор, пока огузов в XI веке не вытеснили кыпчаки, Дешт-и Кыпчак называлась Огузской степью. Расцвет огузского государства пришелся на вторую половину X века.

Центр этого государства располагался в среднем течении Урала, видимо, при впадении р. Орь. Здесь нахо-

¹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, «Издательство НГУ», 1992, С. 40.

² Там же, С. 16.

дился город Даранд, известный в качестве летней ставки огузского ябгу.¹

В это время сложились основные районы распространения тюрок в сибирском Туране, которые охватывали верховья Оби, верховья и среднее течение Иртыша, Ишим, а также Тобол, и, возможно, даже чуть дальше на север по Оби. Население, пришедшее сюда из Минусинской котловины, принесло навыки земледелия, но в общем установившееся хозяйство сочетало в себе земледелие, скотоводство, как оседлое, так и кочевое, и охоту.

Политически в это время территория была периферией крупных государств, и сложение собственных государственных образований приходится на монгольское время. Хотя, стоит указать, что есть отрывочные сведения, упоминаемые в сочинениях Абулгази-хана, что в конце XI века на Ишине образовалось государство, которое Абулгази называет «Туран». Называется 16 правителей, последний из которых – Он-Сон был уже мусульманином, и правил в начале XIII века, накануне монгольских завоеваний.

Надо отметить, что археологические данные, например, с нижнего течения Чулыма, а также притоков Оби выше Чулыма, наводят на мысль, что в это время – VII-XII века, здесь могло существовать развитое общество угро-самодийских народов, возможно, даже государственность. Во всяком случае, на это указывают многочисленные находки оружия и доспех (Тюхтетский и Ишимский клады домонгольского времени), многочисленные городища, а также такой яркий культовый памятник, как Айдашинская пещера, основной состав коллекции из которой сложился в VII-XIII веках², а в послемонгольское время пещера уже, видимо, не почиталась.

¹ Агаджанов С.А. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII веков. Ашхабад, «Ылым», 1969, С. 37-38, 78.

² Молодин В.В., Бобров В.И., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, «Наука», 1980.

Так что, вероятно, распространение тюрок в Западной Сибири было остановлено на границе с угро-самодийскими народами, и существует возможность существования государств у угорского населения в домонгольское время.

МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Монголы внесли большие изменения в карту сибирского Турана. Поход киданей 924 года, переселение найманов и образование Найманского ханства вытолкнуло на запад ряд тюркских народов. Кыпчаки, например, при передвижении на запад, серьезно потеснили огузов, выдавив их из степи к побережью Аральского моря и в долину Сыр-Дарьи. С XI века Огузская степь получила новое название, известное по персидским источникам, Дешт-и Кыпчак.

Еще большие изменения произошли в начале XIII века, когда Чингисхан разгромил Найманское ханство в 1204 году, и начал свое продвижение на запад. В это время, тюрки активно двинулись вниз по Иртышу, заселяя Барабинскую степь, устья Ишима, вплоть до Тобола.

Во время похода Чингисхана в Среднюю Азию, как пишет Г.Ф. Миллер, к нему приехал Тайбуга, который попросил выделить ему удел на Тоболе. Милость была оказана, Тайбуга с 500 воинами захватил земли по Ишиму и Тоболу, стал главой татарских улусов по Тоболу, и около 1219-1220 годов построил город, получивший название Чингин, или Чимги-Тура, в честь Чингисхана. Тюменский улус входил в состав улуса Джучи. Впоследствии север Казахстана и юг Сибири был выделен в улус Шейбани.

В дальнейшем, Западная Сибирь переходила из одного владения в другое, пока, наконец, в конце XV века не получила самостоятельность и не оформилась в виде сначала Тюменского, а потом и Сибирского ханства.

В первой половине XIV века правитель Золотой Орды Джучид хан Узбек подчинил своему влиянию долины То-

бола, Ишима и Иртыша. Эти владения находились под его властью по крайней мере до 1342 года, до смерти хана.¹ Во время 20-летней смуты в Золотой Орде, области оказались, скорее всего, в составе Заяицкого юрта, которым в 1362-1374 году правил хан Алибек. В 1379 году Золотая Орда была объединена Тохтамышем.

В 1395 году начался поход Тимура на Золотую Орду, который завершился разгромом золотоордынского войска и разорением столиц. Судя по отрывочным данным, поход прошел в том числе и по южным областям Западной Сибири. По результатам этого похода западносибирские земли отошли во владения Ак-Орды.

Разгромленный хан Золотой Орды Тохтамыш скрылся в Тюменском улусе, где и пробыл до 1406 года, когда его убил хан Шадибек, правитель Кок-Орды, а затем и Золотой Орды, марионетка основателя Ногайской Орды Эдиге. В 1407 году, после смерти Шадибека, Эдиге сажает на престол Тюменского улуса Чокре, который в 1414 году становится ханом Золотой Орды.

После гибели Эдиге, его сын Мансур сажает в 1421 году на престол Ногайской Орды и Сибири Хаджи Мухаммада, который избирает своей столицей Кызыл-Туру, бывшую столицей Турана в домонгольское время.

В 1428 году хан Абулхаир, шейбанид, выделяется из Ак-Орды и основывает Узбекский улус и захватывает Тюменский улус. Причем центр этого кочевого объединения располагался на Туре, недалеко от Чингидина.² В 30-50-х годах XV века Узбекский улус занимал обширную террито-

¹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, «Издательство НГУ», 1992, С. 88; Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI веках. 1238-1598 годы (от битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., «Международные отношения», 2005, С. 22.

² Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, «Издательство НГУ», 1992, С. 80.

рию, от Урала до Балхаша, и от Аральского моря до среднего течения Иртыша.¹ Это достаточно интересное средневековое государство, о котором мало что известно. Один из крупнейших специалистов по государству кочевых узбеков Б.А. Ахметов признает: «Исторической науке до настоящих дней остается мало известным как само это государство (его создание, развитие и упадок), так и социально-политическое положение тюркских племен, кочевавших на этой обширной территории в XV веке».²

Известно, что это государство было разделено на пять улусов. Первый улус, включавший северное Приаралье, принадлежал Джумандук-хану. Второй, земли по Яику и Эмбе, был улусом мангытов, позднее ядром Ногайской орды. Третий улус, верховья Тобола и Ишима, был владением Махмуд-ходжа-хана. Четвертый, земли в верховьях Ишима и вокруг озера Тенгу, принадлежал Мустафе-хану. Пятый, земли по левому берегу Иртыша, выше впадения Тобола, был отдан Давлат-шейх-оглану.³

Правда, в 1456 году ойраты нанесли первое поражение узбекам, результатом которого стал постепенный распад государства кочевых узбеков. В 1467 году Джанибек, внук Урус-хана, правителя Ак-Орды, отделился от Узбекского улуса и образовал в долине Чу и Таласа Казахское ханство.

Внук Хаджи Мухаммада – Хаджи Мухаммад Ибрагим, или просто Ибак, в 1468 году захватывает престол в Кызыл-Туре. Это был яркий правитель, достигший очень больших успехов. 20 лет его владение соседствует с владением Мара, потомка Тайбуги, сидевшего в Чингидине. В 1480 году начинается большой поход Хаджи Мухаммад Ибрагима на запад. В этом году он нападает на Мара, убивает его и переносит столицу в Чингидин. Осенью начинается поход

¹ Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы, «Гылым», 1999, С. 38.

² Ахметов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., «Наука», 1965, С. 5.

³ Там же, С. 42.

на Казанское ханство, потому что было известно, что казанский хан Ахмед ушел на Русь, но не смог добиться победы, и вернулся после стояния на Угре. В январе 1481 года Ибак разгромил войско Ахмеда и убил самого хана. Казанское ханство попало под влияние правителя Сибирского ханства, основанного после этих побед.

Однако, в конце XV века начинается быстрый закат ханства. В 1490 году Ибак лишается трона в Ногайской Орде, в 1493 году возвращает его. В 1495 году убит сыном Мара Мухаммадом.

Мамык, брат Ибака, бывший беклербеком в Ногайской Орде и потерявший положение после смерти брата, в 1496 году захватывает Казань. Его правление в Казани оказалось коротким и неудачным. Во время похода на Арское княжество казанцы заперли ворота города и не пустили Мамыка назад. Вскоре Мухаммад захватил их владения и город Чингидин.

Это время важно для изучения истории сибирского Турана, однако, оно же является наиболее сложным для разработки. Многочисленные политические события и завоевательные походы, смены правителей, переход территорий из одного владения в другое, при острой нехватке сведений и источников, превращают историю сибирского Турана этого времени в трудноразбираемую мешанину. Совершенно нет сведений о важнейших этапах. «Из-за отсутствия сведений в источниках нам почти неизвестна политическая история улуса Шайбана вплоть до 20-х годов XV века», – признает Б.А. Ахметов.¹ Сейчас пока невозможно опереться ни на сведения исторических источников, по причине их мало-разработанности, ни на историю сопредельных народов, и государств, в состав которых входила Западная Сибирь. В будущем, когда будут более детально разработаны восточные исторические сочинения, а также история сопредельных народов, этот вопрос значительно прояснится. Пока

¹ Ахметов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., «Наука», 1965, С. 41.

лишь можно установить только общие абрисы политической и государственной истории сибирского Турана.

В это время Западная Сибирь, бассейн Оби, Иртыша, Тобола, Ишима, окончательно закрепляется за тюрками, которые вытесняют угро-самодийское население на север. Впоследствии, уже при хане Кучуме, сибирские татары захватывали и заселяли земли по Иртышу выше впадения Тобола, и к моменту русского завоевания захватили земли вплоть до места строительства Верхотурья.¹ В монгольское время возводится густая сеть городов, которую застали русские, хорошо укрепленных, с каменными строениями и мечетями. По всей видимости, прокладывается сеть дорог. С этих пор тюркское население Сибири более или менее закрепляется на своем месте, и живет здесь до сих пор.

Итак, этот краткий, сжатый и абрисный очерк показывает, что Сибирь является с середины I тысячелетия тюркской территорией, заселяемой тюркскими народами, остатки которых сохранились в виде отдельных родов среди сибирских татар.

СИБИРЬ – ТЮРКСКАЯ ЗЕМЛЯ

Разговор о сибирском Туране необходим для того, чтобы понять, что Сибирь является тюркской территорией. Это принципиальный момент для дальнейших рассуждений, столь же принципиальный, как и наличие своей традиции государственности.

В основе современного положения Сибири лежит не только представление об «изначальной дикости» сибирских народов, но и представление о том, что это будто бы была редконаселенная какими-то непонятными народами,

¹ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX веков. Новосибирск, «Издательство НГУ», 1992, С. 35.

территория. В большинстве исследований по истории и этнографии сибирских татар они предстают каким-то диким народом, представленным «племенами», находящимися на стадии чуть ли не в «первобытно-общинном строе». Этот подход отчасти диктовался общим отношением к Сибири, так и методологией этнографии, которая априори рассматривала исследуемые народы как дикие и отсталые. Прямо об этом не говорилось, но содержание исследований на это указывает достаточно наглядно. Только Н.А. Томилов, исследовавший сибирских тюрок в течение 30 лет, и написавший о них несколько монографий, увидел их в реальном свете. Он установил, что русские застали сибирских татар на стадии формирования нации, отличающей себя от всех остальных тюрок, и этот процесс, хоть и сильно замедленно, продолжается вплоть до современности.

Исследования Н.А. Томилова показали, в частности, что сибирские татары, в крайне неблагоприятных условиях, все же сумели ассимилировать часть приезжих казанских татар и башкир, а также в значительной степени достигнуть общего самосознания и сблизиться в своей культуре и языке.

Как показано в историческом очерке сибирского Турана, а также главе о сибирской государственности, основные национальные общности в Сибири живут на своих местах достаточно давно. Тюрки обосновались на Алтае и в Западной Сибири в начале I тысячелетия н.э. и живут здесь до сих пор, несмотря на политические перемены. Монголы как жили на Орхоне и в верховьях Амура, так и живут там до сих пор. Улус Есугей-багадура, отца Чингисхана, несмотря на политические перемены, оставался в монгольских руках. Угро-самодийские и енисейские народы занимают свои территории также на протяжении по меньшей мере полутора тысяч лет.

Если сопоставлять с русской историей, то видно, что Сибирь приобрела свой национальный характер, близкий к современному, до того как славяне переселились в верховья Днепра и Приильменье и заложили основы будущему

Русскому государству. Если эти территории сейчас воспринимаются как исконно русские, и даже исконно славянские, то таким же образом Сибирь должна восприниматься как исконная земля тюрков, монголов и угро-самодийцев.

Если же говорить, что, мол, Сибирь не является родной землей для тюрков (как ныне пытаются некоторые рьяные «русские патриоты» в Сибири), то надо говорить, что и Русь не является родной землей для славян. Тюрки прочно освоили Прииртышье, Приишимье и Притоболье в те времена, когда русские только-только начали осваивать верховья Волги, будущий центр Московского государства.

Провал попыток колонизации Сибири русскими вызван далеко не в последнюю очередь этими обстоятельствами, точнее, их недооценкой. Русские пытались обосноваться в Сибири исключительно на праве завоевания. Однако, на деле это привело к тому, что при колоссальных богатствах Сибири и большими возможностями русских по их добыче, ни собственного процветания, ни бурного развития государственности и общества им достичь не удалось.

ВАЖНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ

Мысль о том, что сегодняшнее развитие является следствием событий прошлого, или короче, история руководит современностью, не является просто словами. Археологические раскопки показывают, что подавляющее большинство населенных пунктов находится в местах, заселенных с каменного века. Как только стал складываться современный ландшафт, человек находил для жизни удобные места и поселялся в них.

Большинство современных промышленных районов находится в местах, освоенных горняками и кузнецами с древности. В ряде случаев, современные дороги проходят по древним дорогам, а то и прямо включаются в состав со-

временной дорожной сети. Подобных примеров можно найти множество.

Народы, жившие в Сибири в древности, создали за тысячелетия устойчивую географическую структуру хозяйства, которая, как показывают исследования, вполне удовлетворительно обеспечивала на уровне технологий того времени многолюдные общества. В той же Минусинской котловине динлины и кыргызы определили места, где удобно поселиться (эти места заселены и теперь), где удобно пахать и сеять (там и теперь пашут и сеют), где удобно добывать руду и плавить металл, проложили дороги и тропы. Если оценивать в общем систему землепользования в древности, то надо признать ее очень рациональной и аккуратной. В Кыргызском каганате были четко разделенные земли для полукочевого скотоводства, сохранившегося и по сей день, пашенного орошаемого земледелия, выделялись селитебные территории, охотничьи угодья и даже заповедники, связанные со святыми местами. Все это фиксируется археологическими памятниками, стелами и наскальными изображениями.

Русские же, захватив Сибирь, долгое время, вплоть до начала XX века, не могли наладить комплексного хозяйства. Н.М. Ядринцев, уже с высоты конца XIX века, признавал: «Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали алчность пришлых людей. Но в этом стремлении к открытию естественных богатств, и овладению ими, не были ни системы, ни умения, ни знания».¹ Русские попеременно эксплуатировали сибирские богатства: соболя, руды металлов, золото, пашни, леса, теперь уголь, алюминий, нефть и газ, доводя их до сильного истощения, и даже не пытаясь создать комплексное хозяйство. С одной стороны, у русских не было желания так делать. С другой стороны, у них не было опыта, а смотреть на достижения местных народов они не хотели.

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 231.

Современная экономическая структура Сибири, о которой мы будем говорить ниже, страдает тем же самым недостатком. Она создана под влиянием чуждых для Сибири интересов, без какого-либо учета местных условий и накопленного исторического опыта. Она также, как и все русское хозяйство в разное время, направлена на эксплуатацию отдельных видов ресурсов. Ее эффективность всегда будет ниже, чем у любого, даже самого плохого, комплексного хозяйства.

Без изучения и полного учета накопленного сибирского опыта невозможно будет построить нормальную сибирскую экономику. Этот опыт принесет нестандартный для сегодняшних пор взгляд на многие вещи, и необычные экономические решения, эффективные в Сибири.

Глава 3

Русские в Сибири

«Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали алчность пришлых людей. Но в этом стремлении к открытию естественных богатств, и овладению ими, не были ни системы, ни умения, ни знания».

Н.М. Ядринцев

На эту тему принято говорить с благоговейным придыханием. Тема русских Сибири: как пришли, как захватили Сибирь, поселились и завели хозяйство, нашла широкое освещение в исторических трудах. Не будет большим преувеличением сказать, что сейчас существует только русская история Сибири. Над ней работают сотни ученых, много издавалось литературы, издается и теперь.

Весь этот большой коллектив историков-сибиреведов практически не задавался простым вопросом: каким было

присутствие русских в Сибири? С одной стороны, невнимание к этому вопросу понятно. Русская историография предлагала и навязывала готовый ответ на него – русское присутствие было прогрессивным для сибирских народов, будто бы только выходящих из «первобытно-общинного строя».

С другой стороны, историки-сибиреведы не занимались историей дорусской Сибири и задаваться таким вопросом им было не нужно. Не было материала для сравнения, и вопросов таких не возникало. Метод географического разделения и «регионализации» науки работал хорошо.

Не был поднят и исследован простой вопрос о том, что собой представляет русский народ в Сибири. Внимание этнографов было приковано к небольшим народам Крайнего Севера, а вот основных жителей Сибири: русских и сибирских тюрков, внимание обошли. На эту проблему жаловался в свое время еще Н.М. Ядринцев. Он писал: «На международном конгрессе ориенталистов в Петербурге, в 1876 году, был поднят вопрос о том: увеличиваются или уменьшаются сибирские племена во времени завоевания Россией Сибири. Вопрос этот, интересовавший ориенталистов, не мог быть разрешен научными отделениями, так как точных исследований по этому вопросу не оказалось».¹

С тех пор положение немного изменилось и сибирские татары были достаточно тщательно исследованы, их язык, культура, быт и современное положение. По русским же жителям Сибири, кроме изучения языка старожилов, такой подробной работы не проводилось. Отдельные исследования и публикации, к сожалению, не сведены воедино, не изданы, и недоступны для широкого использования.

Для того, чтобы определить основные черты сибирской самостоятельности, нужно ответить на эти два вопроса о русском вкладе в историю Сибири.

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 7.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ИМПЕРИЙ

Трудно сказать, почему не сопоставляется русское и монгольское завоевание Центральной Азии, Сибири и части Европы, несмотря на ряд очевидных параллелей. Изначально, как Московское княжество, так и улус Есугей-багадура были слабыми, периферийными владениями. Оба государства возглавлялись харизматическими правителями, которые в своей политике поставили на военную силу и дипломатическую хитрость, а целью – максимальное расширение власти. Только Чингисхан, пожалуй, был удачливее Ивана III, поскольку ему удалось захватить гораздо большую территорию. Оба государства, при своем расширении, разрушали другие государства, общества и культуры, чем нанесли большой вред историческому развитию народов Евразии.

В общем и целом, Московия и Монгольская империя сильно похожи друг на друга, недаром в России давно уже бродит идея преемственности русской государственности от монгольской.¹ Особенно активно развивали ее евразийцы Н.С. Трубецкой и Г.В. Вернадский, и определенная работа в их рассуждениях есть.

Однако, в этой исторической параллели, которая позволяет понять некоторые общие закономерности хода истории в Сибири, евразийцы никогда не доходили до логического завершения. Причиной тому то обстоятельство, что Монгольская империя показала как образец быстрого по историческим меркам возвышения, так и образец очень жалкого распада. Этой параллели с Российской империей евразийцы признавать не желали, и не желают признавать теперь современные евразийцы, например, Александр Дугин.

Если же рассматривать общую, а не укороченную историю Центральной Азии, то мы обнаружим, что русское владычество вполне сопоставимо с монгольским по всем основным признакам. Что монголы, что русские завоевали

¹ Для примера: Трубецкой С.Н. Наследие Чингисхана. М., «Аграф», 1999.

большую часть Центральной Азии, основали империю, которая примерно через 150 лет распалась на «улусы», а потом и вовсе рассыпалась на отдельные части.

Если считать и историю СССР, то Средняя Азия входила в русскую империю в течение чуть более 150 лет. Казахстан входил чуть подольше, в течение порядка 200 лет, так же как и Южная Сибирь, кстати. Сибирское ханство – порядка 400 лет. И распадение ее происходит по мере откалывания наиболее поздних вошедших в ее состав территории. Сначала откололись самые поздние приобретения, а потом все более и более старые. Совершенно аналогичным образом формировалась и распадалась Монгольская империя. Собственно монгольские земли, составлявшие ядро Монгольской империи, держались до середины XVII века, а точка в истории последнего монгольского государства, связанного с империей Чингисхана, была поставлена в 1758 году. Монгольская империя, со всеми связанными с нею государствами, просуществовала, круглым счетом 550 лет.

При этом, историческая роль и Монгольской, и Российской империи оказалась схожей. При завоевании культурные достижения предыдущего периода малой частью перенимались, большей частью уничтожались, завоеванные народы частично истреблялись, частично включались в систему жесткого обложения, в результате чего уровень развития резко падал, и народы откатывались назад.

После чего, когда захватчики навязывали свою, имперскую культуру, составленную из заимствованных частей. Так, часть монголов распространяли ислам и персоязычную литературу. Другая часть монголов распространяли ламаизм и переводную индусскую, тибетскую и китайскую литературу. Русские распространяли византийское православие, переводную немецкую и французскую литературу. Собственное творчество имперских народов – русских и монголов было во многом основано на заимствованных образцах. Империи приносили некоторые новшества, в основном военного или государственного свойства, но насто-

ящий расцвет и развитие имперских народов, как показывает монгольский пример, наступали лишь после крушения империи.

КТО ПЕРВЫМ ПРЕВРАТИЛ СИБИРЬ В СЫРЬЕВУЮ БАЗУ?

Принято считать, что Сибири в качестве сырьевой базы первыми использовали русские. Во всяком случае, так утверждают наиболее авторитетные из историков-сибиреведов, начиная с В.И. Шункова. Но, согласиться с этим утверждением нельзя. У русских в деле эксплуатации Сибири были знаменитые предшественники.

Один из наиболее ранних завоевателей подобного рода был хуннский шаньюй Маодунь (также известный как Модэ), который около 201 года до н.э. совершил большой военный поход на север и покорил владенья хуньюев, цюйше, гэгуней, динлинов и синьли.¹ Из них динлины сейчас связываются с населением, оставившим памятники поздних этапов тагарской археологической культуры на юге Красноярского края и в Хакасии. Они жили примерно в III-I веках до н.э.

Как показано исследованиями Л.Р. Кызласова, хунны развернули на покоренных землях бурную деятельность. Дело состояло в том, что центр хуннского государства, расположенный на Ордосе (большая излучина Хуанхэ), практически не имел руд металлов, необходимых для войска. После завоевания северных земель, хунны получили доступ к их разработке, построили несколько городов (известно 10 укрепленных хуннских городов на юге Сибири и в Монголии), около 20 поселений, в которых были поселены

¹ Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994, С. 7.

ремесленники.¹ Кроме того, как показано исследованиями А.П. Окладникова, в Забайкалье размещался древний центр пашенного земледелия.²

Один из наиболее крупных хуннских городов находился в Прибайкалье, на левом берегу Селенги при впадении Иволги, ныне известный как Иволгинское городище. Это был крупный укрепленный город, размерами 340 x 340 метров, и занимавший площадь в 11,5 гектар. Внутри города имелась крестовая планировка жилых и производственных кварталов, городские улицы имели дренажные канавы. В городе имелись мощное керамическое и металлургическое производства, хранились запасы продовольствия и содержался скот.

Известен также город в Минусинской котловине, на окраине Абакана, более известный как Ташебинский дворец, по главному его сооружению. Это было крупное глинобитное сооружение дворцового типа, которое находилось в центре большого города, площадью около 10 гектар. Перед дворцом была широкая площадь, шириной около 100 метров, за которой начинались срубные дома, расположенными по строго параллельной системе улиц. Город первоначально, видимо, был укреплен бревенчатой стеной, но его стали обносить мощной пахсовой стеной с башнями. Стена не была достроена, однако сохранившаяся длина укрепления составляла 584 метра.³ Предполагается, что это был дворец и город пленного китайского генерала Ли Лина, бывшего окольничего при дворе императора У-Ди династии Старшая Хань, которого хуннский шаньюй Цзюйдихоу назначил ваном цзяньгуней (кыргызов).⁴ Город этот, нами

¹ Кызласов Л.Р. Города гуннов. // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М. 1999, С. 196.

² Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, «Наука», 2003, С. 586.

³ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 120-122.

⁴ Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблемы ранней государственности Южной Сибири. М., «Восточная литература», 2001, С. 128.

уже упомянутый, не был до конца раскопан, большая часть материалов не опубликована, но, судя по всему, как и другие такие крупные города, он был одновременно и торгово-ремесленным центром.

Это была первая система использования Сибири в качестве сырьевой базы. Она опиралась на ряд укрепленных городов и замков (в точности, как русские в XVII-XVIII веках опирались на остроги и крепости), и служила добыче, первичной переработке и вывозу необходимого сырья. Для хуннов самым главным были бронза и железо.

Правда, спустя чуть более ста лет, динлины восстали и повели борьбу против хуннов. Известно, что в 72 году до н.э. началось первое восстание. В 61 году до н.э. динлины совершили большой набег на хуннов, захватили пленных и скот, сумев уйти от ответного рейда. В 49 году до н.э. шаньюй Чжичжи сумел снова покорить эти области, но война не завершилась. В конце концов, хунны лишились этих территорий и своей сырьевой базы.

Следующим, кто применил метод эксплуатации сырья в Сибири, была Жужанская орда, сформировавшаяся в 50-х годах IV века н.э. из сброда и беглецов, принявшая военную организацию.¹ Им удалось покорить теле и тюрок, живших на Алтае, которые плавил для жужаней железо. Поскольку Жужанская орда была довольно примитивной, они просто собирали дань железными изделиями, но весьма недолго. В 490 году телесский правитель Афучжило отложился.²

С VI по XIII в Сибири существовали мощные государства: Тюркский каганат, Уйгурский каганат, Кыргызский каганат, которые сами владели своей территорией и использовали ресурсы на рост своего могущества.

Следующим претендентом на сибирские ресурсы оказался Чингисхан. Подчинив себе монгольские племена и добившись провозглашения на курултае в 1206 году себя

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993, С. 12.

² Там же, С. 16.

Великим ханом, Чингисхан первым делом обратил внимание на северо-западных соседей, то есть на территорию современной Тувы и Минусинской котловины. Это был Кыргызский каганат, который уже пережил пору своего наивысшего могущества, но при этом представлял большой интерес для монголов развитым хозяйством. В 1207 году старший сын Чингисхана Джучи с большим отрядом прошел по льду Енисея через горный проход и завоевал кыргызов. После завоевания Хубилаем Китая, Южная Сибирь до 1368 года вошла в состав империи Юань, что подтверждается находками юаньский пайцз.

Также, как и хунны, монголы строили города, селили в них ремесленников и начинали активно использовать природные богатства завоеванного края. Монгольской экспедицией АН СССР были исследованы монгольские города, построенные в современной Туве сразу после завоевания 1207 года. В этой области монголы построили пять городов, из которых главным был город у Дёп-Терек на Улуг-Хеме. Они не имели крепостных стен, но по размеру это были крупные города. Монголы были уверены в своем превосходстве, потому городских укреплений не строили, но возвели в Дёп-Тереке роскошный дворец. Город у Дёп-Терек занимал площадь около 30 гектар и вытягивался на 1200 метров. В нем археологи насчитали порядка 120 зданий, в том числе дворцовое сооружение.¹

Основное занятие городских жителей – черная металлургия. Это был центр выплавки чугуна. Для печей в 7 километрах от города добывался уголь на современном Элегестском угольном месторождении. Там найдены древние шахты. Из угля выжигался кокс, найденный в городе Дёп-Терек.²

Сведения, почерпнутые из находок монет, показывают, что монголы перерезали традиционные связи Южной Сибири с соседними регионами, точно так, как это сделали

¹ Древнемонгольские города. М, «Наука», 1965, С. 60-66.

² Там же, С. 112, 117-118.

русские в начале XVIII века. Коллекция монет Минусинского музея показывает, что наиболее активная торговля велась в IX веке (237 монет). А вот от всего монгольского периода только 9 монет, из них 8 отчеканено в государстве Цзинь, а одна принадлежит монгольской династии Юань.¹ То есть, торговых связей практически не было.

Монголам завоевание кыргызов обошлось довольно дорого. Вскоре после похода 1207 года произошло восстание. Они время от времени вспыхивали до 1293 года, когда юаньский полководец Тутухай не повторил похода Джучи. Ему удалось разгромить кыргызов, и для предотвращения новых восстаний там было поселено 700 семей военных поселенцев. Правда, и это достижение было относительно недолгим, поскольку в 1368 году династия Юань пала, и Южная Сибирь отложила от монголов. После полутора веков монгольской эксплуатации, кыргызы так и не смогли вернуть себе былого могущества. Среди утрат, вызванных этой эксплуатацией, можно назвать утрату культуры поливного земледелия, имевшего высокий уровень развития в домонгольскую эпоху. Практически были утрачены навыки строительства глинобитных домов и сооружений, хотя в Кыргызском каганате до монголов построили много таких зданий. Следы этих навыков сохранились в виде строительных терминов, оставшихся в языке.

Этот момент представляет очень большой интерес. Борьба с попытками эксплуатации Сибири, превращения ее в сырьевую базу, составляет важную часть содержания всей истории Сибири. Завоеватели применяли, в общем, схожую стратегию: военный захват, строительство городов, завоз ремесленников. По всей видимости, что в русское время, что в перечисленных случаях, превращение Сибири в сырьевую базу вызывало разрушение внутреннего рынка, внешних связей (что видно на примере находок монет в Минусинской котловине), а также подрыв самого хозяйства.

¹ Киселев С.В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, С. 59.

Пока что возможно только краткое описание этой важной стороны сибирской истории, потому что крайне недостаточно сведений, как из письменных источников, так и археологических данных. Будущие исследования дадут более полную картину создания сырьевой базы в Сибири хуннами и монголами, и позволят провести сопоставление с русским периодом.

ЧТО ПРИНЕСЛИ РУССКИЕ?

В русской историографии, когда речь заходит о позитивном влиянии русских, обычно указывают, что русские принесли сибирским народам земледелие, ремесло и строительство городов. На то, чтобы объявить о том, что русские еще принесли и просвещение, совести и оснований уже не хватало – русские в Сибири и сами до конца XIX века совсем не блистали просвещенностью.

Теория о «развитии русскими Сибири» стоит на двух основаниях: преувеличении роли русского влияния и преуменьшения достижений сибирских народов.

Если почитать разные официальные сочинения, вроде «Очерков истории СССР», то эта картина встанет во всей своей красе. Официозное многотомное, очень капитальное издание: «Очерки истории СССР», просто живописует якобы имевшую место быть отсталость сибирских народов. Без малейших оснований авторы этого труда пишут: «В XVII веке основное занятие сибирских татар, живших в Тобольском, Туринском, Тюменском и Тарском уездах, по-прежнему оставались промыслы – «зверовые добычи и рыбные ловли».¹ Нельзя не обратить на строение фразы, которая дает понять, что так, мол, было «от века». На страницах этого труда в разных местах фигурирует «примитивное земледе-

¹ Очерки истории СССР. Т. 5 Период феодализма. XVII в. М., «Издательство АН СССР», 1955, С. 824.

лие», обзор которого подводится фразой: «Отдельные очаги примитивного земледелия некоторых племен Сибири не могли играть какой-либо роли в деле снабжения хлебом русского населения, так как они не обеспечивали продовольствием даже эти племена».¹ Это сказано о древнем земледелии в Минусинской котловине.

Конечно, никаких доказательств примитивности не приводится. Но подчеркивается, что тут как раз пришли русские и завели эффективное пашенное земледелие, которое якобы тут же решило продовольственные проблемы Сибири.

Все подобные фразы, встречающиеся в монографиях, обобщающих трудах и учебниках, глут. Земледелие, и отнюдь не примитивное, было известно в Сибири задолго до русских. О наличии земледелия по археологическим данным можно с уверенностью говорить для III-II веков до н.э. для долины Енисея, в Минусинской котловине, и для раннего средневековья (V-VI века н.э.) для Западной Сибири. Судя по всему, первоначальным очагом были именно долины Алтая и Минусинская котловина, из которой земледелие распространялось на остальные территории. В «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года» признается: «Тагарские динлины первыми в Сибири и Центральной Азии изобрели продуктивную ручную мельницу с круглыми каменными жерновами, и, вероятно, вскоре освоили плужную обработку пашен».² Правда, есть отдельные указания и на более древнее просихождение земледелия, но эта тема требует отдельного обстоятельного исследования. Так что в Сибири земледелие освоили примерно за две тысячи лет до прихода русских.

Русские крестьяне пахали деревянной сохой, потом освоили двухзубую соху, а в XVIII освоили выдающуюся технологическую новинку – тяжелый деревянный плуг с

¹ Очерки истории СССР. Т. 5. Период феодализма. XVII в. М., «Издательство АН СССР», 1955, С. 861.

² История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993, С. 34.

железным лемехом и плоской отвальной доской. Между тем, плужное земледелие было известно в Минусинской котловине с раннего средневековья. В Минусинском музее хранится 23 экземпляра китайских, литых чугунных плугов с отвалами. Один из них сделан в V в. н.э.¹ Кыргызы занимались пашенным земледелием до тех пор, пока их хозяйство и государство не было подорвано длинной чередой войн XVII-XVIII веков.

А вот чего русские не смогли освоить в Сибири, так это поливного земледелия, известного в Минусинской степи и Забайкалье с начала эры. В средневековье население Кыргызского каганата строило длинные, по 15-20 километров, каналы, и осваивало даже сухие и неудобные для земледелия участки. Строительством ирригации занимались буряты-земледельцы, и не было известно ни одного случая, чтобы русские крестьяне переняли искусственное орошение полей. Например, в Бурятии поливное земледелие освоили буряты, по примеру сохранившихся там древних оросительных каналов. Русский же крестьянин считал: «Если Бог не даст урожаю, то хитри, не хитри, все будет понапрасну».²

А теперь об эффективности русского земледелия. К сожалению, пока очень трудно сопоставить его с земледелием дорусской эпохи, в силу неразработанности темы и крайнего недостатка в фактах. Но достаточно привести несколько фактов, чтобы показать, что русское земледелие в Сибири не обеспечивало продовольствием вплоть до начала XVIII века.

В первые годы, когда началось переселение в Сибирь русских крестьян и заведение первых пашен, на население Перми, Соли Камской, Вятки, Устюга, Черыдыни была воз-

¹ Киселев С.В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, «Хакаское областное издательство», 1951, С. 40.

² Асалханов И.Л. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. Улан-Удэ, «Бурятское книжное издательство», 1963, С. 28-30.

ложена повинность поставки в Сибирь хлеба, т.н. «сошных запасов». Эта повинность была отменена только в 1685 году.

В 1594 году пелымскому воеводе Ивану Горчакову было предписано создать пашенный городок, чтобы гарнизон и население Пелыма могли самообеспечиваться хлебом. Однако, факты показывают, что с этим дело не заладилось. В конце XVII века именно Пелымский уезд нуждался в привозном хлебе, и здесь находилось всего 56 крестьянских дворов.¹

Этот неприятный факт можно бы списать на северное расположение Пелыма, на неподходящий климат, если бы не общая статистика. В начале XVIII века в Сибири распахивалось порядка 100 тысяч десятин земли, 110 тысячами взрослых крестьян. На крестьянина приходилось в среднем по 0,9 десятины. Всего собиралось 3,9 млн. пудов хлеба, то есть примерно по 35 пудов на крестьянина.² В пересчете на современную меру, крестьянин собирал 0,56 тонны зерна в год. При том, что он должен был обрабатывать «государеву» пашню, платить с десятков налогов, отдавать часть урожая воеводе, ясно – эти результаты его труда не обеспечивали потребностей крестьянина. И потому русское крестьянство предавалось все тем же промыслам, что и сибирские народы, которые последним ставятся как признаки отсталости. Отмечается, что рыболовством в Сибири занимались все, вплоть до сынов боярских, и существовал налог в 1/10 улова. Занимались пушным промыслом, и платили в казну 1/10 добытого, собирательством, заготовкой кедровых орехов и прочими промыслами, не брезговали даже сараной.

Если речь идет о кыргызах, то сбор сараны и рыболовство считается у нас признаком отсталости общества. А что русский крестьянин кушал рыбу и закусывал той же самой сараной, это у нас – «прогрессивное русское влияние».

В этой связи стоило бы сказать, что русское земледелие

¹ История Сибири. Томск, «Издательство ТГУ», 1987, С. 122-129.

² Там же, С. 128, 163.

очень долго не было главным занятием русских жителей в Сибири. Главное внимание они обращали на промыслы, которые сильно преобразили русское население. Зверование, поиск золота и серебра, были чуть ли единственными промыслами, которые гарантировали пропитание и обогащение.

Во-первых, на промыслах русские чаще сталкивались с местными населением, чего не было в крупных городах.

Во-вторых, русские перенимали у местных методы и навыки промыслов, узнавали богатые уголья, рыбные и ореховые места.

В-третьих, перенимали многие бытовые привычки, образ жизни местных промысловиков. Это оказало глубокое и серьезное воздействие на русских жителей Сибири, о чем писал Н.М. Ядринцев: «Народ в Сибири под влиянием поисков богатства преобразился в бродячих и кочующих авантюристов, так что государству и правительству впоследствии предстояло много труда и усилий прикрепить его к месту».¹

Когда русское земледелие перешло на более южные районы, ранее русскими недоступные, и хлеб стал расти лучше, то выяснилось, что население Сибири его потребить не может, а вывезти его целиком, по причине отсутствия дорог, практически невозможно. Когда в середине XIX века общие сборы зерна превысили 80 млн. пудов в год, повсеместно в Сибири началось винокурение, превратившееся в ведущую отрасль местной промышленности. Например, в 1894 году в Западной и Восточной Сибири действовало 34 винокуренных завода, которые перекуривали в год 2,3 млн. пудов зерна и 150 тысяч пудов картофеля, делая 97,9 тысяч ведер вина.² Одним словом, когда зерна, наконец, стало много, его предпочитали переводить на водку.

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 234.

² Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб, 1896, С. 209.

Вполне серьезные историки утверждали также, что в Сибири до русских никакого развитого ремесла не было, и потому русские принесли сюда ремесленное производство, и чуть ли не технологию обработки железа. Читая работы того же О.Н. Вилкова, трудно отделаться от этого впечатления.

Однако, и здесь русские историки не правы. Археологические раскопки, как на Алтае, в Минусе, так и в Западной Сибири, показывают, что население здесь в дорусскую эпоху имело развитое ремесло во всех отраслях. Особенное развитие получила металлургия и металлообработка, деревообработка, обработка кожи и шерсти.

Во-первых, Южная Сибирь является одним из наиболее древних очагов металлообработки. Здесь металл появился в III тысячелетии до н.э. В середине и конце II тысячелетия до н.э. в Южной Сибири сложился мощный центр производства бронзовых изделий, которые по своему качеству и совершенству были на уровне лучших образцов. Карасукские бронзовые вещи, особенно ножи, распространялись вплоть до Европы, Передней Азии и Японии, и вызвали массу подражаний. В середине I тысячелетия до н.э. стали изготавливать первые железные предметы, а бронзолитейное производство достигло своего расцвета.

Только общий, очень беглый обзор показывает, что традиция выплавки и обработки металла, раз появившись в Южной Сибири, затем уже не прерывалась, и в дальнейшем только совершенствововалась. В средневековье в Кыргызском каганате железо выплавлялось массовым способом. Раскопаны несколько крупных поселений кузнецов и плавильщиков, с десятками железоплавильных горнов.

Это была мощная отрасль. С.В. Киселев исследовал такой поселок кыргызского времени под Минусинском. Магнитный железняк добывался в 100 километрах к северу, за Тубой, и перевозился, судя по всему, по реке. Горны стояли почти во всех лесах этого района, судя по всему, привязанные к выжигу древесного угля. Каждый горн, имев-

ший наддув с помощью мехов, использовался по 25-40 раз.¹ Если принять, что вес выплавляемой крицы мог составлять 15-20 килограмм, а самих горнов могло быть 20-30 на одном поселке кузнецов (известен металлургический комплекс у с. Ефремкино на Большом Июсе, в котором было 35 горнов), то один такой поселок мог давать до 20-24 тонн кричного железа.

Уровень развития кузнечного мастерства показывают кыргызские вещи, в первую очередь оружие. Например, в Минусинском музее в 40-е годы хранилось свыше 4 тысяч железных наконечников стрел.² Наскальные рисунки и находки показывают, что кыргызы делали полный набор вооружения воина, а также защиту боевого коня.³ Разумеется, изготавливались многие другие железные предметы. Кыргызская сталь «молат» была широко известна, и в китайских летописях отмечается, что кыргызские сабли прорубают кожу носорога.

Монголы, которые в 1218-1293 годах пытались завоевать кыргызов, знали, что захватывают мощную производственную базу. После завоевания верховий Енисея, монголы построили тут несколько крупных городов, в которых быстро создали мощное металлургическое производство на высочайшем для того времени уровне. При изучении монгольского городища на Дён-Тереке, в верховьях Улуг-Хема (это был крупный город, в котором было по меньшей мере 120 зданий), обнаружены остатки крупного кузнечного производства, добычи угля на Элегестском месторождений, выжига из него кокса и выплавки чугуна.⁴

¹ Киселев С.В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, «Хакасское областное издательство», 1951, С. 45.

² Там же, С. 47.

³ Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья. // Сибирская заимка, № 7, 2000, <http://www.zaimka.ru>; Бобров Л.А. Новая реконструкция комплекса вооружений кыргызских воинов VI-XII вв. // Сибирская заимка, 1998-1999, <http://www.zaimka.ru/>.

⁴ Древнемонгольские города. М., «Наука», 1965, С. 112, 117-118.

Высокое умение обработки металлов у местных народов держалось вплоть до последнего времени. Сколько бы не говорили о «примитивном кузнечестве» алтайцев, однако В.В. Радлов писал: «Алтайские кузнецы считались большими мастерами, их хорошая работа повсюду славится. Они умеют особенно хорошо закалять железо, так что алтайские ножи предпочитают русским».¹

На очень высоком уровне была обработка цветных и драгоценных металлов. Кыргызские ювелиры имели сложный набор ювелирных инструментов, в который входили комбинированные инструменты: молоточек-напильник и другие. Им удавалось делать золотую фольгу толщиной в 3 микрона, и наносить серебрянную инкрустацию на железные предметы: мечи, палаши, стремена.

Другие народы Сибири также хорошо владели технологиями плавки цветных металлов и железа, знали технологию приготовления стали, цементации изделий. Плавильщики могли получать разный состав бронзы, с разными характеристиками: от белого, хрупкого сплава, шедшего на украшения, до черной и очень прочной бронзы.

Эта тема еще требует детальной разработки и дождется своего исследователя.

А вот русские очень долгое время не имели собственного развитого ремесла в своих городах и острогах, и потому основная часть ремесленных изделий завозилась из-за Урала. Потом кузнецы появились и в русских городах, но работали на привозном сырье. Другая часть покупалась русскими у местных народов. Так, например, томские служилые покупали железные изделия и оружие у кузнецких татар, а также брали ясак с них железными вещами. Красноярские служилые покупали железные изделия и оружие у кыргызов или ойратов. Особенно ценились кыргызские куяки – панцири из крупных пластин.

¹ Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, «Инфолио-пресс», 2001, С. 37.

Основная проблема русского ремесла состояла в сырье. Если такое сырье было, как имела в русских городах древесина, пушнина и кожи, то ремесло развивалось. А если же сырья не было, как не было русским известно и доступно рудных залежей, то и уровень развития этих отраслей ремесел был низким. Русская металлообработка отставала от местной вплоть до конца XVII века, когда русским впервые удалось обнаружить и начать разрабатывать руды металлов, в первую очередь, серебра. Богатые медные, серебряные, железные руды Алтая русские стали осваивать только в 20-х годах XVIII века, научившись искать рудные жилы по следам древних разработок. О том, как русские обследовали захваченную территорию, говорит такой факт. При прокладке Транссиба было найдено: 54 месторождения угля, 20 месторождений золота (!), 40 месторождений меди, 15 месторождений железа, по 2 месторождения свинца, графита, марганца и серебра.¹ Это в местах, давно заселенных русскими! Этот факт демонстрирует просто убийственное равнодушие русских к комплексному исследованию Сибири. Брели только что, что само шло в руки.

С железом дело обстояло еще сложнее. Первый железодобывательный завод открылся в Сибири только в 1740 году в районе Минусинска, затем в 1771 году в Томске, а затем в 1817 году построили домну на Гурьевском заводе, где начали выплавлять чугун на основе местных руд и каменного угля.² Промышленное развитие Сибири началось не сразу после русского завоевания, а по прошествии более чем полутора веков.

Русские историки особенно гордились городами. Собственно, вся история Сибири в их изложении – это строительство русскими сначала острогов, а потом и городов. Они умалчивали то немаловажное обстоятельство, что города эти были крайне примитивными: несколько десятков изб, окру-

¹ Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб, 1896, С. 207.

² Там же, С. 184.

женных простым бревенчатым частоколом, и «цитадель» в виде деревянной стены, укрепленной башнями, в которой размещались избы гарнизона и воеводской канцелярии. По большому счету, не город, а крупная деревня, укрепленная стеной. Ничего из этих ранних русских городов не осталось. Деревянные постройки хорошо горели и гнили, поскольку их строили из недолговечного легкого леса. Остатки русских городов XVII века известны только из немногочисленных раскопок. Единственное исключение составляет чудом сохранившаяся башня Якутского острога. Каменное строительство русские начали только в самом конце XVII века.

Если читать сочинения по сибирской истории русских историков, то складывается полное впечатление, что никаких городов до прихода русских в Сибири не было. «В нашей литературе еще недавно уровень самостоятельного развития аборигенов Сибири занижался»¹, пишет Л.Р. Кызласов, отмечая, что насаждалось представление о том, что в Сибири жили только бродячие охотники, оленеводы и скотоводы. И вот им русские, будто бы, принесли навык строительства городов.

Разумеется, и это не так. Города появились в Сибири за 1800 лет до русских. Наиболее древний город, ныне известный, окружал Ташебинский дворец на Абакане в I в. до н.э. От него сохранились остатки деревянных домов, выстроенных в прямоугольной планировке, широкой площади, отделявшей дворец от жилых кварталов, а также остатки недостроенной глинобитной стены с воротами и башнями.

Города в Сибири имели хунны, один из которых раскопан в Забайкалье. Эпоха Кыргызского каганата и вовсе была расцветом городского строительства в Минусинской котловине. Строили города монголы и ойраты. Основным материалом для городского строительства в дорусское время была пахса, сырцовый кирпич, обожженный кирпич, поло-

¹ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, «Издательство КГУ», 1992, С.177.

вая плитка и черепица. Использовались каменные детали, особенно в монгольских дворцах.

Укрепленные городища были известны повсеместно в Западной Сибири вплоть до недавнего времени. «Сосчитать общее количество «городов» и «городков»-крепостей, существовавших у народов Сибири в XVI-XVII веках, еще никто не решился. Однако только в указателе географических названий, приложенном к первому тому «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, их перечислено 75. Сотни «городков» имели нижнеобские и приуральские угры (ханты и манси), десятки – среднеобские селькупы, барабинские, томские, чатские (верхнеобские), чулымские татары, алтайские телуты и телёсы, енисейские кыргызы-хакасы, калмыки».¹

Если подсчитать общее количество построенных до русских городов, городищ и крепостей, то окажется, что русские остроги были только небольшой каплей среди них.

Одним словом, к чему бы мы не обратились, все из «принесенного в Сибирь» русскими было уже здесь известно за сотни лет и даже за тысячелетия до их появления. Более того, русские в первые времена своего владения Сибирью, активно пользовались этими достижениями местных народов. Но потом русских историков внезапно поразила избирательная забывчивость. Эта избирательная забывчивость позволила очень легко и непринужденно, задним числом, опустить сибирские народы в разряд «диких» и «бродячих», приписав себе все их заслуги.

ПРОКЛЯТИЕ ЗАХВАЧЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

В России всегда был актуален вопрос о том, почему при такой огромной территории и при таких огром-

¹ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, «Издательство КГУ», 1992, С. 171.

ных природных богатствах страна не могла организовать правильного, высокопродуктивного хозяйства. Россия практически все периоды своей истории уступала по уровню экономического развития мировым лидерами, хотя, казалось, бы, дело должно обстоять наоборот. Даже в те периоды, когда прилагались усилия для сокращения этого экономического разрыва, все равно, удавалось добиться лидерства только в определенных отраслях, в которые бросались ресурсы, а в общем же уровень экономического развития существенно отставал от уровня мировых лидеров.

Это широко известное обстоятельство трактовалось по-разному. Часть исследователей списывали эту особенность российской экономики на изъяны социалистического строя и на изъяны царизма. Часть исследователей считали Россию отсталой страной с догоняющей моделью развития. Появились точки зрения о том, что Россия не может быть развитой страной из-за сильно холодного климата.

Своя доля истины в этих утверждениях есть. Пожалуй даже, все они, собранные вместе, дадут некоторую объемную картину причин экономического отставания России от мировых лидеров. Однако, в этой картине не будет одного важного элемента, о котором в России старались не говорить. Без него трудно понять, почему блестящие возможности использованы не были.

Если сформулировать этот недостающий тезис совсем кратко, то Россия в принципе не могла создать на всей своей территории, особенно в Сибири, комплексное хозяйство, по той простой причине, что территории эти были захвачены, их население частично уничтожено и согнано, частично поставлено в положение людей второго сорта, и экономическое развитие всей огромной территории восточнее Волги велось вопреки сложившимся там за века принципам хозяйствования.

Это своего рода проклятие захваченных территорий, которые русские не могли в полной мере использовать. Без комплексного хозяйства, которое бы вовлекало в оборот все

виды природных ресурсов, пользовалось бы всеми удобствами, а также учитывало особенности географического положения и климата, у России все равно что не было этих территорий. Она могла только брать два-три вида природных ресурсов, выгонять туда часть «лишнего» населения и нести огромные расходы по удержанию этой территории. Парадокс такой: за счет Урала, Сибири и Средней Азии Россия действительно прирастала богатством, но богаче и зажиточнее не становилась.

Наблюдение за развитием на большом промежутке времени территорий, вроде Средней Азии или Южной Сибири (но это можно сказать и о многих других странах), показывает, что структура хозяйства в целом обладает огромной устойчивостью во времени. Она может видоизменяться, в ней могут появляться и исчезать отдельные элементы, но в целом, система хозяйствования сохраняется на протяжении тысячелетий. Как показывают археологические исследования, ее основы закладываются в самые ранние эпохи расселения на территории людей. Скажем, основы поливного земледелия, или скотоводческо-земледельческого хозяйства закладываются уже во времена ранней бронзы.

Вообще, это было бы любопытно, провести подробные эконом-географические исследования на историческом материале, с привлечением данных археологии, однако, насколько мне известно, если подобные работы и проводились, то только для отдельных регионов и для ограниченных исторических эпох. Они не носили сопоставительного характера, в результате чего сейчас можно говорить об историческом развитии экономической системы того или иного места только в общих чертах.

Кроме того, такие исследования блокировала теория «переселений народов», господствующая в исторической науке и по сей день. Об этом подходе верно сказал крупнейший исследователь якутской истории Г.В. Ксенофонтов: «Свои научные рассуждения по этногенезу якутов и их древних переселениях они ведут так, как если бы речь шла о про-

исхождении и передвижениях одного маленького рода, состоящего из нескольких десятков семей».¹ Этот подход распространялся практически на все народы Евразии, и историки с легкостью отправляли в долгое путешествие на тысячи километров многотысячные народы. Возможно, на европейских историков повлияло то, что в это время было массовое переселение из Европы в Америку, которое воспринималось как великое переселение народов. Однако, и это переселение также показало, что все до последнего человека британцы, французы, испанцы и немцы не подались в эмиграцию, и основная их масса осталась жить на родине.

Следствием господства этой концепции было представление о том, что население на местах постоянно менялось. Между тем, археологические и генетические исследования показывают, что основная масса населения истари живет на своих местах, а в путешествия отправляются лишь немногочисленные отряды переселенцев, воинов, купцов, паломников и так далее. Иногда перемещаются кочевники со своим скотом, ну а оседлое население может тысячами жить на одном месте и поддерживать устойчивую систему хозяйства.

Именно такие устойчивые хозяйственные системы создавали даже не во вполне благополучных местах процветающие страны. На что было малоприспособленным для жизни устье Тигра и Евфрата, однако шумеры создали там процветающие древнейшие государства. Исторический опыт показывает, что природные условия не могут быть преградой для высокого развития. При должной наблюдательности и разумности хорошо жить можно в пустыне, в горах, в засушливых и холодных районах. Гигантские средневековые города Мерва, Хорезма, Ургенча, Бухары и Согдианы возникли в весьма малопривлекательных районах, что тог-

¹ Ксенофонов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т.1, кн.1, Якутск, Национальное издательство Республики Саха (Якутия), 1992, С. 168.

да, что сейчас. Нынешнее опустыненное устье Гильменда в Афганистане вообще было родиной одной из наиболее ранних земледельческих культур. Нужна лишь хозяйственная система, которая бы полностью учитывала местные особенности и пользовалась всеми местными ресурсами, сколько бы немногочисленными они не были.

Крушение этих систем происходит тогда, когда приходят завоеватели из других регионов, не имеющие представления о местных условиях и методах хозяйствования. В этом отношении для Средней Азии и Ближнего Востока оказалось плачевным монгольское завоевание. Монгольские ханы, выросшие на севере, где много воды и пастбищ, не придавали почти никакого значения поддержанию городов, оросительных каналов и оседлого населения, которое все это обслуживало. В послемонгольский период ранее процветавший Восток превратился в пустыню, едва кормившую свое население, а его блестящая культура закатилась.

Для сравнения. Арабы завоевали те же самые земли с не меньшей жестокостью, и грабили города не меньше, чем монголы. Но, будучи жителями пустыни, они понимали толк в сохранении воды и орошения, и потому сразу после арабского завоевания начался период расцвета. Само по себе завоевание не в состоянии разрушить хозяйство. Для его сохранения нужно, чтобы завоеватели хотя бы чуть-чуть понимали его значимость, а также сохранялось местное оседлое население, которое владеет специфическими навыками и знаниями.

Чем-то вроде монголов для Сибири оказались русские, пришедшие из другого региона, с резко отличными условиями хозяйствования, которые практически полностью загубили хозяйственную систему юга Сибири, ранее кормившую многочисленные народы.

На этот момент в историографии, посвященной «освоению» Сибири не обращалось никакого внимания, а, напротив, всячески подчеркивался низкий уровень развития Сибири и «большое влияние» русского хозяйства. Правда, ар-

хеологические исследования, проводимые в Минусинской котловине и в верховьях Оби, опровергли это утверждение. Развитое земледельческое хозяйство, основанное на комплексном использовании угодий и водных ресурсов, сложилось в южной Сибири за две тысячи лет до русских. На других территориях также сложилось достаточно сложное комплексное хозяйство, включающее в себя земледелие, охоту и рыболовство, полукочевое скотоводство.

Русские стали разрушать этот баланс, и насаждать повсюду, где только могли, моноотраслевое хозяйство, основанное на возделывании зерновых. В этом обстоятельстве заключается ответ на вопрос, почему русское население Сибири резко выросло, а местные народы остались на том же уровне. Дело состоит в том, что русские поставили практически все свое хозяйство на выращивании зерна, но основные районы, в которых русские вводили свое хлебопашество, сильно к этому не располагали по своим условиям и климату. Потому, в условиях нехватки продовольствия, русское население обратилось к тем же самым промыслам: охоте и рыболовству. Дорусская система хозяйствования основывалась на распределении угодий и ресурсов. Каждый род получал от правителей право пользоваться ресурсами определенной площади или определенными угодьями. Они закреплялись надолго и изменялись только в чрезвычайных случаях, так же, по указаниям правителей. Русские же, при появлении трудностей, стали сгонять местное население с земель, отнимать рыболовные и зверовые угодья. Начиная с середины XVII века начались многочисленные конфликты за угодья и земли.

Чем больше населения шло в Сибирь, тем сильнее был сгон с земли местного населения. Он продолжался вплоть до середины XIX века, когда русским удалось наладить продуктивное сельское хозяйство и обеспечить Сибирь продовольствием. Следствием этого процесса стало резкое замедление темпов прироста численности местного населения, в ряде случаев сокращения, из-за нехватки средств к суще-

ствованию, резкое замедление его развития, а нередко и дегра-
дация. Селькупы, имевшие до русских многопрофильное
хозяйство, включающее даже земледелие, при русских пре-
вратились почти исключительно в охотников.

Историю хозяйственного «освоения» Сибири условно
можно поделить на три эпохи. В первую эпоху русские хо-
зяйствовали в Сибири за счет местного населения, уничто-
жения основ его существования. Во вторую эпоху хозяйство
развивалось за счет эксплуатации сложившегося в Сибири
общества. А затем, в третью эпоху, началось хозяйствование
за счет самой окружающей среды: массовой вырубке леса,
распашки пастбищ и лугов, перегораживания рек. В сущно-
сти, это стороны одного процесса хозяйствования захватчи-
ков, не признающих чужого опыта развития в этом регионе.
При таком подходе хозяйство в Сибири не могло быть эф-
фективным, не могло вести к повышению благосостояния.

КАКОЙ НАРОД СЛОЖИЛСЯ В СИБИРИ?

Русские, перешедшие в Сибирь, попали не
только в совершенно новые природные условия, но и в но-
вое культурное окружение. Здесь вплоть до конца XVIII века
не сформировалось крупных анклавов русского населения.
Были только немногочисленные русские города, монасты-
ри и деревни, окруженные землями, населенными местны-
ми народами. Сложение целого пояса районов, заселенных
преимущественно русскими, это довольно позднее явление,
которое начало формироваться с 30-х годов XIX века, ког-
да началась первая волна государственного крестьянского
переселения, и формировалось вплоть до 70-х годов XX
века, за счет разнообразных переселений, наборов и путе-
вок. Две последние массовые волны – это переселение 20-
х и начала 30-х годов, частично добровольное, частично
принудительное, а также военная эвакуация.

До этого времени, до начала массовых волн переселений, русские жители Сибири жили в окружении многочисленных и разнообразных нерусских народов, перенимая у них опыт жизни и хозяйствования, находясь под их культурным влиянием, в то время как связи со славянскими народами прекратились практически совершенно. Н.М. Ядринцев, будучи расистом, не без сожаления признавал: «Замешивание инородческой культуры, обычаев и языка русскими на Востоке, составляет несомненный факт».¹ Долгое совместное проживание, особенно в сельских местностях, привело к смешиванию населения и формированию своеобразного сибирского типа, отличного от русских Евроссии. В итоге, сибирских коренников довольно трудно определить к какой-либо семье народов. От славянских они отстоят довольно далеко, к тюркским или монгольским не принадлежат по происхождению. Сложилось довольно странное сочетание элементов их культуры славянского, тюркского, монгольского и финно-угорского происхождения. В XVII-XVIII веке это было очевидно и наглядно, а теперь стало очевидно не так сильно, вследствие политики русификации, прокатившейся несколькими волнами за XIX-XX века.

Это «русское население Сибири» (по-сибирски: коренники – обский говор; чалдоны – енисейский говор) строго говоря русским не является. Об этом широко было известно в XVIII веке, и, например, Екатерина II совершенно четко отличала сибиряка от русского: «... сибиряки скуласты, самые восточные из них похожи на китайцев (на монголов); русские, например, нижегородцы, не имеют ничего общего с сибиряками...».² Уже в конце XVIII века сложилось разделение русских и сибиряков, и П.С. Паллас зафиксировал

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 44.

² Там же, С. 64.

сибирское самоназвание среди русскоязычного населения – карым.¹ Русских же стали называть по-другому – маганый. В конце XIX века было установлено четкое отличие сибирского типа от русского, отличия в языке и психологии, описание чего дано в книге Н.М. Ядринцева.

Это положение признается и современными исследователями. С.Г. Скобелев пишет: «В целом, в течение XVII-XIX веков близкое соседство на территории Средней Сибири славян и коренных жителей привело к заметным процессам взаимной ассимиляции».² Район, в котором «взаимная ассимиляция», или попросту, сложение нового народа, проходил особенно интенсивно, охватывал бассейн средней Ангары, Красноярской лесостепи, среднего Чулыма и правобережной части Минусинской котловины.

Сибирский народ не являлся тогда, и теперь не является частью русского народа. Ему еще пока придают русский облик государственный русский язык и примесь славян: украинцев, поляков, белорусов, русских. Достаточно двух-трех поколений вне этого влияния, чтобы сибиряки проявили свой настоящий облик.

Учитывая широко известные факты того, как происходило смешивание пришлого и местного населения в XVII-XVIII веках, как нивелировалась их материальная культура и менталитет, можно сказать, что коренники являются местным народом, который сложился на основе смешивания переселенцев и местных жителей, культура которого представляет собой, в сущности, местную культуру с северорусскими элементами.

Еще в XIX веке переселенцы и местные достаточно сильно отличались друг от друга, в силу чего был в ходу термин

¹ Ядринцев Н.М. Сочинения. Т.1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень. «Издательство Ю. Мандрики», 2000, С. 31.

² Скобелев С.Г. Межэтнические контакты славян с их соседями в Средней Сибири в XVII-XIX ввках. // «Сибирская заимка», http://zaimka.ru/to_sun/skobelev_6.shtml.

«инородцы»), то в течение XX века сложение народа пошло дальше, это размежевание, свойственное первым порам формирования коренников, исчезло вместе с обозначавшим его термином. Вместе с тем, например, среди «русского» по паспорту населения Южной Сибири широко распространились типично местные, хакасские привычки, вроде почитания курганов, коновязей, стел, писаниц, совершенно не характерные для них еще 30-40 лет назад. Дело дошло уже до строительства искусственных курганов. Среди поколения 1980-х годов рождения уже есть носители антропологического типа, характерного для смешанного населения Минусинской котловины, сложившегося в течение тысячелетий.

ЧЕМ СТАНЕТ СИБИРСКИЙ НАРОД?

Тот факт, что в Сибири на основе русских, смешавшихся с местными народами, сложился отдельный народ, старательно в России обходился и обходится вниманием теперь. Причины этого понятны, потому что на постулате о том, что «Сибирь заселена русскими», пока что держится ее зависимый и подчиненный статус в составе России как кладовой природных ресурсов. Для России утрата Сибири – смертельна. В этом случае она в кратчайшие сроки потеряет свое, и без того неблестящее, положение в мире. Современное положение России в мире основано, главным образом, на энергетическом альянсе с Европейским Союзом, на поставках сибирских нефти и газа. При утрате этого ресурса, Россия превратится практически в полный аналог Беларуси, как по территории, так и по влиянию в мире.

Однако, процесс дальнейшего формирования народа идет. За последние 20 лет приток переселенцев из Евросии заметно сократился, что способствует сложению обособленного сибирского общества, сделаны крупные шаги в области изучения дорусской истории Сибири. То, что есть

сейчас, невозможно даже сопоставить с тем, что было в 70-е годы XX века. Наши знания расширились, углубились и обогатились. В Томске сформировалось даже движение за воссоздание и распространение сибирского языка, возглавляемое томским филологом Ярославом Золотаревым. Достижения в этой области, несмотря на краткий срок существования движения, огромны. Уже составлена базовая грамматика основной словарь, позволяющий переводить на сибирский язык даже такие сложные тексты, как Библия и Коран. Идет подъем тюркских народов, и даже такой слабый и малоизвестный тюркский язык, как шорский, получил обновленную письменность, стал использоваться в печати и образовании.

Опыт новых государств показывает, что на некоторой заранее подготовленной основе, новый народ формируется и превращается в политическую нацию за сравнительно короткий срок – от 15 до 25 лет, в зависимости от условий. Если нынешняя ситуация в Сибири коренным образом не изменится, и эти описанные процессы получат развитие, то уже к 40-м годам XXI века можно будет определенно говорить о сибирском народе.

Конечно, в значительной части сибирский народ останется русскоязычным, возможно, частично перейдет на употребление сибирского языка. Скорее всего, какое-то распространение получат языки сопредельных стран, в первую очередь китайский, монгольский и казахский.

Основное содержание жизни сибирского народа в этот период, насколько можно судить сейчас, составит переустройство Сибири. Это глубокие реформы экономики, общественного строя, политической сферы, культуры и образования, одним словом, превращение Сибири из колонии в нормальную страну, дающую все возможности для достойной жизни. Это условия, как нельзя более подходящие для сибирского менталитета – индивидуалистичного, ориентированного на свои силы, на поиск новых возможностей, на личные лидерские качества. Правда, стоит сразу сказать, что

эпоха эта не будет легкой, потому что сибирское общество никогда не отличалось мягкостью нравов. Сибирь в большом количестве востребует жестких, прагматичных лидеров.

Понятно, что это только общие черты картины. Более детально ее прорисовать сейчас невозможно за неясностью направления многих идущих сейчас процессов. Главное, неясно пока, куда именно пойдет эта сибирская энергия в первую очередь: на созидание страны или на борьбу за свое самостоятельное положение. Этот вопрос зависит от действий нынешнего руководства России.

ЧАСТЬ II

ПРЕДПОСЫЛКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 4

Что такое самостоятельность Сибири?

«Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же»

Г.Н. Потанин

Теперь, после исторического введения, стоит перейти к существу дела – сибирской самостоятельности.

Это новый термин, появившийся совсем недавно, однако содержание его в том или ином виде давно уже используется в сибирской политике.

Межрегиональное объединение «Сибирское соглашение» с самого начала своей деятельности в 1990 году, вело свою политику, по существу, именно на основе идеи сибирской самостоятельности. Иногда даже используется само это слово, но пока что никто разговоры о желатель-

ности сибирской самостоятельности не превратил в политическую доктрину.

Это понятие в Сибири вызывает много трудностей, и, по всей видимости, будет вызывать их еще достаточно долго. Первая и главная причина в том, что сибирякам очень долго внушали, что «отделяться нехорошо».

С одной стороны, была целенаправленная пропаганда благости и полезности присоединения к России, проводившаяся всеми доступными средствами. Под эту марку праздновались многочисленные 400, 350, 300, 250-летия «добровольного присоединения».

С другой стороны, любой разговор о самостоятельности Сибири вызывал необъяснимо острую реакцию и голословные обвинения в «сепаратизме».

Даже такое умеренное движение, как областничество, долго было жупелом страшного «сибирского сепаратизма». Поэтому появилась необходимость разработать и ввести новое понятие – сибирская самостоятельность. Это понятие должно четко обозначать и определять основные чаяния сибиряков и одновременно жестко отграничивать их от полумифического «сибирского сепаратизма».

Под термином «самостоятельность» понимается такое положение, когда регион сам для себя определяет направление и характер развития, сам обладает и расходует необходимые для этого ресурсы и является распорядителем полученных результатов. Самостоятельное развитие происходит тогда, когда представители региона, исходя из региональных потребностей и особенностей, сами намечают себе цели и вырабатывают политику их достижения.

Однако, теоретическое значение термина «сибирская самостоятельность» не дает представления о том, что такое эта самая самостоятельность в наших условиях, как ее добиваться и развивать, а также, что не является самостоятельностью.

Рассмотрению этого вопроса и будет посвящена оставшаяся часть книги.

ЖУПЕЛ «СИБИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА»

В России живет страх перед неким неопределенным, но страшным «сибирским сепаратизмом», в котором сходу обвиняют любого сторонника сибирской самостоятельности. Этот страх был и в петровские времена, и во времена дела «сибирских областников», и в настоящее время. Тема эта не проговаривается открыто и честно, но по некоторым фактам и заявлениям можно судить о том, что подразумевается под этими словами.

Из разных предвзятых представлений о Сибири, наиболее широко распространенных два, которые и являются фундаментом для теории «сибирского сепаратизма». Первое – Сибирь является складом природных ресурсов. Второе – Сибирь стремится как можно быстрее отделиться от России. Это типично русская точка зрения, потому что русские в Сибири всегда обращали внимание только на ресурсы. В ней второе вытекает из первого.

Мысль идет следующим образом: считается, что в Сибири есть только природные ресурсы и население региона может жить только за счет их продажи. Сибирь захвачена русскими, и ресурсы долгое время эксплуатировались в интересах империи. Следовательно, при любом разговоре о самостоятельности, считает сторонник теории «сибирского сепаратизма», речь идет только и исключительно об отделении от России, с тем чтобы сибиряки могли сами продавать свои ресурсы.

В качестве доказательств приведут планы, разрабатываемые ЦРУ, по которым Россия к 2015 году распадается на несколько государств, среди которых неизменно присутствует и «Sibir Republic».

Однако, теория «сибирского сепаратизма» основывается, в первую очередь, на невежестве ее авторов и сторонников, не знающих о том, что до русских здесь было развитое, многоотраслевое и комплексное хозяйство очень вы-

сокой степени развития. Эта теория основывается на грандиозном преувеличении роли русского, расхищающего природные богатства, хозяйства в Сибири. «Сибирский сепаратизм» – это взгляд русского колонизатора, который стараются навязать всем сторонникам сибирской самостоятельности в качестве единственно возможной политической доктрины.

Спорить со сторонниками этой предвзятой теории смысла большого не имеет, как и вообще бороться с разным жупелами. Главное в нашей ситуации – разработать концепцию, на основе которой можно добиться превращения Сибири из сырьевого склада в нормальную страну.

ЧТО САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ?

В настоящее время существуют две доктрины, которые являются наиболее сильными конкурентами идеи сибирской самостоятельности. Это, конечно, сибирское областничество и идея о том, что «Сибирь – русская земля».

Начнем со второй, потому что она уже частично рассмотрена. Понятно с первого взгляда, что основной базой для этой идеи служит исторический миф о том, что до русских в Сибири ничего не было. Собственно, это представление логично вытекает из всей существующей русской историографии, и формирует типично колонизаторскую идею. Сибирь до русских была «пустой», или «первобытно-общинной» как вариант, русские ее пришли и «цивилизovali», следовательно, Сибирь принадлежит русским. Получается что-то вроде «божественного предназначения» Сибири для русских, сугубо для их пропитания и обогащения. К слову сказать, ряд историков Сибири представлял завоевание ее русскими именно как божественное предназначение, и такой подход восходит к Ремезовской летописи.

си, изобразившей Ермака как святого. В рамках этого подхода рассуждал и Михайло Ломоносов, высказавший свой знаменитый афоризм: «Россия Сибирью прирастать будет». У радетелей «предназначенности Сибири для русских» были славные предшественники.

Кроме очевидного невнимания к наличию в Сибири многочисленных и разнообразных народов, древней цивилизации, есть этой идее еще один крупный подвох. Сторонники отводят Сибирь «в удел» русским, но не уточняют, каким именно русским. Вот здесь и кроется этот самый подвох, потому что те русские, которые перешли в Сибирь, уже заметно отошли от русского народа, под влиянием тюркского и угро-самодийского влияния, смешанных браков на протяжении по меньшей мере 18 поколений, превратились в новый народ. Близость сибирских коренников с местными народами гораздо больше, чем с русскими, о чем уже говорилось выше. Так, если Сибирь «принадлежит» русским, то входят ли в число русских сибиряки?

Если сторонника этой идеи прижать к стенке с прямым вопросом, то можно получить целый набор невнятных ответов, с вариантами от: «Конечно, сибиряки – русские!», до «Русские в Сибири ведь жили отдельно от татар». Разумеется, игнорирование и извращение фактов тут будет процветать. Они попытаются создать представление, что русское «освоение Сибири» также в интересах сибиряков.

Но, если заняться анализом реальной политики и реального положения дел, то станет очевидно, что идея «Сибирь для русских» представляет собой вариант исключительно эксплуатации сибирских ресурсов в пользу Евросии, а также переселение, выбрасывание, в Сибирь лишнего населения. И первое, и второе проводилось и проводится в жизнь самым активным образом.

В качестве примера воплощения этой доктрины в жизнь можно привести достаточно свежий пример достройки Богучанской ГЭС. Вокруг этой стройки, затянувшейся с советского времени, разводилось много демагогии, причем

особенно в этом преуспел губернатор Красноярского края Александр Хлопонин.

В конце ноября 2005 года в Красноярске прошел Всероссийский съезд «Единой России», на котором он обратился к теме развития Нижнего Приангарья и нарисовал красочные перспективы: «Один из таких проектов администрация Красноярского края совместно с Министерством экономического развития и торговли и крупными компаниями подготовила и сейчас утверждает методики его реализации в Правительстве. Речь идет о Программе комплексного развития Нижнего Приангарья, предполагающей достройку Богучанской ГЭС, строительство алюминиевого завода, целлюлозно-бумажных комбинатов, запуск перерабатывающих производств в других отраслях, развитие нефтегазового комплекса юга Эвенкии. Согласно проекту, на каждый вложенный государством в инфраструктуру рубль частный бизнес обязуется вложить 5-7 рублей в отраслевые проекты. И если реализовать программу в комплексе, то инвестиции крупного бизнеса в регион могут составить до 22 млрд. долларов, что в итоге даст вклад в ВВП страны более 32 млрд. долларов. То есть вклад проекта развития Приангарья в ВВП России в 2016 году может составить почти 3%».

Но то слова Хлопонина. Если же более внимательно посмотреть на проект, то становится очевидно, что речь идет только и исключительно о крупном алюминиевом бизнесе, но никак не о развитии Нижнего Приангарья и экономики Сибири. ОАО «РАО «ЕЭС» и РУСАЛ подписали основные условия по партнерству в создании Богучанского энергометаллургического комплекса, в котором все было расставлено по своим местам. Богучанскую ГЭС достраивают энергетики, а РУСАЛ вкладывает порядка 3 млрд. рублей в подготовку ТЭО алюминиевого завода в Кодинске и начало его строительства. Суть партнерства состоит уже в том, что в 2009 году пускаются первые агрегаты Богучанской ГЭС и первая очередь Кодинского алюминиевого завода.

Проект «Богучанского энергометаллургического комплекса» предусматривает только строительство алюминиевого завода и железнодорожной ветки Карабула-Кодинск. Завод – огромный, мощностью порядка 600–800 тысяч тонн алюминия в год, вполне сопоставимый с Красноярским алюминиевым заводом. Рядом с таким заводом может вырасти целый комплекс производств, от выпуска алюминиевого проката до авиакосмического машиностроения. Но здесь предусматривается только первичный алюминий и экспорт его за рубеж.

РАО «ЕЭС» не интересуется промышленное развитие Нижнего Приангарья, на что указывают материалы заседания Правительства России 8 декабря 2005 года. На нем по состоянию энергетики делал доклад министр промышленности и энергетики Виктор Христенко, и в нем вопрос строительства Богучанской ГЭС рассматривался только в рамках развития оптового рынка электроэнергии в Сибири. С 1 января 2006 года региональные компании (в том числе «ГидроОГК»), выпускаются на оптовый рынок энергии. Вот и все. Вся суть дела состоит только в оптовой продаже электроэнергии Богучанской ГЭС крупному потребителю, в данном случае алюминиевому заводу, который погонит свою продукцию на экспорт. Сырьевая экономика в чистом виде.

Так же как Хлопонин прикрывал красочной демагогией характерно сырьевой проект, так и разговоры о том, что русское «освоение Сибири» выгодно для сибиряков, только прикрывают эксплуатацию региона.

Иногда, при рассмотрении событий «освоения Сибири», появляется полное впечатление, что Россия относилась к ней действительно как к грязной и холодной кладовке. Общеизвестно, что русское население Сибири составлялось четырьмя категориями: переведенцами, беженцами, ссыльными и каторжниками. Переведенцы – это кому власть определила местом жительства Сибирь. Сюда относятся казаки и стрельцы XVII века, чиновники и солдаты, крестьяне и рабочие, вплоть до строителей Красноярской ГЭС и «покорителей це-

лины». Беженцы: те же крестьяне, бежавшие от крепостной неволи, налогов и малоземелья, староверы, всякий вольный люд без кола и двора. В XX веке это были участники строек, поехавшие за деньгами и карьерой. К этой категории можно также отнести и достаточно значительную часть сибиряков, которых буйное экономическое развитие, весьма смахивающее на разграбление, 50-70-х годов XX века сорвало с родных мест и выбросило в раздувшиеся города. Это жители «неперспективных деревень», выходцы из сел, затопленных водохранилищами и уничтоженных заводами.

Ссылных и каторжных расшифровывать не станем, и так понятно. В 70-х годах XIX века, по подсчетам Н.М. Ядринцева, на 4 млн. человек местного населения приходилось около 500 тысяч каторжан и ссылных, то есть 12,5% населения.

«Сибирский сепаратизм» – это взгляд русского колонизатора, который стараются навязать всем сторонникам сибирской самостоятельности в качестве единственно возможной политической доктрины.

В XX веке эта категория стала особенно многочисленной за счет множества лагерей, возникших в Сибири. Кроме того, что лагеря были на севере, в Приполярье, система Краслага охватывала огромный район Приенисейской Сибири, заселенный коренниками, тунгусами и эвенками. Заключение активно использовались на многочисленных стройках, начиная с первой пятилетки, и значительная часть их осела в Сибири.

Также в Сибири перебывало множество военнопленных: поляков, шведов, немцев, японцев, чехов, а также множество сосланных народов: тех же немцев, латышей, эстонцев, литовцев, украинцев. Список их довольно обширный. Сибирь и теперь отличается от России существованием крепких, сбитых национальных объединений. Вырванные из своей земли люди восстанавливают и поддерживают связи со своей родиной.

В свете всего этого заявление о том, что «Сибирь – русская земля», выглядит достаточно странно. Нужно только уточнить, каким таким образом? Через эзков и каторжников Сибирь стала русской? Кроме того, сибирские коренники, как показывает практика, никогда не рассматривались частью русского народа, раз правительство полагало, что им лучше всего жить в окружении воров и убийц. Причем, вне зависимости от правления, господствующей идеологии и конкретных государственных задач, этот подход существовал в течение более 300 лет.

Поэтому, идея «Сибирь – русская земля» не является идеей сибирской самостоятельности. Исторический опыт показывает, что Сибирь, на деле, никогда не служила местом расселения и развития русского народа. Сюда русский народ выселял разнообразный сброд, начиная от убийц и мятежных дворян, и завершая дерзкими крестьянами, празднующими, а также теми, кто имел несчастье не понравиться соседям. Дальнейшее применение этой же идеи и лозунги «Сделаем Сибирь русской!» означают продолжение того же самого: заселения Сибири отбросами русского народа.

Вторая идея, которая является наиболее сильным оппонентом концепции сибирской самостоятельности, – это областничество. Возникшее в 1863 году с известных прокламаций С.С. Попова, С.С. Шашкова и Н.М. Ядринцева «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири», движение просуществовало до начала 20-х годов XX века, пока не было разгромлено большевиками. В начале 90-х годов XX века произошла некоторая реанимация идей областничества, и теперь в Сибири есть движения и политики, которые считают себя сторонниками областничества.

Идеи областников, с первого взгляда, очень похожи на концепцию сибирской самостоятельности. Особенно в формулировке 1862 года Г.Н. Потанина: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из Рос-

сии, воспитывать детей по своему желанию, по своему собирать налоги и тратить их только на себя же». Если сравнить с моим определением сибирской самостоятельности, то сходство заметить очень легко.

Поэтому очень долгое время областники были идеалом для сибиряков, а книга Н.М. Ядринцева была чем-то вроде «библии сибирячества».

Эта формулировка Потанина обеспечила областничеству долгую жизнь. Но для Сибири она же была своего рода мороком, который вводил в заблуждение сибирских общественных деятелей и политиков. На фоне этой блестящей фразы они не замечали других сторон концепции областничества, которые, как раз, и не позволяют назвать эту идеологию идеей сибирской самостоятельности.

Обращает на себя внимание тот факт, что никто из сторонников областничества, как до революции, так и после нее, не сумел добиться никакого выдающегося результата. «Рассматривая Сибирь в качестве колонии, сторонники движения выдвигали программу преодоления этого положения за счет стимулирования свободного переселения, ликвидации ссылки, «учреждения покровительства сибирской торговли и промышленности», непосредственного выхода сибирских товаров на мировой рынок введением порто-франко в устьях Оби и Енисея, организации судоходства по Северному Морскому пути и привлечения иностранных инвестиций», – пишет один из крупнейших исследователей областничества профессор М.В. Шиловский. Однако, как легко убедиться, эти цели были частично достигнуты буквально на наших глазах, в 90-е годы XX века, и успех этот никаким образом не был связан с областниками.

А вот сами областники проявили прямо-таки «выдающиеся» успехи в своей политической деятельности. Начать стоит в того, что знаменитое дело 1865 года о «сибирском сепаратизме» началось с доноса члена сибирского земляческого кружка и автора прокламации «Патриотам Сибири» С.С. Попова генерал-губернатору М.С. Косакову о «конспиратив-

ной переписке» Потанина в Томске, Ядринцева в Омске, Шашкова в Красноярске и Наумова, который собирался в Тобольск. В начале 1863 года Попов писал прокламацию, а уже в декабре 1864 года пошел доносить на товарищей. Этот факт никогда областниками, по понятным причинам, не вспоминался. После помилования, лидеры областничества поменяли свою позицию, отказались от старых планов отделения Сибири, и даже «войны за независимость», а разработали свою идею образования области внутри России.

В конце августа 1905 года, под революционные события, в Томске прошел съезд Сибирского областного союза. Но уже в октябре 1905 года часть красноярской организации союза откололась и вошла в конституционно-демократическую партию, а в декабре 1905 года союз фактически слился с кадетами, приняв решение о том, что члены союза могут быть членами конституционно-демократической партии.

В марте 1917 года появилось сразу три организации: Союз Сибирских областников в Петрограде, Сибирский союз независимых социалистов-федералистов в Новониколаевске (Новосибирске) и Сибирская демократическая федеративная партия. В сентябре 1917 года добавился Центральный Сибирский областной комитет, с февраля 1918 года – Красноярский союз Сибирских областников-автономистов. В июне 1918 года появились даже беспартийные областники.

Разумеется они передрались между собой, хотя до того, как их вольготной жизни был положен решительный конец, областники успели в январе 1918 года создать Временное правительство автономии Сибирь, 4 июля того же года принять «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири».

В октябре 1918 года Сибирская областная дума уже всю враждовала с Временным правительством Сибири, и дальше начался откат. 3 ноября 1918 года «Декларация» была отменена. Об этих 122 днях бесславного существования независимой Сибири областники 90-х годов предпочитали не вспоминать и выводов из этого не делать. А потом

пришел адмирал А.В. Колчак и окончательно прикрыл лавочку своим военным переворотом.

С таким политическим багажом нечего было и надеяться на хорошие результаты. Однако, малоизвестность событий революционной поры и молчание, которое окружало областничество, обволакивали его ореолом загадочности и делали привлекательным. И сейчас в Сибири есть политические движения, которые пытаются изобразить себя наследниками и преемниками областников.

Они не были удачливыми, потому что не понимали двух главных особенностей областничества. Во-первых, областники только ставили вопросы, но практически не предлагали решений. Это отлично видно по книгам Н.М. Ядринцева, в которых красочно описано современное ему состояние Сибири, но не предложено никаких практических шагов по его исправлению. Во-вторых, областники были сторонниками имперской идеи, и все свои немногочисленные предложения развивали только и исключительно в рамках развигия Российской империи, развития русского влияния в Сибири, роста переселения и эксплуатации ресурсов. Сибирь они не рассматривали в качестве самостоятельной и самоценной территории.

Так что можно было быть сторонником продолжения разграбления Сибири во благо России, а можно было быть областником, суть от этого менялась мало. Все стороны придерживались транспортно-сырьевого «развития», то есть того же разграбления Сибири.

СЛАГАЕМЫЕ СИБИРСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Из каких частей слагается самостоятельность? Можно перечислить такие важные ее части. Во-первых, это собственное управление. Во-вторых, это собственная экономика. В-третьих, это собственное экономическое

планирование. В-четвертых, это собственная культура. Вот эти четыре элемента охватывают то явление, которое я называю «сибирской самостоятельностью».

Здесь стоит сразу сказать, что речь идет о принципах, которые могут воплощаться в очень разных конкретных проявлениях. Нередко сторонников сибирской самостоятельности обвиняют в том, что они являются «сепаратистами». Однако, понятие самостоятельности намного шире. Скажем, современное межрегиональное объединение «Сибирское соглашение», правительство Сибири в составе Российской Федерации, а также суверенная Сибирь – все это разные проявления сибирской самостоятельности.

На первое место выдвигается собственное управление потому, что начиная с русского завоевания, Сибирь никогда не пользовалась самоуправлением. Сибирь не знала крепостного права, зато знала административный произвол воевод и генерал-губернаторов. При реформах 70-х годов XIX века Сибирь не получила земства. Впоследствии, уже будучи поделенной сначала на края, а потом на области, Сибирь управлялась назначаемыми председателями исполкомов и первыми секретарями партийных комитетов. По сути, из 400 лет нахождения Сибири под русской властью, население пользовалось ограниченным правом выбора начальников только лет 20, не больше.

Один из этих этапов – это 90-е годы, которые сейчас сменились системой назначения губернаторов.

В чем главная проблема назначенных руководителей? Во-первых, очень часто, это человек сторонний, Сибири не знающий, и потому не могущий ей эффективно управлять. Подобных назначенцев, которые смотрели на свой пост как на средство обогащения или карьерного роста, было предостаточно. Во-вторых, даже если назначается руководитель из Сибири, то он все равно связан с определенной системой отношений в руководстве страной, и потому для него развитие территории – дело второстепенное. Он должен быть лояльным, выполнять разнообразные за-

дания и поручения, наполнять бюджет и так далее. В этой деятельности места для собственно сибирских задач практически не находится.

Это приводит к тому, что Сибири сплошь и рядом навязывались проекты, неадекватные сложившемуся положению. Одним из наиболее ярких примеров было строительство Транссибирской магистрали, которая не рассчитывалась на сибирский грузопоток. В правительстве считали, что никаких сибирских грузов не будет, и это только сугубо транзитная магистраль, которая будет вывозить российские товары на восточные рынки. В 1873 году министр путей сообщения Посыет подал мнение в Кабинет министров: «Рельсовый путь должен связать сеть железных дорог и водных путей Европейской России с большим водным путем, ведущим к Тихому океану – с системой реки Амур».¹

На деле оказалось не так. Железная дорога быстро оказалась забитой грузами, и ее пришлось уже в 1907 году перестраивать под большую пропускную способность.

Это обстоятельно постоянно проявлялось в разнообразных экономических проектах. Почти на всех крупных стройках оказывалось, что не учтены в полной мере местные условия, что освоение одного ресурса давалось ценой уничтожения другого.

Сплошь и рядом отрицалась возможность развития в Сибири производств, сколько-нибудь высокого уровня. Наиболее характерный пример в этом отношении – судьба Урало-Кузнецкого комбината, когда уральцы и сибиряки горячо выступали за этот проект, а ряд столичных экспертов и эксперты «Югостали» против. Маститые эксперты утверждали, что в Сибири невозможно выплавлять чугун и сталь, что разработка угля и железной руды будет нерентабельной. Уралобком ВКП(б), силами местных специалистов, разработал план «Большого Урала», который предусматри-

¹ Калинин В.П. Великий Сибирский путь. Историко-экономической очерк. М., «Транспорт», 1991, С. 47.

вал масштабное комплексное развитие металлургии, и в нем в частности, была знаменитая схема «маятниковых перевозок» угля из Кузнецкого бассейна на Магнитогорский комбинат, а железной руды с Урала в Кузбасс. В итоге, этот план, который предусматривал рывковое развитие уральской и сибирской черной металлургии, принят и реализован. Стронные специалисты оказались посрамлены. В этом случае местные специалисты отстаивали перспективный проект.

В этом административном беспорядке Сибири кроются причины нынешнего бедственного положения богатого края. «Внешнее управление» всегда ставило интересы самой Сибири на задний план, выдвигая вперед выкачивание ресурсов, знаменитое «Давай, давай!». Поэтому, главное требование сибирской самостоятельности состоит в том, чтобы Сибирь управлялась местным правительством, исходя из местных интересов.

Разумеется, что местное правительство (безотносительно, в какой форме оно существует), должно иметь свой собственный бюджет, чтобы быть полностью самостоятельным в своих действиях. Важнейшая его задача состоит в том, чтобы добиться наилучших условий для развития Сибири. Это потребует введения своих особенных законов, своего налогового режима, своего регулирования.

Второе слагаемое сибирской самостоятельности состоит в собственной экономике. К сожалению, значение экономического фактора в Сибири понимают далеко не все. Между тем, это ключевой момент.

Как мы уже видели в историческом очерке, экономика Сибири под русской властью складывалась исключительно как сырьевой придаток экономики Евросии. Так было в XVII веке, так дело обстоит и теперь. Причем, эксплуатация сырьевых ресурсов не была комплексной, как уже неоднократно говорилось.

Практически с самого начала русской власти в Сибири сложилась «маятниковая» структура экономических связей с Евросией. Туда – сырье и ценности, оттуда – готовые

товары. Внешняя торговля со Средней Азией и Китаем, которая существовала на первых порах, была благополучно удушена в середине XVIII века, и тогда Сибирь попала в безраздельное владение русского купца.

В течение XX века положение несколько изменилось. Появились собственные связи с внешним миром, появилось собственное товарное производство и внутренний потребительский рынок. Систему «сырье в обмен на товары», господствовавшую еще в конце XIX века, сильно потеснили, хотя и не уничтожили полностью. Примат сырьевой экономики сохранялся, и остается он в наше время.

Что это для Сибири? Во-первых, неравноправный обмен. Цены на сырье занижаются, цены на готовые товары завышаются. Во-вторых, это занижение потребностей жителей региона. Этот процесс захватывает не только сферу обеспечения жизни и материальных благ, но и культурный уровень. Когда не полностью удовлетворены основные жизненные потребности и ограничены возможности повышения материального благосостояния, культурный уровень, понятно, не растет.

Один из наиболее ярких примеров такого положение дел представляет Кемеровская область, один из ключевых производителей в СССР и в России угля, черных и цветных металлов, химической продукции и продукции тяжелого машиностроения. В отношении Кемеровской области всегда существовало занижение ее потребностей. В центре максимум внимания обращали только на рост добычи угля, выплавки стали и алюминия, производства химпродуктов, а вот строительство жилья, объектов соцкультбыта, обеспечение области продовольствием всегда шло на пятом-шестом плане. В итоге область, занимавшая одно из первых в стране мест по промышленному производству, занимало одно из последних мест по социальному развитию.

Советский опыт показывает, что централизованно проблема обеспечения потребностей населения Сибири не решается. Несмотря на многие попытки, приоритет затрат

всегда оказывался на стороне промышленного строительства, а все остальное шло за ним. Если посмотреть на структуру правого берега Красноярска, то легко можно увидеть, как это воплощалось на деле. Если перечислять вниз по течению Енисея, то город состоит из таких частей. Сначала идет лесодеревообрабатывающий комбинат, затем поселок его рабочих. Далее – Красноярский завод химпрепаратов («Красфарма») с кварталами, построенными для рабочих. Следом идет узел предприятий из Красноярской ГРЭС-2, Химико-металлургического завода, цементного завода с соответствующими кварталами. От этого места начинается длинный проспект имени газеты «Красноярской рабочий», в просторечии Красраб. Вдоль него вытянулись по левой стороне Судоремонтный и Судостроительный заводы, порт, а по правой стороне – жилые кварталы. В районе порта основные предприятия строились по правой стороне Красраба, перемещаемые жилыми кварталами: «Сибсталь», «Красмаш», КрасТЭЦ. Напротив них стояли хлебокомбинат и мебельная фабрика, также со своими небольшими жилыми кварталами. За КрасТЭЦ находились также чересполосно с жилыми кварталами для рабочих химкомбинат «Енисей», Красноярский шинный завод, Красноярский завод резинотехнических изделий. Жилой квартал при этих заводах получил даже название Шинники.

Иными словами, легко увидеть, что сначала строились предприятия, часть из которых была переброшена в Красноярск во время войны, а между ними, на свободных территориях строили жилые кварталы. Разумеется, социальная структура получилась слабо развитой, разорванной, и завязанной на заводах. Жизнь людей шла, в буквальном смысле, от порога квартиры до порога проходной. Снабжение и торговля также, в значительной степени шла через заводские торговые организации. Одним словом, практически все было завязано на производство, в рамках этой системы процветали связи типа «сырье в обмен на товары».

Понятно, что при такой организации жизни, общество в Сибири будет убогим и слаборазвитым. В рамках таких отношений, все, что не относится к сырьевому производству, будет вытесняться на периферию и влечить жалкое существование. Собственная экономика и свой внутренний рынок Сибири нужен для окончательного слома этой системы, сковывающей развитие общества.

Влияние внутреннего рынка идет по нескольким направлениям. Во-первых, в экономическую деятельность вовлекается гораздо больший процент населения, чем теперь. Это реальная основа для роста благосостояния сибирского общества. Во-вторых, развитый внутренний рынок предъявляет спрос на куда большее число профессий, чем сырьевая региональная экономика. А это толкает в свою очередь развитие профессионального образования, которое в свою очередь требует системы высшего образования и сферы культуры. Вокруг них формируется свой сектор экономики и занятости.

В-третьих, внутренний рынок обеспечивает переток капиталов от сырьевых отраслей к несырьевым. В России много говорилось и писалось на тему того, как лучше изъять у сырьевых отраслей «природную ренту», хотя правильное решение очевидно и напрашивается само собой. Надо превратить свой, внутренний рынок в главного потребителя сырья и топлива. Когда сложится положение, что собственная экономика потребляет основную часть добываемой нефти и газа, угля, леса, руд металлов, и других видов сырья, тогда капитал от сырьевых отраслей потечет к несырьевым.

Для Сибири это очень важно потому, что перед ней стоит важнейшая задача избавиться от сырьевой зависимости.

Третий элемент сибирской самостоятельности – это экономическое планирование. В наше время господство либеральной экономической доктрины, которая отрицает планирование, этот момент может показаться очень спорным. Однако, задачи, стоящие перед самостоятельной Сибирью, показывают, что без планирования не обойтись. Само по

себе экономическое планирование в России возникло, как средство осуществления крупномасштабного строительства. Первый план «Гозлро» предусматривал строительство ряда крупных электростанций и промышленных предприятий. Плановые предположения распределяли во времени необходимые капиталовложения, затраты труда и расходы материалов.¹

Сибирь, в силу слабого развития городской, промышленной и транспортной инфраструктуры, также будет нуждаться в крупномасштабном строительстве, и потому также нуждается в экономическом планировании.

С одной стороны, планирование – это функция от управленческой самостоятельности. С другой, оно играет самостоятельную роль, потому что это наиболее мощное средство для преодоления последствий несамостоятельного развития Сибири. Наиболее типичный пример несамостоятельного развития мы видим в гипертрофированном развитии как раз сырьевого сектора, а также «предприятий-дублеров», которые прятались в Сибири от возможной военной опасности. Здесь налицо тот факт, что основные направления развития Сибири определялись далеко не в интересах самой Сибири. Это наложило свой отпечаток на развитие промышленности, городов, районов сибирских регионов. Прямо скажем, современная структура сибирской индустрии, когда в одном месте находится нефтегазовая промышленность, в другом – нетепереработка, в третьем – химия, в четвертом угледобыча и черная металлургия, в четвертом – наука и точное машиностроение – не является рациональной. Люди, осуществлявшие такое развитие региона, совершенно не брали во внимание ни региональные интересы, ни соображения того порядка, будет ли удобно этим комплексом пользоваться.

¹ Более подробно с историей возникновения советского экономического планирования можно ознакомиться в моей книге – Верхотуров Д.Н. Экономическая революция Сталина. М., «ОЛМА-Пресс», 2006.

Топливный комплекс показывает, насколько в СССР не считались с интересами Сибири. Например, открытие нефти в Западной Сибири и создание огромного приполярного нефтедобывающего района, практически в отрыве от южных районов, состоялось только потому, что искали «большую нефть». Этот комплекс со стадии геологоразведки не проектировался под нужды региона.

Для изменения этой нерациональной структуры, сложившейся под влиянием чужих интересов, потребуется много времени и ресурсов, для чего все ресурсы региона должны быть в одних руках и под одним руководством. Дело здесь обстоит даже не в том, что основные доходы от экономической деятельности сразу оказываются в крупных компаниях в Москве или сразу в федеральном бюджете, минуя бюджеты сибирских регионов. Дело состоит в том, что раздергивание ресурсов на доходы компаний, доходы федерального бюджета, доходы региональных и местных бюджетов резко снижает возможности их использования. Не получается концентрации финансовых ресурсов на ключевых задачах. В итоге, например, в одно и то же время нефтяные компании вынуждены напрягать свои финансы для ремонта нефтепроводов, а регионы – напрягать свои бюджеты для ремонта дорог. Объединение ресурсов же позволяет решать задачи по мере их поступления: в один год бросить средства на трубы, а на следующий год – на дороги, и так далее.

И, наконец, четвертый элемент сибирской самостоятельности – это культурная самостоятельность. Сибирь зависит от русской культуры, причем эта зависимость навязанная.

Для каждого, кто бывал в Сибири и в Евроссии, нет нужды доказывать, что это очень разные страны, с разными условиями, с разными историческими судьбами и разным окружением. Между ними, пожалуй, только одно сходство. В Евроссии и Сибири бывает зима с морозом и снегом. Соответственно, культурный опыт населения Сибири коренным образом отличается от опыта жителей Евроссии.

Речь идет в данном случае о русских и коренниках, потому что сибирские татары выпадают из этого сопоставления совершенно очевидным образом.

Старожильческое население Сибири сформировалось в течение XVII века, и вплоть до конца XIX века, когда бурное развитие приобрело народное просвещение в Сибири, развивалось самостоятельно, под сильным воздействием культуры и менталитета сибирских тюркских народов. Это, собственно, и было тем обстоятельством, почему сложился особый сибирский язык, славянского происхождения, но отличный от русского. В него проникло много слов из тюркских и монгольских языков, с носителями которых старожильческие русские жители Сибири очень плотно взаимодействовали. Сложилась своя материальная культура, взявшая как русские, так и тюрские элементы, и сложился свой сибирский менталитет, непохожий на менталитет русских Европейской России.

Вот этот момент принципиальный в вопросе сибирской культурной самостоятельности. Мы не берем даже сейчас ни сибирских татар, ни хакасов, ни бурятов, чья непохожесть на русских самоочевидна. Мы говорим сейчас о тех жителях Сибири, которые русского происхождения. Даже они все-таки отличаются от русских, от которых они когда-то вышли. С одной стороны, у них вроде бы и славянская культура, но – непохожая из-за массы заимствований.

В России эта тема была и сейчас является как бы запретной. Принято считать, что сибиряки только русские, без кавычек и оговорок. Неважно, что есть материалы, описания и исследования. Это политический предрассудок, на котором базируется одна из теорий, оправдывающих эксплуатацию Сибири. И теперь есть движения и организации в Сибири, которые стараются пропагандировать эту идею всеми силами, невзирая на отсутствие доказательств.

Под влиянием этой идеи ни правительство, ни интеллигенция, даже областническая, ничего не сделали для развития культурных особенностей сибиряков. Они их просто ста-

рались не замечать, а если и сильно они бросались в глаза, то старались как можно быстрее уничтожить, сравнять с неким «эталоном». Так боролись в школах с сибирским языком, на котором говорили и писали дети коренников. Поэтому при развитии народного образования сибиряков-старожилов активно переучивали на русский литературный язык, изгоняя слова и выражения сибирского языка как вульгаризмы.

Даже областники, которых сегодня рисуют патриотами Сибири, и которые сами так себя называли, тоже боролись с сибирской особостью. Понятно, почему они так сделали: это было время максимального влияния имперской идеи просвещения «отсталых окраин», в число которых входила и Сибирь. Даже представители областнического движения, как А.Н. Щапов, Г. Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, выступавшие за сибирское самоуправление, никакого внимания не обращали на языковые и культурные особенности сибирских жителей, и потому этот вопрос тогда в повестку дня не поставили. Более того, Ядринцев, например, ставил вопрос об определении того влияния, которое «низшая раса» (то есть сибирские народы), оказала на «высшую расу» (то есть русских). При такой постановке вопроса понятно, что речь шла об уничтожении последствий этого влияния.

В историческом образовании насаждалось обязательное изучение истории Руси, начиная с древности, тогда как история Сибири начиналась с похода Ермака на Сибирское ханство и с «присоединения Сибири к России». Несмотря на яркие археологические находки из дорусской истории Сибири, а потом и появление обобщающих трудов, целого ряда исторических очерков, в широкое народное образование эти сведения не попадали. Имперское просвещение (как российское, так и советское) формировало из сибиряка человека, не помнящего своего родства, не знающего истории земли, на которой родился и живет, и культурно привязанного к Евроссии, которой сибиряк чаще всего не видел и знал очень плохо. Поездки были доступны только небольшой части населения Сибири, главным образом, городским жителям.

В области науки и искусства также во всем продавливался имперский стандарт. Сибирские деятели культуры создавали выдающиеся образцы, но исключительно в рамках культурного тренда Российской Империи и СССР. Ничего специфически сибирского в культуре создано не было. В этом легко убедиться, посмотрев хотя бы на застройку сибирских городов, которые очень похожи на все остальные города России (можно разыскать даже совершенно идентичные образцы), тогда как ничего специфически сибирского, наподобие использования национальных орнаментов в союзных республиках Средней Азии, построено не было. Ныне покойный Виктор Астафьев считается сибирским классиком, хотя его выдающиеся книги написаны писателем-деревенщиком, и его творчество концептуально мало чем отличается от творчества, например, Валентина Распутина.

Так все же, русское или свое? В качестве наиболее веского аргумента против культурной самостоятельности нам совершенно искренне могут высказать такое соображение. Мол, культура Сибири уже почти погибла, сохранилась только в музеях и в научных публикациях, а вот русская культура и русский язык живут и развиваются. После чего нам могут вполне искренне посоветовать отказаться от «бесплодных попыток» восстановления национальной культуры, и влиться в лоно культуры русской. Что на это можно ответить?

Во-первых, сибиряков нельзя признать однозначно русскими, о чем уже говорилось выше. Исконное культурное происхождение у сибирских старожилов восходит к культуре Русского Севера XVII века, ныне, кстати, тоже достаточно малоизвестной. Она тоже подверглась уничтожению во имя насаждения стандартов. Поморы теперь добились представлениям им статуса культурной автономии.

Сибирская культура развивалась в тюрко-монгольском окружении в течение 200 лет, после чего подверглась поверхностной, хотя и довольно жесткой русификации по имперскому образцу. Своеобразие сибирских старожилов очень велико. Отличия идут по языку, по материальной куль-

туре, по методам хозяйствования, по менталитету, наконец. Они сохранились даже в условиях постоянного разбавления сибирских жителей многочисленными переселенцами, каторжанами, ссыльными. Ассимиляционный потенциал сибиряков оказался очень велик, и не распространялся только на замкнутые национальные общины. В целом, по наблюдению, уже второе поколение переселенцев начинает приобретать черты сибирского менталитета.

Кроме того, сибиряки стали наследниками и хранителями истории, культуры, языка ряда нерусских народов Сибири, которые исчезли, оставив нам свои памятники. Кто, например, кроме сибиряков, будет заниматься изучением Кыргызского каганата? В Сибири есть много малочисленных народов, чьи языки и культуру надо защищать и развивать. Кто будет этим заниматься, кроме сибиряков? Поэтому безоглядное растворение в русской культуре неприемлемо.

Во-вторых, языки имеют свою ценность, как носители определенной психологии и определенного мировоззрения. Сибиряк очень внимательно относился к воде, и потому в сибирском языке есть несколько десятков слов, обозначающих разные состояния воды, разные виды рек, озер, болот, ручьев. Большое внимание уделялось информации, почему в сибирском языке появилось с десятков глаголов, обозначающих разные оттенки говорения. Вообще, в сибирском языке глагол явно доминирует. Эти особенности, копившиеся и оттачивавшиеся столетиями, нельзя приносить в жертву, пусть бы даже языку Толстого и Достоевского. Не нами сделано, не нам и выбрасывать.

В-третьих, несмотря на трескучие лозунги национального равноправия, развития всех национальных культур, оказалось на деле, что в рамках империи (будь то Россия, будь то СССР), они задвинуты на последний план, если не уничтожаются в угоду каким-то имперским целям. Даже научные исследования были с сильным идеологическим уклоном. Например, национальные языки в СССР использовались как подсобный инструмент в деле пропаганды

за социализм и коммунизм, а археологические исследования еще в 50-е годы рассматривались в ракурсе насаждения атеизма.

Так что свое необходимо развивать. Русская культура, сформировавшаяся в Петербурге, под сильным влиянием немцев и европейского опыта вообще, не может адекватно отразить опыт и мироощущение жителей казахской, монгольской степи или Саяно-Алтая. Условия ее формирования, ценностные установки слишком сильно отличаются от условий, в которых формировались сибиряки.

Разрыв этой культурной зависимости будет процессом долгим и сложным, ибо на место элемента имперской культуры нужно тут же ставить элемент сибирской культуры, по качеству не уступающий, чтобы не произошло деградации, обычной болезни народов, начинающих самостоятельное развитие.

Также проблема заключается в том, что готовой сибирской культуры нет. Нет даже готовых ее элементов, которые можно взять и синтезировать. Отдельные образцы из области истории Сибири, археологии, языка и прочего, рассеяны по труднодоступной литературе, музейным собраниям, и не могут быть вовлечены в процесс творчества. Например, мало кто из художников, скульпторов или дизайнеров видел даже в публикациях выдающиеся по своей красоте и совершенству образцы художественной бронзы из курганов Минусы и Алтая, чеканку золотых блюд из Копенского чаа-таса, наскальные рисунки Боярской писаницы. Соответственно, эти образцы в современных произведениях не отражаются.

Предстоит важная задача развития и внедрения в самый широкий обиход сибирского языка. Здесь будут и большие трудности в создании литературы на сибирском языке, деловой и художественной, и сильное сопротивление. Но эту задачу решить необходимо. То есть, стоит задача огромной поисковой и исследовательской работы, главной целью которой будет доскональное изучение культуры народов Си-

бири и русского старожильского населения, максимально широкая ее популяризация среди сибиряков, в первую очередь среди интеллигенции.

Не стоит сбрасывать со счетов как сильнейшее сопротивление со стороны российских национал-патриотов, так и излишнюю рьяность некоторых сибирских патриотов, которые захотят разрубить связи с Европейской Россией единым махом. И то, и другое – будет серьезным препятствием к достижению Сибири культурной самостоятельности, которая декретом не вводится.

Глава 5

Предпосылки самостоятельности

«Люди чудовищно ошибаются из-за своей ложной оценки вещей. Они видят успех, достигнутые другими, и считают их поэтому легкодостижимыми. Роковое заблуждение! Наоборот, неудачи всегда очень часты, а успехи достигаются с большим трудом. Неудачи получаются в результате покоя и беспечности; за удачу же приходится платить всем, что у тебя есть, и всем, что ты есть».

Генри Форд

Россия удерживала у себя захваченные территории не только силой и тотальным отрицанием уровня цивилизации покоренных народов, но и навязыванием набора идей, общий смысл которых сводился к утверждению о невозможности не то, чтобы развития, а просто существования их вне России. В отношении Сибири это проявилось с максимальной полнотой. Ни об одной стране, имевшей несча-

стве оказаться в Российской империи, не говорили столько уничижающего, как о Сибири.

Поскольку отношение к Сибири только как к источнику сырья, к тому же будто бы не востребовавшего до прихода русских, было распространено вообще на всю Сибирь, прошлую и будущую, то из этого отношения вытекала мысль о том, что регион вне России существовать не может.

Мысль эта – алогичная. Свойства шкурок соболей, золота, леса, нефти и металлов не меняются оттого, для кого они добываются. Они имеют ценность в России, в Европе, в Америке или в Китае. Даже если рассматривать Сибирь только в ракурсе добычи и продажи сырья, мысль о том, что она не может жить вне России, кажется более чем странной.

Сторонники теории страшного «сибирского сепаратизма», твердящие на всех углах об опасности и недопустимости отделения Сибири, вместе с тем придерживаются совершенно алогичного представления о том, что в Сибири де, государство создать нельзя, никаким образом, и потому де она не может жить без России. Приводятся самые разные аргументы, вплоть до таких фантастических, что де, новое государство, вынуждено будет покупать электроэнергию в Евроссии (это при сибирской-то энергетике!), а вообще будет жить только за счет нефти.

Большого бардака в мышлении, пожалуй, представить себе трудно. В рамках одной теории умещаются два противоположных тезиса, взаимно уничтожающихся. С одной стороны, говорится о том, что готовится немедленное отделение Сибири, в связи с чем подразумевается, что потенциал суверенного развития есть. С другой стороны, говорится, что государство в Сибири создать нельзя, потому что условий нет, то есть отрицается потенциал суверенного развития. В этих условиях немедленное отделение неосуществимо. Теория логически рассыпается на глазах, что, впрочем, не мешает ее сторонникам громко кричать о своей правоте.

Поэтому вопрос о предпосылках самостоятельности стоит рассмотреть особо. Основная их суть состоит в том,

что сейчас Сибирь обладает всеми экономическими возможностями для самостоятельного развития, в том числе и вне России. В этом отношении наше положение кардинально разнится с положением начала XX века, когда Сибирь действительно была слаборазвитой территорией и не имела собственной промышленности. Итак, более подробно.

«РЕДКОНАСЕЛЕННАЯ СИБИРЬ»

Одно из наиболее распространенных представлений о Сибири, как о редконаселенной и заснеженной целине, прочно вбил в сознание значительной части жителей России странный тезис о «пустой Сибири». Особенно часто он упоминается сейчас в связи с общими демографическими проблемами в России и мифической «китайской угрозой» заселения Сибири сотней-другой миллионов китайцев, которая почему-то так и не реализовалась за последние пару тысяч лет соседства.

При этом, ни обыватели, ни даже ученые и аналитики, почему-то не обращают внимания на тот факт, что население Сибири вполне сопоставимо с населением ряда европейских государств, вполне себе самостоятельных. Игнорируется тот факт, что рядом процветает Казахстан, имеющий при огромной площади население в два раза меньшее, чем в Сибири.

По данным на 2003 год, в Сибири проживает 32 млн. 47,5 тысяч человек. Почти во всех регионах Сибири преобладает городское население. Процент городского населения в среднем составляет 75% от всего населения.

По численности населения Сибирь вполне сопоставима с Испанией, Польшей и Румынией. В два раза превышает по численности Нидерланды, в шесть раз Словакию, Финляндию, Норвегию. Мало кто сейчас усомнится в высоком уровне развития последних двух стран, однако, факт – они делают свои успехи при очень большом по российс-

ким меркам населению. Среди бывших союзных республик СССР больше население только на Украине – 49,5 млн. человек. А по остальным:

Беларусь – 10,1 млн. человек,

Латвия – 2,4 млн. человек,

Литва – 3,6 млн. человек,

Молдавия – 4,3 млн. человек,

Эстония – 1,4 млн. человек (примерно как население Новосибирска),

Азербайджан – 7,6 млн. человек,

Армения – 3,7 млн. человек,

Грузия – 5,4 млн. человек,

Казахстан – 14,9 млн. человек,

Киргизия – 4,6 млн. человек,

Таджикистан – 6 млн. человек,

Туркменистан – 4,8 млн. человек,

Узбекистан – 24,2 млн. человек.

То есть большинство новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, имели население от 3 до 10 млн. человек. Опыт показывает, что это несколько им не помешало стать вполне нормальными независимыми государствами.

Это особенность русского менталитета. К сожалению, в России веками было принято рассматривать народ в качестве либо тянущего тягло, либо в качестве пушечного мяса. До понимания, что народ обладает ценностью сам по себе, что без него никакие государства не стоят, в России так и не выросли.

Этот подход переносится в Сибирь. В России не понимают, что 30-ти миллионный народ при богатейших сибирских ресурсах способен создать богатую и процветающую страну. Люди добивались выдающихся результатов при куда более скудных возможностях, чем есть в Сибири. Но логика оценки народа в качестве пушечного мяса, это характерное «оборонное сознание», отмечает все эти соображения. Национал-патриотам населения мало. Если бы в России было

500-600 млн. человек, то все равно бы кричали, что мало. И аргумент бы нашли, что в Китае, мол, живет больше.

Людей часто сбивает с толку огромная площадь Сибири. Они честно делят население на площадь, и получают низкую плотность населения (3,7 человек/кв.км в среднем по Сибири), из чего делают вывод о том, что в такой стране ничего хорошего быть не может. Мол, не дотягивает население до «эталонной» европейской плотности.

Однако, на свете есть сколько угодно стран, в которых население живет на сравнительно небольшой части, а все остальное занято почти незаселенными пустынями, горами, джунглями. Например, Саудовская Аравия – это две узких прибрежных полосы вдоль Персидского залива и Красного моря, и несколько крупных оазисов в центре страны. Остальное – пустыня. К морю жметя население Судана, Алжира, Марокко, хотя по площади это страны, заметные на мировой карте. Туркменистан вытянулся примерно 50-километровой полосой вдоль Копет-Дага. Даже в Китае большая часть населения сосредоточена в восточных провинциях, а в Синьцзяне и Тибете плотность населения как в Сибири, а то и ниже. Примеров подобного рода можно приводить множество. Таким же образом дело обстоит и в Сибири. Население здесь сосредоточено в Западной Сибири примерно в 200-километровой полосе вдоль казахской границы, а в Восточной – в крупных анклавах: Минусинской котловине, Прибайкалье, населенной части Якутии, на Амуре. Все остальное занято горами, тайгой, болотами, тундрой. Населенная часть Сибири довольно точно обозначена на карте распространением автомобильных дорог.

Плотность населения в ряде регионов юга Сибири, где и живет большая часть сибиряков, приближается к европейской плотности населения. Наиболее густонаселенная область – Кемеровская, имеет плотность 31,4 чел./кв.км. Она лишь немного по плотности населения уступает Волго-Вятскому району и Уралу. Новосибирская, Омская области и Алтайский край – 15 чел./кв.км. Эти последние три

региона Сибири по плотности соответствуют Норвегии, Финляндии и Швеции (13,8, 15, 19,6 чел./кв.км.). То есть южные районы Сибири вполне себе сопоставимы по плотности населения со странами Скандинавии.

Миф о «редконаселенной Сибири» можно с чистой совестью отправить в мусорную корзину. Сибирь и по численности населения, и по его плотности, сопоставима с рядом европейских стран.

СИБИРСКИЙ РУР

С экономической основой для самостоятельного развития в Сибири всегда дело обстояло хорошо. Мало стран на земле, в такой степени обеспеченных всеми видами природных ресурсов, причем как ископаемых, так и неископаемых. Восточные регионы являются одними из крупнейших производителей промышленной продукции не только в масштабе России, но и в масштабе всего мира. На юге Сибири сформировались крупные промышленные районы: Омск, Новосибирск, Томск, Кемеровская область, Красноярск, Иркутск.

Особенно в этом отношении выделяется Кемеровская область, в которой сосредоточена основная часть тяжелой промышленности Сибири: угледобыча, коксохимическое производство, черная металлургия, тяжелое машиностроение. В СССР Кемеровская область давала 12,6% промышленной продукции. В масштабе Сибири в целом, Кемеровская область давала 75% продукции топливной промышленности, 75% черной металлургии, 20% химической и нефтехимической продукции, 12% электроэнергии, 13% строительных материалов.

Кузбасс – это мощный индустриальный центр в Сибири. Его мощности в крайне изношенном состоянии, после нещадной эксплуатации в течение почти 25 лет. Еще 20 лет «рыночного» хозяйствования еще больше подорвали его

силы, однако это не отменяет огромного значения Кемеровской области для экономики Сибири. В восстановлении и развитии Кемеровской области есть огромные перспективы.

Имея запасы только Кемеровской области, Сибирь могла бы не заботиться о своем будущем, потому что запасы угля Кузнецкого бассейна покрывают все текущие потребности в топливе на тысячи лет вперед. Запасы каменного угля бассейна в 1970 году оценивались в 804,3 млрд. тонн, до глубины в 1800 метров. Сейчас они оцениваются несколько скромнее, в 733,4 млрд. тонн.¹ Но все равно, запасы угля огромны.

Чтобы представить себе количество угля, приведем такой пример. Красноярску на зиму для отопления нужно около 1,5 млн. тонн угля. Если взять все запасы кузбасского угля, то его для отопления одному Красноярску хватит на 488 тысяч лет. А если добывать его теми темпами, как при советской власти, то угля Кузбасса хватит на добычу в течение 51 тысячи лет. Конечно, далеко не весь уголь можно выработать. Часть его остается под городами и населенными пунктами, под руслами рек и балками, часть его лежит слишком глубоко и недоступно пока для разработки. Но даже при этих ограничениях, кузнецкого угля хватит очень надолго даже при интенсивной добыче. Причем, кузнецкий уголь очень хорошего качества, который хорошо коксуется и превращается в отличное топливо для металлургии.

Кузбасс в советские времена давал 20% всей угледобычи по Советскому Союзу и 37% по РСФСР, выдавая на-гора в 1987 году ровным счетом 146 млн. тонн угля. 77,6% этого угля, или 113,3 млн. тонн, вывозилось за пределы Кемеровской области и потреблялось в других местах.² Разработка

¹ Агафонов Н.Т. Основные проблемы формирования промышленных комплексов в восточных районах СССР. Часть первая. Особенности развития и размещения промышленности. Л. «Издательство ЛГУ», 1970, С. 136; Экономика Сибири: субъекты Федерации. Новосибирск, «СибАГС», 1999, С. 96.

² Александров С.И., Речко Г.Н., Фридман Ю.А. Кузбасс: стратегия социально-экономической реконструкции. Новосибирск, «Наука», 1991, С. 15

ми затрагивалось примерно 10-11% богатейших пластов кузнецкого угольного бассейна. Все остальное лежало без движения. Вот они, характерные черты «освоения Сибири»: взять то, что ближе лежит, и тут же вывезти.

Есть большие запасы железной руды, порядка 2,1 млрд. тонн в месторождениях Горной Шории. Рядом, в Томской области, есть Бакcharское железнорудное месторождение, с огромными запасами, оцениваемыми приблизительно в 110 млрд. тонн. Причем руда очень высокого качества, с содержанием железа 38-40%. То есть, в рудах Бакcharского месторождения лежит ровным счетом 44 млрд. тонн железа. Черным металлом мы обеспечены на много столетий вперед. К ним также Успенское месторождение марганца, запасы которого оцениваются в 180-200 млн. тонн.

Кемеровская область имеет такое же значение для Сибири, как и района Рура для Европы. Это основной центр, на котором стоит вся промышленность: производство черного металла, химической продукции, тяжелого промышленного оборудования.

Рур – это экономический центр огромного, радиусом в 500 километров с центром в Остенде (Бельгия), района, в котором сосредоточена основная часть промышленного производства стран Европейского Союза. Этот район и был локомотивом развития Европы. В конце 60-х годов Западная Германия производила 12% промышленной продукции, осуществляет 13% экспорта, и 14% экспорта высоких технологий.

В Европе ей принадлежало:

43% промышленного производства,

63,6% добычи каменного угля,

42,6% производства электроэнергии,

43,1% выплавки стали,

50% производства автомобилей.¹

¹ Лавров С.Б. География промышленности ФРГ. Ч. 1 Л. «Издательство ЛГУ», 1967, С. 32.

Если же мы возьмем только район Рура, тот самый круг, то в нем производится:

95% выплавки черного металла,

96% добычи каменного угля,

100% продукции машиностроения.

То есть, мы видим максимальное сосредоточение в этом районе тяжелой промышленности: угольной, черной металлургии, машиностроения, химии. И сейчас, несмотря на крупные изменения в структуре Рурского района, в снижении доли добычи каменного угля, выплавки черного металла в силу перемещения этих производств в страны Юго-Восточной Азии, роста доли химии, нефтепереработки и высоких технологий, Рур остался главным экономическим районом Европы.

Таким же главным экономическим районом Сибири является Кемеровская область, производящая важнейшие виды промышленного сырья и полуфабрикатов, в первую очередь стали и проката. Сегодня черная металлургия в Кузбассе представлена тремя крупными заводами: Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), первенец советской индустриализации, в Новокузнецке, Западно-Сибирский металлургический комбинат (ЗСМК), построенный в 60-х годах, и реконструированный Гурьевский металлургический завод.

Эти предприятия когда-то были предприятиями общесоюзного значения. КМК и ЗСМК тянули вместе с другими металлургическими гигантами всю советскую черную металлургию. Кузбасс в 1980 году давал 9,3% чугуна, 8% стали и 7,5% проката всего Советского Союза. Доля в черной металлургии РСФСР была еще выше: чугун – 17,9%, сталь – 14,1%, прокат – 13%.¹ Вообще, промышленность Кузбасса была специализирована на производстве черного

¹ Фридман Ю.А., Исупова О.А. Особенности и проблемы развития Кемеровской области в хозяйственном комплексе юга Западной Сибири. // Экономика Сибири в разрезе широтных зон. Новосибирск, «Наука», 1985, С. 148.

металла. Коэффициент специализации¹ в черной металлургии составил 3,85. Он взял абсолютное первенство. На втором месте шла цветная металлургия, с коэффициентом специализации 1,66, а уже на третьем месте шла топливная промышленность с коэффициентом специализации 1,27.

Одним словом, это была одна из основных общесоюзных угольно-металлургических баз. Так при Советской власти называли мощные территориально-промышленные комплексы, добывающие уголь, железную руду и выплавляющие черные металлы. Металлургические базы – это в очень большой степени концентрированные производства. Мощности комбинатов: КМК и ЗСМК, составляет по 4,5 млн. тонн чугуна в год.

Сама по себе идея металлургических баз очень даже неплоха. Она исходит из того здравого понимания, что черную металлургию лучше всего развивать там, где есть в большом количестве уголь и железная руда. Как мы видели, и того и другого в Кузбассе, а также по соседству, очень много. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что здесь возникла, причем возникла еще в первую пятилетку, в 1932 году, металлургическая база советской промышленности.

Кузнецкая металлургия тоже составляет одну из важнейших экономических основ сибирской экономики. Без минерального топлива Кузбасса, кузнецкой стали и проката нечего и надеяться на самостоятельное развитие сибирской экономики. Распространились модные идеи о том, что, де, наступило «постиндустриальное общество», в котором отрасли тяжелой промышленности не играют былой определяющей роли, а главную роль играет информация. Это,

¹ Коэффициент специализации – обобщенный показатель, рассчитываемый как отношение валовой продукции отрасли региона к общей валовой продукции отрасли по стране, деленное на отношение валовой продукции всей промышленности региона к валовой продукции промышленности страны.

Подробнее об этом: Александров С.И., Речко Г.Н., Фридман Ю.А. Кузбасс: стратегия социально-экономической реконструкции. Новосибирск, «Наука», 1991, С. 13.

при близком рассмотрении, не более чем иллюзия. Отрасли тяжелой промышленности по-прежнему играют ведущую и определяющую роль, и без них экономическое развитие становится невозможным.

Для развития информационной сферы нужна современная компьютерная техника, которая потребляет весьма значительное количество электроэнергии. Хозяйство любого современного города – это очень энергоемкое хозяйство. Сфера услуг и коммунальное хозяйство потребляют электроэнергии никак не меньше, чем в промышленности.

А электроэнергетика – это уже отрасль тяжелой промышленности, к тому же тесно связанная с другой отраслью той же самой тяжелой промышленности – угледобывающей, потому как в Сибири, да и в России, пока что большая часть энергии вырабатывается на тепловых станциях. В 1989 году из 1054 млрд. кВт/ч энергии, 764 млрд. вырабатывалось на тепловых станциях, или 72,4% от ее общего количества. В 1996 году в России вырабатывалось 838 млрд. кВт/ч электроэнергии, и из них 575 млрд. на тепловых станциях, или 68,6%.¹ Для этого необходимо сжигать около 200-220 млн. тонн угля. Такой размах тепловой энергетики требует хорошего развития угледобывающей индустрии, и, следовательно, связанных с ней машиностроительных отраслей. Для перевозки такого количества угля от мест добычи к топкам электростанций, нужен мощный транспорт, то есть необходимо развитие железных дорог, черной металлургии, а также тяжелого транспортного машиностроения.

Примеры можно множить и множить, но видно, что тяжелая индустрия по-прежнему составляет основы нашей экономической жизни. Электроника, компьютеры и высокие технологии – все это очень хорошо, но без основных отраслей обойтись никак не получится. Развитие современной экономики невозможно не только без электроэнергии

¹ Френкель А.А. Экономика России в 1992-1997 годах: тенденции, анализ, прогноз. М. «Финстатинформ», 1997, С. 36.

и добычи угля, без черных металлов и полуфабрикатов из них. Несмотря на процесс облегчения конструкций, применения легких металлов и неметаллических заменителей, все равно решительным образом потеснить металлоконструкции из стали не удалось. Видимо, еще долго не удастся.

Строительство, железные дороги, тяжелое и транспортное машиностроение, станкостроение – вот основные области применения стали и стальных заготовок, выпускаемых КМК и ЗСМК. По мере экономического и социального развития, вместе с расширением строительства, транспорта, промышленного производства, необходимость в стали и прокате в Сибири вырастет.

Потому и Кузбасс будет очень долго еще сохранять свое значение ведущего промышленного центра Сибири, быть центром притяжения для всей сибирской промышленности, ее сырьевым и топливным поставщиком.

СИБИРСКАЯ НЕФТЬ И НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Как Сибири крупно повезло с таким районом, как Кузбасс, так ей повезло с запасами другого ценного ресурса, а именно нефти и газа. Вообще, писать о сибирской нефтегазовой промышленности – дело неблагодарное. Об этом пишут и говорят очень много. Много ныне развелось специалистов по нефти и газу. Но все же стоит отметить, что по большей части это какие-то однобокие знатоки, смотрящие на дело только с той точки, как бы нефть добыть и продать. Удивительно, но в одной из крупнейших в мире нефедобывающих стран не поднимается тема использования нефти кроме как экспортного товара.

Все-таки, нефть есть товар или сырье?

Можно со всеми основаниями утверждать, что в России сложилось неправильное представление о роли нефти в экономике. Ее чаще всего представляют в виде ресурса,

который можно быстро и легко продать на внешнем рынке. Это, конечно, больше подразумеваемое представление, чем прямо высказываемое. Хотя, бывают и прямые высказывания такого рода. Например, заместитель Генерального секретаря Секретариата Энергетической хартии, д.э.н. Андрей Конопляник утверждает, что: «Целью любой налоговой реформы должно быть, на мой взгляд, повышение конкурентоспособности отечественной экономики, отечественных товаров, то есть увеличение нормы прибыли в цене соответствующих продуктов... Первое – повышение конкурентоспособности (доли прибыли в цене при продаже) российской нефти и нефтепродуктов на отечественном и мировых товарных рынках...».¹

Видно, что все основные моменты заявлены достаточно откровенно. Цель реформирования экономики – повышение нормы прибыли путем продажи нефти на рынке, в первую очередь внешнем. То есть, совершенно очевидно, что нефть в данном случае рассматривается как некий товар, который почти сразу же по извлечении из недр готов к продаже.

В те времена, когда сырая нефть еще была топливом для двигателей и котельных, великий химик Д.И. Менделеев со всей страстью выступал против представления о нефти, как о топливе. Он говорил: «Нефть – не топливо. Топить можно и ассигнациями». С тех пор положение в России только усугубилось. Нефть не воспринимают даже как топливо, а просто как товар, в России почти не имеющий ценности.

Но, это представление о нефти – неверно. В нем все поставлено с ног на голову. Нефть в недрах для экономики не имеет практической ценности до тех пор, пока она не извлечена на поверхность и закачана в резервуар. Люди, рассуждающие о «природной ренте», очевидно, плохо представляют себе, с какой глубины нефть добывается, и сколько стоит добыть тонну «черного золота».

В России средняя себестоимость добычи тонны нефти

¹ Конопляник А. Нефтяная рента // «Нефть России», № 5, май 2003.

составляет 13 долларов, или 364 рубля по текущему курсу. В эту сумму входит стоимость бурения скважины, обустройства промысла, строительства дорожной и трубопроводной инфраструктуры, стоимость эксплуатации оборудования и различные накладные расходы. Скважина с суточным дебитом в 20 тонн¹ обойдется нефтедобытчику в 7280 рублей.

Итак, нефть начинает стоить только с того момента, когда она покидает устье скважины, и отправляется по трубопроводу.

Но и в этом случае у нефти есть только некоторая стоимость, обусловленная затратами на добычу, но нет пока особой ценности. В сыром виде нефть представляет собой лишь сырье, которое еще надо транспортировать на нефтеперерабатывающий завод, и там произвести хотя бы первичную переработку, то есть разложить на легкие и тяжелые фракции, выделить бензины, дизтопливо и мазут.

Собственно, вся нефть, добываемая в мире, так или иначе перерабатывается. Только добыча нефти и ее переработка могут производиться в разных странах, и на разных континентах. Нефть, добытая в Саудовской Аравии или Иране, может быть переработана на нефтеперерабатывающем заводе в Кёльне или Пусане. Точно так же дело обстоит и с нашей нефтью. Чтобы правильно понять ситуацию, надо сказать, что из 485 млн. тонн нефти, добываемых в России, 264 млн. тонн отправляется на переработку за границу. «Мировой рынок нефти» – это система, когда нефть добывается в одной стране, а перерабатывается в другой.

После первичной переработки нефти на нефтеперерабатывающем заводе, только часть продукции используется в готовом виде, например, бензин и дизтопливо в качестве моторного топлива, мазут в качестве топлива для котельных. Оставшаяся часть нефти представляет собой сырье и поступает в глубокую переработку. В конечном итоге из этой час-

¹ Скважина с дебитом 20-25 тонн/сутки теперь считается высокодебитной скважиной. Средняя отдача со скважин в России составляет 7,4 тонн в сутки.

ти нефти получают самые разнообразные синтетические продукты, в частности, пластмассы, синтетические смолы, химические волокна и нити. Эти полуфабрикаты используются для изготовления товаров конечного потребления.

Нефть нас окружает решительно везде. Практически любой предмет, который нами используется, сделан или из нефтепродуктов, или с использованием нефтепродуктов. Даже сама пища у нас тоже в какой-то степени является нефтепродуктами, а уж во что заворачивается, то и подавно делается из нефти. Вот если представление о нефти вернуть в нормальное положение, то товаром нефть можно назвать только тогда, когда она превратилась в товары, имеющие вполне конкретную потребительскую стоимость. До этого момента нефть находится в той или иной стадии переработки, и является сырьем. Полуфабрикатом в лучшем случае, ибо сегодня даже бензин, получаемый в ходе первичной переработки нефти, проходит дополнительные стадии обработки: очистку, удаление вредных примесей, повышение октанового числа.

Пока сырая нефть считается «товаром», по поводу работы нефтедобывающей отрасли могут возникать самые невероятные мифы и легенды. К числу наиболее ярких и характерных легенд можно отнести легенду о «природной ренте», будто бы присваиваемой нефтедобывающими компаниями. Происхождение этого мифа ясно, как белый день. Если нефть добывается за 13 долларов за тонну, а продается за 50 долларов, значит, что-то здесь не чисто, и что-то нефтедобывающие компании от народа утаивают. И это соображение приводит иногда просто к революционным выводам. Вице-президент управляющей компании «Тройка-Диалог» Евгений Гавриленков заявил однажды: «Однако рано или поздно нефть кончится. Сегодня мы живем за счет экспорта нефти и газа, завтра тоже, а что будем делать послезавтра? Проблема перераспределения так называемой нефтяной ренты приобретает все большую актуальность, превращается в центральный вопрос всей экономической

политики государства».¹ Еще немного, и будет ленинский декрет в духе: «Нефть – народу, земля – крестьянам!».

На самом деле, ничего тайного здесь нет. Добыть тонну нефти из скважины стоит 13 долларов, прокачать по трубопроводу, залить в танкер и отвезти в Вильгельмсхафен стоит еще 7-8 долларов (если цена на рынке 26 долларов за тонну; эта цена складывается из стоимости добычи, хранения и транспортировки, плюс прибыль). А когда нефть превратится в конечный продукт, скажем, в комплектующие поливинилхлоридовые или полиэтиленовые детали к компьютерам или автомобилям, то они уже пойдут производителям компьютеров и автомобилей по 3,5 тысяч долларов за тонну и больше.

Нефть должна оцениваться с точки зрения выпуска конечного продукта. Тогда рассеются все «тайны», и станет ясно, что стоимость добычи и транспортировки, что, собственно, и составляет цену сырой нефти на мировом рынке, является лишь ничтожной частью себестоимости готового продукта.

НЕФТЬ КАК КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Нефтью в России принято гордиться. При всяком удобном случае подчеркивается, что запасы нефти у нас одни из самых больших, а добываем ее мы столько, что по суточной добыче догнали уже «нефтяную монархию» – Саудовскую Аравию. Мы ежесуточно добываем 8,69 млн. баррелей, а саудиты – 8,65 млн. баррелей.² Только вот организация нефтяной промышленности не дает повода для гордости. Как в России организована добыча и переработка нефти, то является совсем не гордостью, а позором.

¹ Иогансен Н. Это моя добыча! // «Итоги», № 45, 11 ноября 2003

² Там же.

Действительно, Россия является второй в мире нефтедобывающей страной. В 2004 году было добыто 421 млн. тонн нефти и газоконденсата.¹ Казалось бы, чем не повод для гордости? Но, первичной переработке подвергается только 190 млн. тонн нефти. 231 млн. тонн нефти, как уже говорилось, нами отправляется за границу для переработки. Всего топливная промышленность у нас производит 16,9% от продукции всей промышленности. Из этого числа на нефтедобычу падает 11,8%, а на нефтепереработку только 2,2%.²

Это было бы терпимо, если бы внутреннее производство топлива и нефтепродуктов у нас было бы достаточным. Но вот чего нет, того нет. Во-первых, перерабатывается только 45,1% добываемой нефти. Во-вторых, структура нефтепереработки не соответствует структуре потребления нефтепродуктов. НПЗ у нас до сих пор работают по мазутному циклу, основным продуктом которого является топочный мазут и дизтопливо. Из числа выпускаемых российскими НПЗ нефтепродуктами 19,6% приходится на бензин, 28,2% – дизтопливо, и 32,1% – мазут. Между тем, в потреблении нефтепродуктов 49% приходится именно на бензин.³

А если посмотреть картину производства химической продукции, то картина станет совсем безрадостной. В 2003 году синтетических смол и пластмасс производилось всего 3 млн. тонн. Если учесть, что не всякие смолы и пластмассы получают из нефти, то нужно сказать, что по сравнению с объемами добычи производство искусственных материалов ничтожное. Труб и деталей выпускается и того меньше – 63 тысячи тонн. Синтетического каучука выпускается 1,07

¹ Россия в цифрах 2004. Краткий статистический сборник. М. 2004, С. 194

² Там же, С. 185

³ Из выступления вице-президента ОАО «НК «ЛУКОЙЛ» Вадима Воробьева на конференции «Российские инвесторы – будущее российской экономики» 5 апреля 2005 года, Москва.

млн. тонн, лакокрасочных материалов – 636 тысяч тонн.¹

Россия занимает четвертое место в мире по производству синтетического каучука. На первом месте США – 2,15 млн. тонн. Затем Япония – 1,52 млн. тонн, Китай – 1,13 млн. тонн, и Россия – 0,9 млн. тонн.² Нас в этой отрасли опережают страны, которые не блещут результатами в нефтедобыче, или почти совсем не добывают нефти, как Япония. Тут надо думать, что Россия кого-то очень хорошо снабжает сырьем.

В общем, не то, чтобы в России совсем ничего не производится из нефтепродуктов. Все же, около 80 млн. тонн бензина ежегодно есть. Но и не слишком хорошо, по количеству, по качеству, и по соотношению производства нефтепродуктов и с добываемой нефтью.

То есть гордиться мы можем только что запасами нефти, и суточной добычей. По существу, только количеством скважин и давлением пластов, обеспечивающих дебет. Это по-русски. Брать то, что лежит под рукой, не задумываясь ни об использовании сырья, ни о его глубокой переработке, ни о том, чтобы развивать комплексное хозяйство. Учитывая то, что основные нефтяные запасы находятся в Сибири, это отношение полностью соотносится с общим отношением к ней в России. Нынешняя «экономика трубы» не могла бы состояться, если бы не было Сибири, и не было бы длинной традиции разграбировки сибирских ресурсов.

Это принципиальный момент. Россия и сейчас является колониальной страной, которая эксплуатирует свои регионы. Это именно колониальная эксплуатация, основанная на выкачивании природных ресурсов, немедленном их вывозе и продаже. В истории колониальных держав также был этот подход. Они просто грабили колонии, или же закупали в них у местных народов за бесценок товары, которые с огромной прибылью сбывали в Европе.

¹ Россия в цифрах 2004. Краткий статистический сборник. М. 2004, С. 196.

² Данные 2001 года.

В Европе выходцу из третьего сословия приобрести землю было практически невозможно. Земля была давно поделена и за ее обладание шли ожесточенные войны. Но за океаном земли было в достатке, и захватить кусок было очень легко. В условиях благоприятного климата, на хороших землях, европейская агротехника быстро дала плоды. В вест-индийских колониях стало быстро развиваться производство зерна, хлопка, сахарного тростника, табака. Все это вывозилось в Европу, в частности в Англию, и перерабатывалось в готовую продукцию: зерно в муку, хлопок – в ткани, сахарный тростник в сахар-рафинад и джин, табак в сигары. Торговля этими товарами на европейском рынке приносила огромные прибыли, потому что сырье доставалось практически даром. Прибыль окупала даже высокую стоимость перевозки через Атлантику. Колониям, понятно, почти ничего не оставалось.

Вскоре система торговли колониальными товарами (вполне официальное название ряда товаров, которое бытовало еще в начале XX века) пополнилась еще одним звеном – Африкой. Отсюда колонизаторы стали вывозить негров для работы на плантациях Вест-Индии и в качестве рабочей силы и прислуги в Англию. Сложился так называемый «треугольник»: Англия и Голландия, Вест-Индия, Африка.

Португальцы стали возить товары с Востока вокруг Африки, и сбывать их на рынках Лондона и Амстердама. Чуть позже, когда возникли сельскохозяйственные колонии, Лондон, Ливерпуль, Бристоль, Амстердам и Антверпен – стали главными портовыми городами, в которые привозились колониальные товары. Здесь быстрее всего росли обороты и капиталы торговли, здесь купцы богатели быстрее, чем в других местах, и потому центр европейской торговли переместился сюда. Европейская цивилизация возникла на основе колониального грабежа и работоторговли. Россия, тоже стремившаяся в Европу, также начала более активно грабить свои колонии, что продолжает делать и по сей день.

Колониальный характер нефте- и газодобычи в Сибири

прекрасно демонстрируется состоянием отрасли. Примеры потрясающей бесхозяйственности в нефтяной отрасли показывают, что даже в этой, казалось бы, важнейшей для экономики России отрасли, развитием и улучшением дела никто всерьез не занимается. Отрасль ставит на то, чтобы побыстрее снять «легкую нефть» и продать ее за рубеж, то есть стремится жить, не работая. Подход, нам уже знакомый.

Начать лучше всего с запасов нефти и того, как с ними обходятся. Россия, как известно, имеет много нефти, немного уступая по запасам только Саудовской Аравии. Доказанные запасы нефти и газоконденсата по категориям А+В+С1 составляют 18 млрд. тонн. Из них 12,96 млрд. тонн (72%) запасов находятся в Западной Сибири, 2,88 млрд. тонн (16%) запасов находится в регионе Урало-Поволжья. Остальное распределяется между Северным Кавказом, севером Европейской части России, Восточной Сибирью и Дальним Востоком.

Западно-сибирские запасы нефти и газа сосредоточены, в основном, в Тюменской и Томской областях. В Тюменской области, в начале 70-х годов было открыто порядка 400 месторождений с запасами в 20 млрд. тонн. Они на большую часть выкачаны и вывезены. Осталось на 1997 год – порядка 7 млрд. тонн нефти. Стоимость добытого и вывезенного по текущим ценам составляет гигантскую сумму – 611 трлн. долларов. Но и осталось не так уж и мало: 7 млрд. тонн в остаточных запасах и порядка 8 млрд. тонн в небольших забалансовых месторождениях, которые не разрабатываются. Итого по Тюменской области 15 млрд. тонн. В Томской области имеется запасов нефти 3,3 млрд. тонн. Если добавить сюда небольшие запасы нефти в Новосибирской области, в 0,2 млрд. тонн, то всего по Западной Сибири составит 18,5 млрд. тонн, что вполне достаточно для сибирского Кувейта.

«Остальное» – это тоже огромные запасы. Например, разведанные запасы по категориям А+В+С1 составляют для Восточной Сибири 386,8 млн. тонн, для Дальнего Востока

– 459,5 млн. тонн. Нефть по категории С2 составляет 605,1 и 303,1 млн. тонн нефти соответственно. Газа также много. В Восточной Сибири 2,3 трлн. куб.м., на Дальнем Востоке – 2,1 трлн. куб.м., а также по категории С2 – 1,7 и 1,4 трлн. куб.м. соответственно.¹ Дополнительно в Восточной Сибири залегает 55-70 млрд. куб.м. гелия. Нужно еще учитывать, что степень разведанности составляет 4,4% по нефти и 7,6% по газу.

Если разделить запасы нефти на душу населения Сибири, то на каждого жителя Сибири придется порядка 600 тонн. Это десять железнодорожных цистерн. В текущих ценах – 28 млн. долларов. При рачительном использовании, только с помощью нефти можно обеспечить каждого сибиряка очень высоким уровнем жизни. Почти как в Кувейте.

Но, пока что все это богатство сибирякам не достается. Россия делит их «по справедливости»: доходы – владельцам нефтяных компаний, а мороз и летний гнус на буровых – сибирякам. Между тем, нефтяные компании не только гробут прибыли, но и разоряют месторождения и гробят инфраструктуру.

Запасы нефти в России распределены неравномерно. 70% запасов сосредоточены в крупных и уникальных месторождениях, и в одном регионе страны. Этим наши нефтедобывающие компании с успехом и пользуются. «Юганскнефтегаз», головное предприятие НК «ЮКОС», недавно почившего, практически всю свою добычу вел в Западной Сибири всего на 26 месторождениях. В разработку вовлечено 76% разведанных запасов, причем средняя выработка месторождений составляет 43%.²

Эта концентрация нефтяных запасов сильно расхолаживает нефтедобытчиков. Если месторождение крупное, то оно, освоенное, позволит компании гнать нефть за границу

¹ Коржубаев А. Перспективы добычи нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. // Проблемы Дальнего Востока, №6, 2005, С. 48.

² Топливо-энергетический комплекс России: особенности развития и сырьевой базы. // «Промышленные ведомости».

несколько лет, и за все это время на расширение запасов можно не тратить. Собственно, как только в 1992 году предоставилась возможность для ведения «современного нефтяного бизнеса», то есть добычи нефти и продажи ее за рубеж, новоакционированные нефтяные компании резко сократили геологоразведку. С 1994 года разведка новых месторождений не покрывает объемов добычи.

Здесь нужно сделать небольшое разъяснительное отступление о том, почему нужно постоянно возобновлять запасы нефти. Дело в том, что работа всей нефтяной отрасли, от геологоразведки до изготовления готовых товаров из нефтепродуктов (или экспорта нефти, как сейчас у нас), окупается продажей готового товара, в себестоимость которого входят все затраты на работу всех звеньев цепочки добычи и переработки нефти. Нефтепромыслы, трубопроводы, нефтеперерабатывающие заводы, порты и терминалы – это сложные и дорогие сооружения, которые окупаются в течение длительного времени. Все это время, а желательно и дольше, чтобы приносить прибыль, эти сооружения и заводы должны работать с максимальной нагрузкой. Запасов нефти должно быть столько, чтобы обеспечить бесперебойную работу инфраструктуры и переработки нефти на 15-20 лет.

Только вот отдельные месторождения нефти не очень велики по запасам. В 60-е годы открывали месторождения со средними запасами в 55 млн. тонн, а теперь средние запасы в открытых месторождениях составляют около 10 млн. тонн. Извлекается из месторождения 95-96% нефти за границей, у нас примерно 70%.

Месторождение разрабатывается несколькими десятками скважин. Примем, что наше месторождение, условно говоря, разрабатывается 80 скважинами¹ с суточным дебе-

¹ В 1999 году в России разрабатывалось 1560 месторождений. Эксплуатационный фонд скважин составлял 134 тысячи скважин. Таким образом, на одно месторождение приходилось по 86 скважин. – Состояние разработки нефтяных месторождений и прогноз нефтедобычи на период до 2015 года // «Нефтегазовое хозяйство».

том в 10 тонн. Таким образом, суточная отдача месторождения будет составлять 800 тонн, а в год с него добывается 292 тысячи тонн нефти.

Месторождение при таких темпах добычи будет исчерпано через 24 года, а по западным технологиям через 32,5 года. При этом надо учитывать, что стоимость тонны нефти, добытой в начале эксплуатации, и той же тонны, добытой в конце эксплуатации месторождения, будет существенно отличаться. В начале разработки нефть выталкивает на поверхность давлением пластов, а в конце разработки нефть нужно или выкачивать насосами, или закачивать в пласт воду или газ, чтобы повысить внутрислоежное давление. Поэтому, когда месторождение выбрано на 60%, нефть в нем уже считается трудноизвлекаемой. Дебет скважины падает, до 3-5 тонн в сутки, и отдача с месторождения падает до 146-87,6 тысяч тонн в год.

Вот поэтому нефтедобывающая отрасль постоянно нуждается в новых месторождениях. Выработанное месторождение не в состоянии поддерживать такой поток нефти, на который запроектированы трубопроводы, заводы и терминалы. Поэтому падение добычи на старых месторождениях компенсируют добычей на новых, только что введенных, на которых скважины дают по 20-25 тонн в сутки.

По сути своей, это занятие напоминает выливание воды из бачка. Когда воды мало, и струйка бежит вяло, то бачок или наклоняют (это в нашем примере повышение отдачи нефтяных пластов), или доливают в него воды (это – разведка и ввод новых месторождений).

В России, как обычно, все поставлено с ног на голову. Когда месторождение исчерпывается, когда запасы становятся в нем трудноизвлекаемыми, это совсем не значит, что нефти там совсем не осталось. Из нашего гипотетического месторождения, когда оно выработано на 60%, еще можно извлечь миллион тонн по российской технологии, или 2,5 млн. тонн по западной. Соответственно, если мы имеем в виду такие гигантские нефтяные месторождения, как Са-

мотлор, то на стадии разработки трудноизвлекаемых запасов там находятся еще десятки миллионов тонн нефти.

Но в России стало принято, когда месторождение выработывается, бросать его, оставляя часть нефти в пластах. Например, когда суточный дебет скважины подошел к 3 тоннам, то эту скважину стараются перевести в бездействующий фонд. К 2000 году на разрабатываемых месторождениях 28 тысяч скважин было законсервировано. Их суммарный суточный дебет составляет 140-150 тысяч тонн, то есть в год на них можно добыть 51,1-54,7 млн. тонн нефти. Ни много, ни мало – 13% от современной добычи нефти в России. Даже если рассуждать в категориях «добыть и продать», то и здесь можно сказать, что в пластах бросается нефти примерно на 1,5 млрд. долларов.

Это стремление бросать исчерпывающееся месторождение приводит и к современному отношению российских нефтяных компаний к геологоразведке. В нормальной нефтедобыче месторождение изучается серьезно, основательно. После того, как геологи нашли пласт с промышленной нефтью, месторождение изучается сейсморазведкой, оконтуривается, бурятся дополнительные скважины. Вскрываются основные пласты, оторочка, спутниковые месторождения. В нормальной нефтедобыче компания будет разрабатывать месторождение лет тридцать, и потому затраты на его детальную разведку оправданы. За 10-15 лет компания возьмет «легкую нефть», идущую под давлением, а оставшиеся 15-20 лет будет спокойно и методично выжимать трудноизвлекаемую нефть. Крупные компании ориентируются на серьезную, глубокую переработку нефти, и потому прирост себестоимости добычи трудноизвлекаемой нефти их не очень беспокоит.

В России цель геологоразведки ставят по-другому. Поскольку разработка исчерпывающегося месторождения мало кого интересует, то геологи должны найти только главный пласт месторождения, который фонтанирует «черным золотом». Российская компания разбурит основной пласт,

возьмет «легкую нефть», и бросит остальное до лучших времен, когда руки дойдут. Главное для них – сорвать профит за счет высоких дебетов и роста цен на мировых рынках. В этом отношении сильнее всего выделялся ныне покойный «ЮКОС».

Вот в этом отношении надо искать причины развала геологоразведки на нефть в России. Немудрено, что прирост запасов нефти упал к 1995 году по сравнению с 1991 годом в шесть раз, потому что изучением оторочек и спутниковых месторождений никто не занимался. Это хорошо видно по числу открытых месторождений и разведке запасов. В 1988-1990 годах открыто 315 месторождений нефти и газа, а в 1994-1996 годах – только 115. В 80-е годы бурилось 500 перспективных на нефть и газ объектов, а в 90-е годы – только 200. При этом разведанность перспективных запасов составляет по нефти 34%, по газу – 16%. Вот она – хищническая добыча! 2/3 запасов нефти нефтяников не интересуют!

При огромных запасах нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке добыча составляет всего лишь 4,7 млн. тонн нефти и 4 млрд. куб.м. газа. Это при том, что сегодняшняя техническая оснащенность нефтегазовой отрасли позволяет добывать там до 145 млн. тонн нефти и 150 млрд. куб.м. газа к 2030 году.

Вот выходит, что за 90-е годы открыто 41 новое месторождение со средними запасами в 1 млн. тонн. Всего 40 млн. тонн новых запасов! Вот обратная сторона «современного нефтяного бизнеса». Цифры здесь безжалостные для российских нефтяников. Эффективность бурения составляет 54% от запланированного, прирост запасов сократился по сравнению с 1991 годом в 4 раза, составив 198,7 млн. тонн (1999 год).

Эффективность бурения в 54% означает, что поиск новых месторождений происходит гадательным способом, поскольку эффективность разведочного бурения определяется количеством скважин, давших притоки нефти, газа или газоконденсата на число пробуренных. В нашем случае, на

две скважины одна сухая. Геологи предполагают, что какая-то геологическая структура может быть нефтегазоносной, бурят скважину, и дальше, в точном соответствии с принципом «то ли будет, то ли нет», выходит итог.

При нормальной геологоразведке, когда разведывается все месторождение целиком, эффективность бурения выше, потому что стоит только геологам нащупать нефтегазоносный пласт, как они начинают методично бурить в окрестностях, опираясь на данные сейсморазведки, на данные о геологическом строении участка, и при этом большая часть скважин дает результат.

В этом деле все взаимосвязано. Нехватка денег для геологоразведки существует не потому, что так заведено от начала времен, а потому что руководство нефтяных компаний не интересуется глубокая разработка месторождений, и они не видят целесообразности в детальной разведке месторождений. А меньший масштаб разведок, ориентированность на вскрытие «легкой нефти», и пренебрежение детальной разведкой, в свою очередь, ведут к еще большему снижению эффективности работы, с падению прироста запасов. Эта порочная спираль дальше раскручивается все сильнее и сильнее.

Специалисты утверждают, что при восстановлении прежних объемов геологоразведки, например, конца 80-х годов, то можно ожидать ежегодного прироста запасов нефти и газоконденсата в размере 1 млрд. тонн, а газа – в 1,5 млрд. куб.м.

Стремление сорвать побольше профита оборачивается расточением природных ресурсов, о которых у нас столько говорят. Просто удивительно, насколько близорукая, насколько самоедская политика ведется многими нашими нефтяными компаниями. Прекрасно понимая, что уходить им с уже освоенных месторождений некуда, они, тем не менее, закрывают и консервируют скважины, которые исчерпались хорошо если на 50-60%. Есть много случаев, когда скважина закрывалась и после добычи 30% запасов место-

рождения. Это, почти в буквальном смысле, подпиливание сука под собой. От советских времен российской нефтегазовой отрасли достался отличный задел – 145,6 тысяч скважин. Из них продукцию давали 113,9 тысяч скважин. Центральная комиссия по разработке нефтяных и газонефтяных месторождений (ЦКР) в 1999 году подвела неутешительные итоги хозяйствования в условиях «современного нефтяного бизнеса». В 1999 году общее количество скважин составило 134 тысячи, а число скважин, дающих продукцию, – 98,9 тысяч. Эксплуатационный фонд сократился на 8%, а фонд скважин, дающих продукцию, – на 14%. При этом количество неработающих скважин составило 33,1 тысяч, или 24,7% от всего эксплуатационного фонда, а количество законсервированных скважин достигло 28 тысяч.

Когда в пластах бросается по 20-30% трудноизвлекаемой нефти, когда месторождения разведаны только на 34% своих потенциальных запасов – это хищническое, преступное расточение природных ресурсов. Так себя рачительный хозяин не ведет. Так ведет себя только безответственный колонизатор, для которого главное сорвать легкую прибыль и уехать. Современные нефтяники и газовики в России – прямые наследники первых русских колонизаторов в Сибири, выбивавших за 20-30 лет целые популяции соболя.

В этом деле есть еще один важный момент, который уже имеет прямое отношение к сибирской самостоятельности. Российские нефтяные компании нещадно эксплуатируют инфраструктуру, практически не вкладываясь в ее перестройку и обновление. 70% магистральных трубопроводов работают более 20 лет. Износ «трубы» достиг 55,2%.

Понятно, что металл устает, и на старых нефтепроводах постоянно отмечаются прорывы, которые необходимо срочно устранять. Нефть – она не только пожароопасна, но и надолго загрязняет все вокруг себя, поэтому медлить с ликвидацией прорыва трубы и разлива нефти нельзя. Подсчитано, что на внутрипромысловых нефтепроводах, и на коллекторах ежедневно (!) происходит 75-80 прорывов.

29200 прорывов в год! Это уже никак не ремонтные работы, это – лихорадочное латание. Впечатляющие результаты хозяйствования! Запустить промыслы до того, чтобы на них происходило по 30 тысяч прорывов и разливов нефти в год, это надо суметь. Это не у всякого получится.

Не лучшим образом обстоит дело и на магистральных нефтепроводах. Прорывов на них намного меньше, ибо построены они с большим запасом прочности. Однако, 20 лет эксплуатации все равно дают о себе знать. Строительные подразделения ОАО «Транснефть» ежегодно ремонтируют 1,4 тысяч километров магистральных нефтепроводов, то есть 2,9% общей протяженности (47 тысяч километров). Стоимость ремонта одного километра магистрального нефтепровода составляет 140-150 тысяч долларов, и ежегодные затраты на текущий ремонт составляют 210 млн. долларов. Всего же на ремонт всех нефтепроводов в России требуется, по предварительным расчетам, 6,5 млрд. долларов.¹ Но труба – это еще полдела. Чтобы нефть текла по трубопроводу, нужны перекачивающие насосы. На всех магистральных трубопроводах 300 перекачивающих установок, из 1500 работающих, требуют немедленной замены.

Хозяйствование в августе 2005 года дошло уже до того предела, когда появились первые признаки кризиса. На одном из основных газовых месторождений России – Медвежье, в Ямало-Ненецком автономном округе, разрабатываемом дочерней структурой ОАО «Газпром» – ООО «Надымгазпром», произошло то, к чему шла российская нефтегазовая отрасль России все эти пятнадцать лет. Месторождение Медвежье, на котором ныне добывается более 60 млрд. куб.м. газа в год, вступило в стадию падения добычи из-за истощения запасов газа и старения оборудования.

В мае 2005 года на газовых промыслах ООО «Надымгазпром» начал работы по ремонту оборудования. Реконст-

¹ Основные фонды ТЭК: сколько проели, сколько осталось. // «Промышленные ведомости».

руировалась центральная дожимная компрессорная станция, и на ремонт были остановлены все девять промыслов месторождения. Ремонтные работы были произведены очень быстро, однако в этом году компании упала на 7% по сравнению с 2004 годом, до 63,1 млрд. куб.м. газа. Однако, как только были пущены в ход промыслы месторождения Медвежьего, пресс-служба ООО «Надымгазпром» объявила о том, что добыча будет ежегодно снижаться на 2 млрд. куб. м. газа в год до ввода новых месторождений на Ямале – Бованенковского и Харасавейского, пуск которых намечен на 2008-2009 годы. То есть, за это время, если не будет задержек, добыча упадет еще на 6-8 млрд. куб.м. в год, примерно до уровня 57-55 млрд. куб.м. Главным «виновником» падения добычи является месторождение Медвежье, запасы которого выработаны на 80%. Так что, хочется того или нет, но нефтегазовая промышленность в Сибири постепенно входит в штопор.

Одним словом, особо рассчитывать на нефтегазовую отрасль не стоит. На достанется в плачевном состоянии: при исчерпанных месторождениях, недоразведанных районах, изношенной инфраструктуре, огромных диспропорциях в переработке нефти и газа. В своем современном состоянии сибирская нефтегазовая промышленность не в состоянии обеспечить не то, чтобы процветание Сибири, но и даже свои нужды. Если считать от 2005 года, то в запасе есть еще 6-8 лет, когда можно будет пользоваться результатами сегодняшней высокой нефтедобычи. Возможно за это время будут пущены новые месторождения. Но потом, около 2012-2015 года наступит падение добычи углеводородов.

Возможно, что нефти и газа, особенно его экспорта, хватит на первый экономический рывок Сибири. Но затем необходимо поворачивать отрасль с экспорта сырья в сторону производства готовой продукции: топлива и продуктов переработки. В этом есть серьезные заделы. В Омске располагается мощный узел нефтепереработки и нефтехимии. Омский нефтеперерабатывающий завод, имеющий проектную

мощность 40 млн. тонн, перерабатывает 14,6 млн. тонн в год (по итогам 2005 года), что составляет 74,% от всей перерабатываемой нефти в России, производит более 2,4 млн. тонн бензина. Преимущество этого завода состоит в том, что у него есть глубокая переработка нефти – 83,59%, а также производство широкого спектра топлив, от топочного мазута до топлива для реактивных двигателей.

На сырье Омского НПЗ работают несколько крупных химических предприятий: «Омский каучук» (выпускающий фенол, бутадиен, каучук, ацетон, этилен, пропилен), «Омкшина», «Омскхимпром» (производит полистирол). Мощный нефтехимический комплекс имеется в Томске. Томский нефтехимический комбинат производит 30% российского производства метанола и 90% производства полипропилена. Кроме этого есть нефтеперерабатывающие заводы в Ачинске и в Ангарске, подключенные к системе нефтепроводов.

Как Кузбасс является центром угольной промышленности и черной металлургии, так Омская и Томская области станут центрами мощной нефтепереработки и нефтехимии, основы чего уже заложены. Сибирь, конечно, не сможет жить только за счет углеводородного сырья. Нефть – это именно сырье, которое в Сибири же должно быть переработано.

КРАЙ БЕСТОЛКОВОГО ОСВОЕНИЯ

Если Западная Сибирь еще как-то оформилась в экономическом смысле, то вот Восточной Сибири повезло меньше. То, что при Советской власти было построено в Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях, иначе, чем бестолковым освоением назвать трудно. Экономика этого огромного региона представлена случайным набором производств, явно наскоро собранных в какие-то территориально-производственные комплексы, и здесь сырьевая направленность выраженной, чем где бы то ни было в Сибири.

Красноярский край и Иркутская область представляет собой очень важные территории. С одной стороны, здесь находится важный промышленный и научный комплекс, по своему значению сопоставимый с Омском, Новосибирском и Кемерово. С другой стороны, в Красноярском крае и Иркутской области находятся неисчислимые природные богатства, причем преимущественно руды металлов. Но есть и нефть с газом с больших количествах, колоссальные запасы угля в Канско-Ачинском и Тунгусском бассейнах, леса, реки, благодатная Минусинская котловина.

И еще значение Красноярского края подчеркивается тем, что это часть исторического ядра Сибири. В этом отношении он рассматривается вместе с Хакасией, Тувой и Прибайкальем.

Однако Приенисейская Сибирь испытала на себе все прелести русского «освоения Сибири». Именно здесь ярче всего проявился принцип разграбления природных ресурсов при отсутствии попыток создать комплексное хозяйство.

Наиболее характерным в этом отношении является Ангаро-Енисейский проект, ради которого были загублены крупные сибирские реки, сотни тысяч гектаров плодородных земель и затоплены сотни населенных пунктов.

Замысел Ангаро-Енисейского проекта был связан с планом «Гозлро», составленном в 1920 году. В этом плане содержалась оценка гидроэнергетических ресурсов страны, которые могли бы быть освоены, и в качестве одного из перспективных районов развития гидроэнергетики назывались Енисей и Ангара. По его логике новые электростанции должны были строиться в развитых промышленных районах. В 1921 году по инициативе Госплана было создано Ангарское бюро, которое провело обследование Ангары. В 1925 году инженер В.М. Малышев пришел к выводу, что строительство крупных ГЭС на Ангаре нецелесообразно из-за отсутствия крупных потребителей энергии. Проект центральными органами был отклонен из-за отсутствия промышленности.

По мере детальных геологических разведок, которые открыли многочисленные месторождения цветных металлов, а также запасы бокситов и нефелинов, в руководстве Восточно-Сибирского края появилась идея связать развитие гидроэнергетики на Ангаре и Енисее с выплавкой цветных металлов. Особенное значение придавалось производству алюминия, в то время крайне дефицитному металлу.

Два проекта гидроэлектростанций на Енисее, на Калигином Быку и у горы Тепсей, мощностью по 100 тыс. л.с., включили в промфинплан Восточно-Сибирского края на 1931 год, а в сентябре 1931 года и в задания второй пятилетки 1933-1937 годов. Руководство Восточно-Сибирского края прилагало максимум усилия для проталкивания проекта, и добилось даже вынесения вопроса на заседание СТО СССР. В этот момент еще даже не завершилось детальное геологическое обследование территории, как уже был готов грандиозный план «освоения», который с самого начала подразумевал освоение только одного вида ресурсов – электроэнергии.

Однако, столь широкие планы были встречены председателем Госплана СССР В.В. Куйбышевым требованием доработать проект. При общей поддержке идеи, конкретные планы были жестко раскритикованы, и во вторую пятилетку развитие гидроэнергетики на Енисее и Ангаре не попало.

После образования в 1934 году Красноярского края, было начато более детальное обследование территории образованным в январе 1935 года геолого-разведочным бюро во главе с В.И. Косовановым. На конференциях по развитию производительных сил в Красноярске в апреле 1935 года и в Москве в декабре 1936 года, проекты строительства гидроэлектростанций только упоминались. Ангарское бюро работало более серьезным образом и к 1936 году подготовило проект строительства семи электростанций на Ангаре, которые использовали почти весь перепад высот. Первый период развития Ангаро-Енисейского проекта внес и закрепил главную мысль, которая потом составила основу промышленного развития в

его рамках. Все развитие строилось на увеличении производства электроэнергии и алюминия, которые потом вывозились из Сибири. С минимальными поправками эта концепция работает и по сей день.

Война внесла серьезные изменения в характер промышленности Красноярска, превратив его в крупный промышленный центр. Появление ряда эвакуированных предприятий, поставило вновь вопрос о развитии гидроэнергетики и выплавки цветных металлов. В 1947 году конференция по развитию производительных сил Иркутской области рекомендовала начать освоение Ангары и строительство энергоемких отраслей. К 1951 году был разработан проект Иркутской ГЭС, первой станции из Ангарского каскада.

В это время в хозяйственном руководстве СССР победила идея академика А.Е. Пробста о размещении энергоемкого производства в Сибири, возле источников дешевого топлива и энергии. Поскольку в Сибири действительно находились самые дешевые в СССР источники топлива и энергии, было принято решение о преимущественном развитии здесь сырьевых и топливных отраслей. В этих условиях, Ангаро-Енисейскому проекту был дан «зеленый свет». Началось строительство мощных гидроэлектростанций: Красноярской (1972 – год пуска), Иркутской (1958), Братской (1967), Усть-Илимской (1974), Саяно-Шушенской (1978) ГЭС. Рядом развернулось строительство мощных алюминиевых заводов в Красноярске, Братске, Шелехове и Саяногорске. Строился крупный глиноземный комбинат в Ачинске. В конце 70-х годов, с пуском всех этих предприятий Ангаро-Енисейский проект реализовался в жизнь. В 1980 году началось строительство Богучанской ГЭС в расчетом на развитие новых предприятий, в первую очередь металлургических заводов. В Ангаро-Енисейском районе залегают крупные запасы бокситов, оценивающиеся в 84 млн. тонн.

Советские хозяйственники добились результатов. По итогам этого промышленного строительства, в трех регионах Сибири: Красноярском крае, Республике Хакасия и

Иркутской области, производится 20% производства электроэнергии от общероссийского производства и 75% (2,8 млн. тонн) алюминия, производимого в России.

После 1992 года весь этот комплекс стал работать на мировой рынок. Гигантские масштабы производства в сочетании с не менее масштабными гидроэлектростанциями позволили их владельцам быстро занять нишу на мировом рынке алюминия. Имея в руках Братский алюминиевый завод (920 тыс. тонн алюминия), или Красноярский (921 тыс. тонн), а также Красноярскую или Братскую ГЭС, легко можно было выдержать конкуренцию на мировом рынке.

Но этого оказалось мало. Теперь планируется дальнейшее развитие Ангаро-Енисейского проекта, включающее в себя достройку Богучанской ГЭС, достройку Тайшетского алюминиевого завода мощностью в 250 тыс. тонн и строительство алюминиевого завода в Кодинске, мощностью в 600-800 тыс. тонн в год. ОАО «РАО «ЕЭС» и РУСАЛ в декабре 2005 года подписали основные условия по партнерству в создании Богучанского энергометаллургического комплекса. Согласно им, Богучанскую ГЭС достраивают энергетики, а РУСАЛ вкладывает порядка 3 млрд. рублей в подготовку ТЭО алюминиевого завода в Кодинске и начало его строительства. Суть партнерства состоит уже в том, что в 2009 году пускаются первые агрегаты Богучанской ГЭС и первая очередь Кодинского алюминиевого завода. Строится также вторая очередь Саянского алюминиевого завода мощностью в 260 тыс. тонн в год.

В Красноярском крае уже стали раздаваться разговоры о том, что хорошо бы вернуться к проекту строительства Среднеенсейской ГЭС в районе Енисейска и дополнения и без того огромного энергометаллургического комплекса еще одним крупным алюминиевым заводом.

В свете этих фактов встает законный вопрос: сколько еще надо построить мощных гидроэлектростанций и алюминиевых заводов, чтобы признать Ангаро-Енисейский проект завершенным?

Судя по имеющимся мощностям в гидроэнергетике и алюминиевой промышленности, Ангаро-Енисейский проект можно считать выполненным уже по состоянию на конец 80-х годов. Дальнейшее его развитие было уже просто небезопасным для Сибири. Водохранилища затопили порядка 300 тыс. гектар сельхозугодий, 384 населенных пункта. Особенно в этом отношении выделялось водохранилище Братской ГЭС, которое затопило 130 тысяч гектаров земли, 238 населенных пунктов, в том числе 7 городов. Из зоны затопления пришлось переносить 57 промышленных предприятий и мост через Ангару. Под водой осталось порядка 40 млн. кубометров древесины. На этом примере безумное хозяйствование в Сибири видно во всей своей красе. Это рьяное затапливание наиболее плодородных земель и сел трудно назвать как-то иначе, чем безумием. Зато построили мощную ГЭС и один из самых мощных в мире алюминиевых заводов.

Сибирь, например, потеряла возможность выращивания порядка 6 млн. тонн зерна. Тува с постройкой Саяно-Шушенской ГЭС лишилась почти всех своих сельскохозяйственных угодий, что сыграло свою роль в возникновении экономического кризиса. В силу того, что водохранилища продолжают размывать берега, утрата плодородных земель продолжается из года в год.

Но самое главное состоит в том, что Сибирь мало что получила от развития этого грандиозного проекта. Основные результаты его работы: электроэнергия и алюминий не расходовались на промышленное развитие региона. Электроэнергия этих огромных ГЭС на 70-80% расходовалась на производство алюминия, а сам алюминий по большей части вывозился за пределы Сибири. Теперь эта система еще больше укрепилась и укоренилась: алюминий экспортируется за рубеж.

Существование этого энергометаллургического комплекса представляет собой одну из наиболее крупных проблем самостоятельного развития Сибири. С одной сторо-

ны, комплекс вырабатывает порядка 130,5 млрд. кВт/ч (1990) и выплавляет 2,8 млн. тонн алюминия. Это такие ресурсы, которые обладают большим значением для Сибири и заметны в масштабах мировой экономики. Но с другой стороны, гипертрофированное развитие энергометаллургического комплекса тормозит развитие других отраслей промышленности, наносит ущерб окружающей среде и рекам. По этим причинам комплекс дошел до пределов своего развития уже в конце 80-х годов.

Соответственно, такое положение дел очерчивает две возможные стратегии использования результатов этого безумного хозяйствования. Первая стратегия состоит в том, чтобы найти пути использования в сибирской экономике такого количества электроэнергии и алюминия, например, развивать переработку металла, производство деталей, комплектующих и материалов с использованием алюминия. Возможно также развитие машиностроения. Вторая стратегия состоит в том, чтобы взять курс на сокращение комплекса. Уже сейчас агрегаты ГЭС подошли к окончанию сроков службы, и начинается их модернизация. Модернизированные агрегаты Красноярской ГЭС могут прослужить еще 30-40 лет, после чего гидроэлектростанция останавливается, плотина демонтируется, а водохранилище спускается. Вместо гигантских плотин и водохранилищ в тысячу километров длиной, приоритет нужно отдать технологиям гидроэнергетики, не связанных с перегораживанием рек.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПОСЫЛОК САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Достаточно рассмотреть только несколько регионов Сибири, как уже становится ясно, что в экономическом смысле Сибирь является полностью самостоятельным регионом. По данным 1996 года на душу населения в 13 сибирских регионах в среднем производилось промышлен-

ной продукции на 10,7 млн. рублей, а сельскохозяйственной продукции – 2,1 млн. рублей.¹ Очень даже неплохой результат, учитывая, что это данные года с самыми низкими показателями производства по всем отраслям промышленности и сельского хозяйства. Сейчас, конечно, уровень производства на душу населения гораздо выше.

Вывод из рассмотрения этих предпосылок очень простой. Все возможности для самостоятельного развития в Сибири есть. И демографические, и экономические, и природные. Более того, даже по своим стартовым условиям, Сибирь заметно превысит все бывшие союзные республики СССР, и даже ряд европейских стран. При условии же правильного развития Сибирь войдет в число крупнейших промышленных стран мира.

Соответственно, что все эти разговоры о том, что Сибири де, некуда деваться, что жить ей только за счет нефти, что и электроэнергию «придется» покупать в Евроссии – все это идет от совершенного незнания противниками самостоятельности Сибири наших условий и наших возможностей.

Но нужно отметить одно немаловажное обстоятельство. Имеющийся в Сибири промышленный комплекс сам по себе не в состоянии обеспечить динамичное и долговременное экономическое развитие. Во-первых, он развивался не в интересах Сибири, а в интересах эксплуатации и вывоза наиболее привлекательных ресурсов. Строить на этой основе политику экономического развития, по меньшей мере странное занятие.

Во-вторых, современный промышленный комплекс Сибири подорван расточительным и хищническим хозяйствованием последних 20-25 лет. Он нуждается в поддержке и реконструкции. Его нынешних возможностей хватит только на 5-8 лет при самых оптимистических подсчетах. Этого хватит только на короткий рывок, за время которого

¹ Экономика Сибири: субъекты Федерации. Новосибирск, «СибАГС», 1999, С. 267.

нужно обеспечить основу для дальнейшего развития.

В-третьих, разработка других природных ресурсов Сибири и развитие на этой основе полноценной экономики – дело долгое и затратное. Быстрого и легкого процветания, как многие могут ожидать, не получится. Первые ощутимые результаты самостоятельного развития будут заметны только через 15-20 лет после начала этой политики. Имеющиеся предпосылки – это только потенциал, который еще нужно правильно использовать.

Глава 6

Сибирь и Средняя Азия

«Мы заложили основы нашего независимого суверенного государства. Все необходимые государственные институты уже имеются, и с каждым месяцем они нарабатывают опыт и знания. Но строительство нашего государства еще далеко до завершения.

Мы окончательно отошли от старой политической и экономической системы, в условиях которой жили на протяжении семидесяти лет. Сегодня существует совершенно новое государство, работает совершенно иная политическая и экономическая система».

*Н.А. Назарбаев,
президент Казахстана*

Сибирь за время своего нахождения под русской властью лишилась почти всех исконных исторических связей со своими соседями. Русские прилагали максимальные усилия, чтобы оторвать народы Сибири от Средней Азии, Мон-

голии и Китая. В этом был и военный смысл, потому что оттуда им могла прийти военная помощь, был и экономический смысл, потому что сибирские народы богатели за счет торговли с соседями. Русским же нужны были бедняки, которыми легче управлять.

По мере того, как русская власть в Сибири укреплялась, борьба со связями со Средней Азией пошла уже в области науки. Постепенно, шаг за шагом, русские ученые разводили Сибирь и Среднюю Азию, словно это были две разные страны. Старательно не замечались долгие и интенсивные связи, уходящие в глубокую древность. Признавалась лишь небольшая бухарская торговля в Сибири, да и то, только потому, что она попала в русские документы. Все остальное ушло в область умолчания. Единственной областью, откуда не удалось изгнать понимание связей Сибири со Средней Азией, была археология.

Тема активных связей Сибири и Средней Азии еще ждет своего исследования. Сведения к ней приходится собирать по крупинкам из труднодоступных источников. Сейчас еще нельзя предложить готового очерка этих связей. Однако, по тому что известно, видно: Средняя Азия для Сибири была центром цивилизации. Оттуда в Сибирь попала письменность, колесный транспорт, навыки и методы строительства, основные организации общества, войска, государства. Из Средней Азии были заимствованы многие технологии и методы хозяйствования. Значительная часть этих заимствований относится к началу I тыс. н.э., но есть и более древние пласты взаимодействия. Эти связи поддерживались вплоть до XIX века.

Значение Средней Азии для развития Сибири подчеркивается еще и тем, что сама Средняя Азия была напрямую связана с древнейшим цивилизационным очагом в междуречье Тигра и Евфрата, и сама черпала культурные достижения из этого богатейшего источника. Это оказало самое глубокое и всестороннее влияние на развитие региона, а там, и на развитие Сибири.

Но более подробные очерки этих древних связей – дело будущее, а сейчас же небольшой очерк активных связей Сибири со Средней Азией уже в русское время, до того, как эти связи были разрушены политикой Российской Империи.

БУХАРЦЫ

В русских документах и в литературе по истории Сибири достаточно часто упоминаются бухарцы, которые в сибирских городах занимались оптовой торговлей и ремеслом. Небольшой очерк бухарской торговли, поможет понять, насколько для Сибири важны связи со Средней Азией.

Торговля бухарских купцов получила довольно странное изображение в трудах историков-сибириведов. Во-первых, она практически никогда не связывалась с самой Бухарой, откуда купцы получали товары. Во-вторых, не прослеживались связи бухарских купцов со странами, с которыми они вели торговлю. Это приводило к тому, что роль бухарской торговли в истории Сибири оказалась искаженной. Исследователи, например О.Н. Вилков, собрали исчерпывающие сведения о бухарских караванах, купцах, товарах и оборотах, имеющихся в русских документах, но так и не смогли понять, что это была часть обширных торговых связей, охватывающих на севере Сибирь, на юге – Иран, Афганистан и Индию, на западе – Прикаспий и Поволжье, а на востоке – Китай. Бухара находилась как раз в пересечении этих путей.

Бухарские купцы закупали в Индии и Афганистане ткани, шерсть, кашмирские шали, лазурит, драгоценные камни, краску индиго и прочие товары, и перепродавали в Россию, через Оренбург. Особенно ценились кашмирские шали – пату, цена которых в Петербурге доходила до 1000 рублей. Обратное бухарцы закупали в Оренбурге ситца, чугуна,

полосовое железо, сталь, латунь и другие товары, перепродавали их в Мешхеде, в Кабуле, Пешаваре и в Индии.¹ В середине XVII века бухарцы покупали даже арабские ткани. Бухарцы закупали в Китае и Восточном Туркестане (современный Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР) китайские ткани, шелк, чай, поставляя взамен кожи, шерсть, хлопчатые ткани.

Сама Бухара, как и все Бухарское ханство в XVII-XIX веках, вплоть до русского завоевания, была крупнейшим районом в Средней Азии по выделке тканей, особенно хлопчатобумажных и шелковых. Бухарские, хивинские и худжанские ткани купцы активно продавали в России, в Сибири и в Китае.

В общем, размах у бухарской торговли был очень велик, и бухарские купцы для того времени были одними из самых богатых и зажиточных. В начале XIX века в Бухару ежегодно приходило до 15 тысяч караванов.² Например, в Сибири в XVII веке они могли поддерживать оборот в огромную сумму – 5-6 тысяч рублей, а в XIX веке иные бухарцы доводили свой торговый оборот до 1 млн. рублей, колоссальной по тем временам суммы.

Бухара, будучи густонаселенным торгово-ремесленным городом, постоянно нуждалась в продовольствии и сырье. Потребность в кожах, шерсти, пушнине, толкала бухарских купцов к поддержанию торговых связей со скотоводами казахской степи и Семиречья (покупку скота бухарцы, в конце концов, монополизировали) и с Сибирью, откуда в Бухару поступала пушнина. Торговые связи с сибирскими татарами у бухарцев были и до русских, потому что на них русские обратили внимание в первые же десятилетия завоевания Сибири. В 1596 году бухарских купцам было разрешено торговать свободно и беспошлинно в русских городах Сибири.

¹ Михалева Г.А. Узбекистан в XVIII – первой половине XIX веков. Ремеслов, торговля, пошлины. Ташкент, «Фан», 1991, С. 71-73.

² Там же, С. 84.

Бухарцы, по подсчетам О.Н. Вилкова, ввозили 47 видов товаров, из которых главными были ткани и готовая одежда.¹ В Сибири они закупали в первую очередь пушнину, а также выделанные кожи, и еще ряд товаров, которые чаще всего перепродавались в Иране и в Индии.

Эта торговля к 40-м годам XVII века вышла на довольно высокий уровень развития. Караваны приходили из Бухары раз в два-три года, причем чаще всего приходило несколько караванов. В сибирских городах, в Таре и Тобольске, а также поблизости от них в татарских юртах появились бухарские дворы. Поскольку в Сибири они были освобождены от податей и повинностей, то купцы с семьями селились в русских владениях и занимались торговлей на сибирском рынке. Они закупали оптом пушнину и кожи, продавали купцам, пришедшим с караванами, и покупали у тех ткани для последующей продажи. Например, в 1639 году тобольский бухарец Алим Сулейманов провернул особо удачные сделки. В тот год пришло три каравана, и Сулейманов закупил товаров на 1017 рублей, а продал на 401 рубль.² Купец не прогадал, потому что следующий караван пришел в Тобольск только в 1644 году.

Бухарцы со временем создали в сибирских городах мощную торговую диаспору, составившую около 10% от татарского населения. После 1674 года купцы уже не ходили прямо в Тобольск, а продавали свои товары в Таре бухарским же купцам, которые развозили их по другим городам.

После того, как Россия завязала сношения с Китаем, русские власти очень сильно интересовало установление с ним регулярных торговых связей. Посредниками и торговыми советниками выступили как раз бухарские купцы, которые уже имели давние связи с Китаем. В первом торговом караване, отправившемся из Тобольска в июле 1653

¹ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII веков. Новосибирск, «Наука», 1990, С. 184

² Там же, С. 211.

года, торговым советником был бухарец Сеиткул Аблин. Первый караван оказался удачен, и Аблин привез из Китая товаров на 506 рублей. В 1658 году отправился второй караван, в котором Аблин был помощником посла И.С. Перфирьева. Караван увез товаров на 200 рублей, а привез на 1057 рублей.

Настоящий успех был достигнут тогда, когда третий караван в Китай в 1668 году возглавил сам Аблин. Он вывез товаров на 4539 рублей, а закупил на 11507 рублей, получив еще подарков на 767 рублей. Если считать по тобольским ценам, то бухарец получил 100% прибыли, а по московским – 300%.¹

Дорога в Китай пролегла через Томск, Красноярск и Иркутск. После этого впечатляющего успеха, по этой дороге пошли другие бухарские купцы. Первоначальная цель состояла в том, чтобы освоить эту новую дорогу в Китай.

Первый караван пришел в Красноярск в 1671 году. Впрочем, бухарцы обнаружили, что и здесь есть неплохой рынок для сбыта, и начали посещать Красноярск регулярно. Торговля шла настолько хорошо, что красноярский воевода распорядился построить для них отдельный торговый двор. В 1685 году, когда пришел караван, бухарцы продали товаров на 1200 рублей.²

УПАДОК БУХАРСКОЙ ТОРГОВЛИ

Упадок бухарской торговли вызвали две причины. Во-первых, в 90-х годах XVII века началась длинная череда войн джунгаров с казаками и маньчжурами, которые оборвали многие связи. Это привело к тому, что после 1697 года бухарские караваны не заходили в Красноярск.

¹ Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII веков. Новосибирск, «Наука», 1990, С. 216.

² Там же, С. 181.

Во-вторых, в начале XVIII века Петр I установил свою монополию на торговлю с Китаем, отрезав доступ к ней и русских, и бухарских купцов. Дополнительно торговлю тормозило увеличение пошлин до 1/10 всех ввозимых товаров, и начало взимания податей и оброков в 1698 году.

Но настоящая катастрофа разразилась в 1723 году, когда джунгары нанесли тяжелое поражение казахам. Старший жуз откатился в среднее течение Сырдарьи и практически опустошил эту область. Сильный урон понесло и Бухарское ханство. Резко сократилась торговля и производство тканей, которые были очень популярны в Сибири. Бывшие в то время в Бухаре путешественники были уверены, что ведение торговли вообще невозможно.

Бухара оправилась от последствий этих событий только после 1747 года. Но, к тому моменту положение уже несколько изменилось. В Сибири были выстроены уже против джунгар оборонительные линии, и свободного доступа бухарских караванов в сибирские города уже не было. Основной пункт бухарской торговли переместился в Оренбург, откуда бухарскими тканями снабжался и сибирский рынок.

В это время бухарские купцы были лишены права свободного доступа в Россию, вести розничную торговлю, и свой товар продавали оптом русским купцам, которые уже его развозили в другие города страны. В результате, дешевые бухарские ткани, из которых жители Сибири в течение более чем ста лет шили одежду, стали вытесняться более дорогими русскими тканями. В Сибири стала складываться мануфактурная монополия, против которой яростно выступал в конце XIX века Н.М. Ядринцев. Окончательный подрыв бухарской торговли произошел в 1834 году, когда бухарцев, бывших до этого привилегированными жителями Сибири, лишили всех льгот и уравнили с сибирскими инородцами.

Прекращение бухарской торговли привело, во-первых, к заметному обнищанию населения Сибири, причем как русского, так и не русского. Сибирские товары, в основном пушнина и кожа, которые раньше продавались бухарцам по

хорошей цене, теперь шли русским перекупщикам по низким закупочным ценам. Хорошая и дешевая ткань исчезла, уступив более плохому и более дорогому русскому сукну. Хорошие ткани теперь стали только английские, но они были мало кому доступны в Сибири.

Во-вторых, разорвались традиционные связи со Средней Азией. Русская граница, появившаяся в середине XVIII века, и отрезавшая поволжских, уральских и сибирских тюрок от среднеазиатских, привела к повсеместной деградации тюрок. Для сибирских татар Средняя Азия была мощным культурным центром, которая поддерживала развитие и распространение культуры и грамотности. Усилиями бухарцев в Сибири еще в Сибирском ханстве появилось несколько медресе, в которых учились сибирские татары. Постоянная караванная торговля поддерживала связи Сибири с мощными интеллектуальными центрами Средней Азии в г. Туркестане (наиболее близкий центр исламского просвещения), Бухарой, Самаркандом, Ташкентом, а далее и с остальными странами Ближнего Востока. При желании можно было дойти даже до Медины.

Русская граница сначала сильно затруднила, а потом и прекратила эти связи. После строительства мощных укрепленных линий на южной границе, когда русские власти поняли, что сибирские татары находятся в их безраздельной власти, по Сибири прокатилась волна насильственного крещения. В 1747-1749 годах в Сибири было разрушено более 500 мечетей. Разумеется, были разрушены все медресе при них. Вскоре сибирские татары стали бесписьменным народом.

В итоге длинной политики русификации, начавшейся с насильственного крещения, на тюркскую культуру в России до сих пор смотрят как на культуру «второго сорта», культуру покоренных народов, которых надо поскорее русифицировать. У нас до сих пор татары, башкиры, якуты ходят в «сепаратистах», а развитию их культуры чинятся препятствия. До 1968 года сибирские татары имели возможность обу-

чатся на татарском языке. Конечно, язык казанских татар несколько отличался от языка сибирских татар, но уже это было большим делом. С 1968 года обучение на татарском языке было прекращено, и все татарские школы были переведены на русский язык.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В России привыкли смотреть на Среднюю Азию как на колонию, как на нечто подвластное. Это выразилось например в том, что ряд московских аналитиков рассматривал события в регионе только с точки зрения российских интересов, как будто ничего другого и быть не может.

В России долгое время надеялись, что бывшие союзные республики быстро «наиграются независимостью» и попросятся назад, в империю. Были даже политики, которые строили на этом серьезные политические планы. Однако, народы Средней Азии назад не попросились, несмотря на большие трудности 90-х годов. Можно и дальше признавать или не признавать самостоятельность Средней Азии, но это уже непреложный факт. Средняя Азия стала независимой. 15 лет независимости показали, что среднеазиатские народы могут быть самостоятельными. Нельзя не признать успехов в строительстве независимых государств в Казахстане, в Узбекистане, в Киргизии, да, впрочем, во всех странах этого региона. Современные трудности и проблемы не должны закрывать этого факта. Средняя Азия снова стала самостоятельным в культурном отношении регионом, который быстро возвращается к своим корням, как бы тяжело этот процесс не давался.

К одному из таких крупных изменений в Средней Азии относится появление независимого Казахстана. На мой взгляд, это наиболее значительное изменение в положении в Средней Азии, особенно в свете успехов Казахстана в экономике и в политике.

Казахстан – не есть «несостоявшееся государство», как бы этого не хотелось многим изобразить. Для того, чтобы удивить подлинное лицо этой страны, нужно полностью отрешиться от попыток рассматривать независимый Казахстан через призму Советского Союза и советского опыта. Потому что очевидно, что при таком подходе можно будет сказать только одно – Казахстан, де, неудачное государство, не имеющее перспектив и могущее только вернуться в «союз» в некотором новом формате. Кроме того, чтобы оценить достижения казахской независимости, нужно отрешиться также и от попыток рассматривать его в рамках некоей имперской модели, то есть от попыток рассматривать Казахстан если не как часть Советского Союза, «единого пространства», то как часть некоей территории русского влияния.

Этот взгляд также сильно распространен в России. Одно время вообще ходило за расхожую истину утверждение о том, что «Казахстан – подбрюшье России». Это утверждение выдвигалось в обоснование того, что мы «должны» чего-то делать в отношении Казахстана, ну и Казахстан тоже чего-то «должен» нам. Этот взгляд основан на исторической привычке. Казахстан просто более 250 лет пробыл в составе Российской Империи и СССР, и потому многие представители русской элиты привыкли рассматривать его как территорию, «вечно» принадлежащую русским.

В России такая точка зрения весьма распространена среди довольно большого числа аналитиков и экспертов, руководствующихся советскими моделями. У этого замечательного взгляда есть слабое место. По такой логике вещей, Казахстан давно должен «возвратиться» в «общий дом», под чем подразумевается присоединение к России в той или иной форме. Только вот незадача, это воссоединение все никак не происходит и Казахстан явно обгоняет в развитии предполагаемого «старшего брата». Факты истории и факты 15 лет независимости Казахстана, показали и доказали: русским не удалось полностью ассимилировать казахов. Страна сохранила устои своей культуры, язык, осо-

бенности социальной и политической организации, которые не замедлили проявиться, как только Казахстан обрел подлинную независимость.

В свое время политика Нурсултана Назарбаева по концентрации управления экономикой и экспортом в государственных руках, вызывала вал критики. Оппоненты, освещая те или иные стороны экономической деятельности казахского правительства в начале и середине 90-х годов, упражнялись в критике, считая, что президент разворачивает страну. В связи с этим не могу не вспомнить книгу весьма осведомленных авторов *конецформыначалоформы* Сагындыка Мендыбаева, Николая Фомина и Виктора Шелгунова «Как разворовали страну? Семья Назарбаевых: истоки благосостояния». В этой книге почти вся экономическая политика Назарбаева истолкована только через призму увеличения личного благосостояния семьи президента.

С таким взглядом, ни в каком случае нельзя согласиться. Концентрация управления экономикой в руках руководителей государства в начале 90-х годов XX века была единственным возможным методом борьбы с экономическим кризисом. Надо еще учитывать то обстоятельство, что Казахстан имел промышленные предприятия, но не имел собственной экономики. Самостоятельному управлению и развитию своего государства казахскому руководству, политическим деятелям и бизнесменам еще предстояло научиться.

Необходимая инфраструктурная и институциональная база для развития казахской экономики создавалась путем проб и ошибок. Особенно сильной проблемой это было в Казахстане, где до момента объявления независимости не было готовых пригодных примеров организации экономики и государства. Из опыта, на который Назарбаев мог опираться в 1992 году, был только опыт советской республики и опыт традиционного общественно-политического устройства. И то, и другое годилось для создания независимого государства и его экономической основы только очень и очень частично.

Бурный рост экономики страны конца 90-х и начала 2000-х годов показывает, что сложная наука управления и развития Казахстана в общем и целом казахской элитой освоена. Особенно в этом отношении интересен опыт превращения обломка экономики Советского Союза в экономику вполне самостоятельной и развитой страны, с потенциалом дальнейшего развития.

Одним словом, эти полтора десятилетия показали, что Казахстан – это другое государство, со своей логикой развития. Взгляд на Казахстан, как на «подбрюшье России» – это просто иллюзия. Такого никогда не было. Казахстан всегда был самобытной страной в составе империи и Союза, до какой-то степени поддававшейся русскому влиянию. Теперь страна вышла на самостоятельный путь развития. Назарбаев сделал три важнейших дела своей жизни: создал казахское государство, вывел его на мировую арену, и сформулировал новую идею построения отношений в Средней Азии.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ПО-НАЗАРБАЕВУ

Идея евразийского союза впервые была высказана Нурсултаном Назарбаевым в 1994 году на выступлении в Москве, на публичной лекции в МГУ. С тех пор она много раз обсуждалась, кем-то дорабатывалась, и даже сделалась официальной идеологией партии «Евразия» Александра Дугина в России.

Однако, на мой взгляд, было множество попыток извратить идею Назарбаева и придать ей тот смысл, которого изначально в идее не было совсем. Российские публицисты и часть казахских оппозиционеров попытались убедить широкие массы в том, что на самом деле предложена концепция «второго СССР», только с чуть-чуть перекрашенным фасадом. В рамках этого «евразийства» главенствующая роль отводилась России, Москве, рисовались завлекательные схемы интеграции постсоветского «пространства» (без учета

произошедших процессов, конечно) в новую империю, которая, мол, исторически обречена бросить вызов США.

Так вот, по моему мнению, евразийство, или евразийский союз в своем исходном виде представляет собой принципиально другую идею. Это интеграция не постсоветского пространства, а интеграция вокруг Казахстана, с его главенствующей ролью. Это, главным образом, интеграция тюркских народов, как в Средней Азии, так и в России. И в этом состоит ее революционность.

Отсюда проистекает многовекторность внешней политики Казахстана, которая издали кажется на попытку восстановления Советского Союза. Но на деле, Казахстан находится практически в географическом центре тюркского мира, и перенос столицы в Астану только закрепляет это центральное положение. Вокруг Казахстана располагаются или тюркские государства: Узбекистан и Киргизия, или страны с наличием тюркского населения: Россия, Монголия и Китай. Кроме того, Казахстан сейчас – самое мощное и развитое тюркское государство в Средней Азии.

Такое положение Казахстана побуждает Назарбаева уделять огромное внимание дружбе со всеми своими соседями, дабы появилась возможность для постепенного сколачивания сферы влияния на соседние тюркские государства и народы. Но, в то время время, Назарбаев постоянно подчеркивает свое независимое положение, стараясь не вступать в слишком тесные связи с какими-то крупными и сильными государствами. Суть внешней политики Назарбаева, на мой взгляд, заключается в поддержании баланса внешних связей: чтобы была дружба и отсутствие зависимости.

Отношения Казахстана и России также находятся в рамках построения такого рода евразийского союза. Назарбаев последовательно проводит дружественную политику в отношении России, и в, частности, в Казахстане в 2004 году прошел Год России. Однако, с другой стороны, сам факт появления Казахстана, и казахская политика запустили некоторые долгосрочные тренды в российско-казахских от-

ношениях. Появление независимого Казахстана полностью меняет положение дел в сопредельных регионах, в особенности, в Сибири. В первую очередь, до 1992 года Сибирь была глубокой, глухой провинцией России, наглухо отрезанной от границ и от какого-либо сообщения с другими государствами. Теперь же положение изменилось, и самая населенная часть Сибири превратилась в приграничную территорию. Это значит, что жители Сибири получают такие возможности, каких у них раньше не было. Это касается как экономики, торговых связей, так и политики.

Жители Сибири теперь утратили эту обреченность на политические отношения только с Москвой. При желании и некоторых условиях вполне возможны политические связи сибирских регионов с Астаной. Более того, кое-что уже делается, например в рамках трансграничного сотрудничества на Алтае, где принимают участие Россия, Казахстан, Монголия и Китай. Также развиваются политические контакты между Омской областью и Казахстаном в рамках экономического сотрудничества и инвестиций. Начало процессу положено.

О чем можно говорить достаточно определенно в перспективах сосуществования российских регионов России и Казахстана? О том, что будет долговременная, постепенная интеграция. Кого куда? Скорее всего, сибирских регионов в казахское пространство. В особенности это касается южных регионов Западной Сибири: Курганской, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай. Меньше этот процесс затронет Красноярский край, Республики Хакасия и Тува, хотя в отношении последних вполне возможно более тесное взаимодействие по причине национально-культурного характера республик.

Эта интеграция будет подталкиваться тем, что Сибири надо развиваться. В рамках нынешней экономической системы в России для этого региона практически не остается места. Востребованы только отдельные предприятия, от-

дельные организации, но не весь регион в целом, и развития не происходит. Наиболее успешная из числа сибирских регионов – Омская область, сделала свои экономические успехи с помощью ставки на свои собственные силы и на иностранные инвестиции, в том числе казахские. Омская область первая сделала реальные шаги по интеграции экономики, купив крупный пакет акций Экибастузского разреза, углем которого снабжаются ТЭЦ Омска. Теперь и казахский бизнес пришел в Омскую область. Казахи купили «Омскполимер», открыли ряд дочерних банков и создают здесь свой деловой центр.

Насколько можно предположить, в долгосрочной перспективе, взаимодействие сибирских регионов с Казахстаном, совместное экономическое развитие, и интеграция тюркских народов в евразийский союз в вышеописанном смысле, будет весьма способствовать преобразованию Сибири в сибирскую федеративную республику. Мы сейчас видим только самые первые признаки, которые позволяют говорить о возможности развития по такому пути, и когда этот процесс приобретет свои ясные черты, сказать очень трудно. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Отдельно стоит отметить такой фактор в отношениях России и Казахстана, как наличие в составе России таких тюркских государств в зародыше, как Татарстан и Башкортостан. Это на сегодняшний день наиболее специфические республики в составе Российской Федерации, со сложившейся политической системой, экономикой, а также с характерным национальным менталитетом и традициями. По сути, это независимые государства, только пока еще, как Казахстан в конце 80-х годов, не выделившиеся из состава России. И татары, и башкиры с очевидностью ориентируются на тюркский мир, что ясно показывает деятельность татарской интеллигенции на ниве истории, филологии и национальной культуры.

Сложение новой ситуации в Средней Азии кладет предел и существованию русского народа, как народа, образу-

ющего основу обширной империи. В связи с положением в России в 90-х и начале 2000-х годов практически остановилось перемешивание населения страны, и ускорились процессы образования субэтносов русского народа в Европейской части, на Юге России, и в Сибири. 20-30 лет такого положения, и сибирские русские будут уже очень сильно отличаться от русских европейской части России.

Одним словом, Казахстан для России – это фактор, который не позволяет сохранять существующую Российскую Федерацию, с ее характерными отношениями и политической структурой неограниченно долгое время. Как раз соседство крупного тюркского государства, и его усилия по интеграции тюрков вокруг себя ставят осязаемые пределы существованию РФ в современном виде. Если тенденция не изменится, то в обозримом будущем интеграция в создаваемый Казахстаном евразийский союз для Татарстана и Башкортостана, а также сибирских регионов станет предпочтительнее нахождения в составе России. Этим народам также нужно развиваться, и татары, например, не могут себе позволить и дальше находиться на задворках культурного развития России.

Появление независимого Казахстана – это событие историческое. Суть его исторического значения лежит на поверхности. До 1991 года было только одно независимое тюркское государство – Турция, то теперь таких государств шесть: Турция, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан. Есть еще два субъекта в составе Российской Федерации, которые обладают практически правами независимых государств: Татарстан и Башкортостан. Возможно, и они станут независимыми.

Среди новообразованных независимых государств, созданных тюркскими народами в начале 90-х годов, Казахстан – самое мощное и сильное государство. Вообще, я считаю вполне правомерным прилагать к Казахстану, а также Узбекистану, Кыргызстану, Туркменистану и Азербайджану определение «тюркское государство». Это связано не

только с тем, что эти страны населяют тюркские народы, но и с тем, что политическая и социальная система этих стран создана с учетом традиций и собственного опыта.

Впервые за последние 200 лет тюркские народы получили возможность для самостоятельного развития. До этого тюркская культура и язык подавлялись. Российская Империя и СССР, под чьей властью находилась большая часть тюркских народов мира, даже в самые лучшие годы относилась к тюркской культуре как к чему-то второстепенному и ненужному. Тюркская история была в глубоком забвении, и ею занимались отдельные подвижники. В этом отношении памятны сетования Олджаса Сулейменова о том, что многие книги по тюркской филологии десятилетиями лежали в библиотеках никем не прочитанные.

Пока Казахстан сделал только самые первые шаги на пути самостоятельного культурного развития, и результаты еще не очень заметны, что может дать повод некоторым ретивым товарищам, утверждать, что, дескать, это бесплодные попытки подняться над «великой русской культурой». Но, культурное развитие – дело не быстрое, и с этим нужно считаться. Теперь, пока существует независимый Казахстан, и другие тюркские независимые государства в Средней Азии, то культура тюркских народов, казахского в первую очередь, будет развиваться самобытным образом, а не как что-то вторичное, не как русская культура с «казахским лицом». Империалисты разных мастей могут злобствовать сколько угодно, но самостоятельное развитие тюркских народов в Средней Азии есть непреложный факт.

РОСТ БОГАТЫХ, ПРОБУЖДЕНИЕ БЕДНЫХ

В этом отношении показательны прошедшие в Узбекистане и Кыргызстане события, которые в средствах массовой информации были названы «цветными револю-

циями». С моей точки зрения, «цветные революции» – это стихийный протест масс народа под общим лозунгом: «Так дальше жить нельзя!». Когда годами под сладкие обещания реформ и скорого роста благосостояния продолжается развал и кризис, то народ понимает, что ждать дальше нельзя, надо хоть что-то делать и выходит на улицы. Вот так и происходят «цветные революции». На мой взгляд, они являются одним из последствий кризиса 90-х годов XX века и трудностей роста новых суверенных государств в Средней Азии. Это признаки пробуждения тюркских народов региона.

Насколько можно судить, события в Киргизии в марте 2005 года, и события в Андижане в мае 2005 года, имеют общий корень. Название этому корню – Ферганская долина. Это, по моему мнению, самая тяжелая проблема среднеазиатских государств. Перенаселенная долина, со слабо развитой экономикой, дикой безработицей и нищетой, сложной границей и анклавами, межнациональными трениями является сильным дестабилизирующим фактором. Пока Фергана будет сохраняться в своем настоящем состоянии, о спокойствии в регионе можно не мечтать.

Но, в этих «цветных революций» есть очень отрадная сторона. Народ не признает своего приниженного положения и готов бороться за свое лучшее будущее. В этом залог будущих позитивных перемен.

Глубинные причины этого мощного протеста находятся в особенностях экономического развития Узбекистана и Кыргызстана. Основания для него закладывались начиная с 50-х годов, когда формировались основы экономического развития среднеазиатских союзных республик. Уже в то время между Казахстаном и южными республиками: Узбекистаном и Киргизией, появились сильные различия. Мы для рассмотрения возьмем Казахстан и Узбекистан.

На это повлияли географические и исторические условия. восточная часть Узбекистана – Ферганская долина, а также долина Сырдарьи, издавна была важным сельскохозяйственным регионом, пригодным для выращивания

теплолюбивых культур, вроде хлопка. По существу, исторические развитие Узбекистана, как страны земледельческой, определило развитие советской союзной республики преимущественно как территории с развитым поливным земледелием.

В Казахстане же ситуация складывалась иначе. После открытия в казахских степях крупных запасов руд железа и цветных металлов, месторождений каменного и бурого угля, значение казахского скотоводства и сельского хозяйства отступили на второй план, и Казахстан стал развиваться как промышленная союзная республика.

Здесь, думается, надо более подробно изложить эти различия, и показать, как они привели к нынешним различиям. Это же изложение даст понимание к тому, как с этими явлениями надо бороться. Этот среднеазиатский опыт ценен и для Сибири есть тоже несколько подобных регионов: Тува и Республика Алтай. Перед Сибирью также встают похожие экономические проблемы, и есть определенные противоречия между интересами промышленно развитых областей, и депрессивных республик, которые могут стать для Сибири чем-то вроде современной Киргизии.

КАЗАХСТАН И УЗБЕКИСТАН – ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Для того, чтобы разобраться, почему Казахстан стал бурно развивающейся страной, а Узбекистан – нет, нужно рассмотреть историю хозяйственного развития этих республик. Причины современного положения скрываются не только в текущих событиях и действиях властей, но и вытекают из результатов прошлого развития.

Казахстан во второй половине XX века развивался в качестве новой угольно-металлургической базы Советского Союза. Развитие таких крупных центров черной металлургии, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургичес-

кие комбинаты, только на первых порах основывались на местной руде и угле. В перспективе они должны были работать на руде и угле, привозимой из других мест. Первоначально, по плану предполагались маятниковые перевозки железной руды с Урала и кокса из Кузнецкого бассейна, однако после войны Магнитогорский комбинат перешел на уголь Экибастузского бассейна и североказахстанские железорудные месторождения, в особенности Кустанайской области: Соколово-Сарбайский и Лисаковский ГОКи. Уже перед войной Казахстан стал крупным центром добычи угля. В 1940 году в Казахстане добывалось 6,9 млн. тонн угля. Поскольку в годы войны основная тяжесть в промышленном производстве перешла на восточные районы страны, то угольная промышленность Казахстана резко выросла и к 1945 году производство угля возросло до 12 млн. тонн.

Тогда же, во время войны в Караганде, для снабжения металлом республик Средней Азии был построен Карагандинский металлургический комбинат, который в 1945 году давал 4,6 тысяч тонн стали.

Особенно большое развитие получила цветная металлургия, которая базировалась на богатейших рудных запасах Восточного Казахстана. В этой части республики были построены крупные комбинаты: Балхашский медеплавильный комбинат, Балхашский завод цветного проката, Джезказганский медеплавильный комбинат, Лениногорский свинцовый комбинат, Усть-Каменогорский свинцовый завод и ряд других предприятий. К слову сказать, это и теперь центр цветной металлургии Казахстана и Сибири. Например, свинцовая руда, добываемая на Ангаре, перевозится для переработки на Усть-Каменогорский свинцовый завод.

Уже к 1960 году в Казахстане сложился крупный промышленный район, в который входило семь областей: Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Гурьевская, Южно-Казахстанская, Алма-Атинская, Семипалатинская и Кустанайская. В них размещалось 2/3 основных фондов промышленности союзной республики и 60% рабочих. Но структу-

ра этого промышленного района и его ориентация была такая же, как и в Сибири: ориентированная на добычу и вывоз природных ресурсов. Казахстан в это время вывозил 88% добываемой железной руды, 72% – хромитовой руды, 81% ферросплавов, 54% угля.¹

Сейчас, конечно, ситуация в казахской промышленности, в особенности в угольной промышленности, далека от идеала. Общая добыча угля упала со 126,5 млн. тонн в 1991 году до 68,3 млн. тонн в 1999 году, а к 2000 году выросла до 75 млн. тонн.² В Карагандинском бассейне добыча упала с 36 млн. тонн в 1991 году до 9,3 млн. тонн в 1999 году. После закрытия в Карагандинском бассейне шахт общей мощностью в 18,7 млн. тонн из 50 млн. тонн общей мощности³, перед казахской угольной промышленностью встают крупные проблемы в связи с ростом потребления топлива.

Однако, все не так плохо, как может показаться на первый взгляд. При запасах в 150-160 млрд. тонн угля, при высокой степени их освоенности, и при том, что детище индийского промышленного магната Лакшми Н. Миттала в Казахстане – «Испат», объединило угольные и металлургические мощности в единое целое, у казахской тяжелой промышленности неплохие перспективы. Казахские металлургические предприятий, в первую очередь Карагандинский металлургический комбинат, выпускающие примерно 5 млн. тонн стали в год, входят в состав крупнейшего в мире металлургического холдинга. Продукция казахских заводов вывозится в 75 стран мира, и доля экспорта в продукции составляет, по разным оценкам, от 80 до 95%.⁴ «Испат-Кар-

¹ Ахмедова Н.Б. Проблемы развития и размещения промышленности Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1971, С. 160.

² Чедвик Дж. Мировая угольная промышленность. // «Российский уголь», декабрь 2002.

³ Алиев С.Б. Реструктуризация угольной промышленности Казахстана. «Российский уголь», сентябрь 2001.

⁴ Металлургия Казахстана: образец для подражания? // «Металлургический бюллетень», № 1-2, 25 января 2003.

мет» делает крупные инвестиции в развитие черной металлургии, в частности, наращивает переработку лома и выпуск проката.

То же самое можно сказать и о цветной металлургии. «Казахмыс», собравший в себя крупнейшие в Казахстане медеплавильные производства и производящий 420 тысяч тонн меди, бурно развивает свое производство, продукция которого почти целиком экспортируется. У «Казахмыса» есть крупный потребитель, он же акционер – южнокорейская компания «Samsung», владеющая 32,4% акций казахской компании.

Это только три отрасли казахской промышленности, без рассмотрения бурно развивающейся нефтегазовой промышленности, нефтехимии, алюминиевой промышленности, транспорта и сферы высоких технологий. Их пример – неплохой показатель того, какое значение имеет промышленная база, когда-то заложенная в республике. Нефть и газ, уголь, черная и цветная металлургия позволили Казахстану довольно быстро вернуться в ряды участников мирового промышленного производства, после промышленного кризиса начала и середины 90-х годов.

Казахстан, в этом отношении, имеет возможность развиваться в двух направлениях. Во-первых, он может оставаться чистым экспортером промышленного сырья и полуфабрикатов, каким он является теперь. Экспорт примерно 45 млн. тонн нефти и газоконденсата, 30 млн. тонн угля, 3,5 млн. тонн металлопродукции, около 900 тысяч тонн цветных металлов (преимущественно меди, цинка и свинца) дает примерно 2,4 млрд. долларов, из всего объема экспорта товаров в 5,7 млрд. долларов.¹ Доходы, конечно, не очень высокие, но все же достаточно реальные, худо-бедно можно жить и на эти средства.

Во-вторых, Казахстан может развивать другие отрасли промышленности: машиностроение, производство элект-

¹ По данным Агентства Республики Казахстан по статистике.

ротехники и электроники, авиакосмической техники и прочего, для чего есть сырьевая база и предприятия, построенные еще в Советском Союзе. Тогда доходы от экспорта сырья можно вкладывать в развитие промышленности, то есть пойти по классическому пути советской индустриализации, когда доходы от продажи угля, марганца, леса и нефти пускались на закупку оборудования, технологий и обучение персонала. В 2005 году Нурсултан Назарбаев выбрал именно эту дорогу развития, поставив на рост казахской атомной и космической промышленности, на развитие машиностроения. По его замыслу, Казахстан должен войти в число 50-ти наиболее развитых стран мира.

Узбекистан развивался в экономическом отношении совершенно по-другому. Начнем с того, что это с древности был крупнейший в регионе район поливного земледелия и садоводства, что и определило его дальнейшее экономическое развитие, как центра земледелия, переработки сельхозпродукции и сельскохозяйственного машиностроения.

Начиная с 30-х годов в Ферганской долине стала активно развиваться монокультура хлопка и хлопкоперерабатывающая промышленность, развитие которой должно было заменить закупки хлопка-волокна за границей. За первые две пятилетки, в 1929-1937 годах, производство хлопка-волокна в Узбекистане выросло с 147,8 до 466,4 тысяч тонн.¹ Постепенно, особенно к 70-м годам, хлопок вытеснил остальные культуры, и превратился, по существу, в монокультуру сельского хозяйства Узбекистана, на которую было ориентировано водное хозяйство, совхозы, сельхозперерабатывающие предприятия и машиностроение.

До конца 50-х годов в Узбекистане, в Ферганской долине, добывалось небольшое количество нефти. В 1958 году, после широкомасштабных геологоразведочных работ, в республике стала бурно развиваться нефтегазовая промышлен-

¹ Ульмасбаев М.Н., Слива С.А. Индустриальное развитие Узбекистана за годы Советской власти. Ташкент, «Узбекистан», 1966, С. 143.

ность. В 1958 году Узбекистан добывал 1,3 млн. тонн нефти и 126 млн. куб.м. газа, то уже к 1964 году добыча нефти возросла до 1,8 млн. тонн, а газа – до 9,3 млрд. куб.м.¹

В Узбекистане имелось запасов природного газа 719,3 млрд. куб. м.² Газ месторождений Газли, Джаусак, Сарытак, Мубарек и других, быстро стал основой энергетики Узбекистана, и стал активно поставляться в другие районы СССР. Предполагалось передавать по магистральным газопроводам 34,3 млрд. куб.м. газа в год, перевести электростанции республики на газ и развить производство химических удобрений.

Этот план был осуществлен, и из 8,1 млрд. куб.м. газа, потребленного внутри республики, 2,9 млрд. куб.м. было использовано на производство электроэнергии.³ Топливный баланс республики уже в 1960 году состоял на 11% из газа, а к 1970 году его доля поднялась до 82,7%.

Однако, из-за просчетов в определении запасов газа в узбекских месторождениях, этот проект реализовать не удалось. В 1970 году добыча газа в Узбекистане составляла 32,1 млрд. куб.м., тогда как мощность газопроводов и потребление составляло 34,3 млрд. куб.м. Дефицит составлял 2,2 млрд. куб.м. газа, и он оказывал серьезное влияние на выпуск промышленной продукции и электроэнергии. Например, только Ташкентская ГРЭС – энергетический центр всего мощного Ташкентского промышленного узла, потребляла 1,3 млрд. куб.м. газа в год. Вся узбекская электроэнергетика – 2,9 млрд.

Впоследствии дефицит газа удалось преодолеть. Сейчас суммарные запасы газа в Узбекистане оцениваются в 6,25 трлн. куб.м газа, а добыча составляет примерно 55

¹ Ульмасбаев М.Н., Слива С.А. Индустриальное развитие Узбекистана за годы Советской власти. Ташкент, «Узбекистан», 1966, С. 227-228.

² Джураев Х. Промышленность Узбекистана: темпы, структура, эффективность. Ташкент, «Узбекистан», 1974, С. 170.

³ Ким К.М. Совершенствование структуры топливно-энергетического баланса Средней Азии. Ташкент, «Фан», 1973, С. 22.

млрд. куб. м. в год. Из них экспортируется около 5 млрд. куб. газа в Казахстан, Киргизию и Таджикистан. В 2004 году добыча газа поднялась до 59,4 млрд. куб. м. газа, из которых 12 млрд. куб.м. было направлено на экспорт, в том числе в Россию.¹

Основа узбекской экономики и теперь – это газ и хлопок. Это две главные экспортные статьи. В 2004 году хлопок составлял 18,1%, а энергоносители – 12,4%, от общего объема экспорта в 8,6 млрд. долларов.² Но все же, положение здесь иное, чем в Казахстане. Если Казахстан имеет возможность экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, полуфабриката, вроде листового проката, профиля, проката цветных металлов, то Узбекистан строит свою торговлю на экспорте сырья.

Из собранного в 2004 году урожая хлопка-сырца в 3,6 млн. тонн, было изготовлено только примерно 250 тысяч тонн хлопка-волокна. Почти весь хлопок-сырец и хлопок-волокно (95,9%) идет на экспорт, что принесло Узбекистану доход в 739,1 млн. долларов. Но, доля полуфабриката в экспорте узбекского хлопка составляет сейчас 19,8%, и год от года только снижается. Вместе с доходами.

Газ же, как мы видим, почти целиком потребляется внутри страны, и потому не может дать существенных ресурсов для развития. Экспорт его очень нестабилен, ибо соседние республики-импортеры: Киргизия и Таджикистан, потребляют немного газа, а экспорт в дальнее зарубежье и в Россию зависит от договоренностей с «Газпромом».

Сравнение Казахстана и Узбекистана показывает, как важно иметь диверсифицированную экономику. Казахская экономика, в которой только в тяжелой промышленности было развито несколько отраслей, сразу приобрела более или менее прочные основания для развития, и переживала

¹ «Газпром» подписал контракты с «Узтрансгазом» на транспортировку и закупку газа. // «ЦентрАзия», 7 февраля 2005 года.

² По данным Uzbekistan Development Gateway – www.gateway.uz.

кризис распада СССР куда менее болезненно, чем все ее соседи по региону. Казахская промышленность быстро оказалась привлекательной и для мирового рынка, и для иностранных инвестиций.

А вот Узбекистан, имевший монокультуру в сельском хозяйстве, дополнительно при явно недостаточном развитии переработки хлопка, а также абсолютное преобладание в энергетике природного газа, попал в тяжелое положение, когда у него нет товара, востребованного на мировом рынке, нет широкого внутреннего рынка, и потому страна мало интересна для иностранных партнеров, не говоря уже о том, что ресурсов для внутреннего развития мало. Сочетание монокультуры хлопка, крайне узкого развития промышленности, энергетике, основанной на быстро истощающемся виде топлива, а также перенаселенности Ферганской долины, привели к созданию экономики, не имевшей перспектив развития вне экономики Советского Союза. Сразу после развала Союза, страна оказалась, по существу, в положении бедной развивающейся страны.

Собственно, главная и основная причина деления среднеазиатского региона на «богатый Север» и «бедный Юг», состоит в том, что в числе бедных стран оказались те бывшие союзные республики, которые имели хозяйство с выраженной ориентацией на две-три ведущих отрасли, то есть, по сути, моноотраслевую экономику.

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что правительство Нурсултана Назарбаева в Казахстане смогло сгладить разразившийся кризис, и заложить основания для дальнейшего восстановления и роста, а вот правительство Ислама Каримова такого сделать не смогло, и политика узбекского руководства заметно усугубила положение в стране.

Оба правительства с начала 90-х годов повели курс на построение независимых государств. Однако, повели совершенно разными путями. Нурсултан Назарбаев сделал ставку на консолидацию ресурсов и производительных сил страны в руках правительства, и первым делом поставил

под государственный контроль внешнюю торговлю основными экспортными товарами: нефтью и газом, металлами, а также товарный импорт.

Сейчас много критикуют политику Назарбаева образца 1992-1996 годов, особенно сильно в самом Казахстане. Встретить можно самые разные обвинения, вплоть до того, что Назарбаев «разворовал страну». Однако, мне сейчас трудно представить какую-то другую политику, учитывая условия Казахстана того времени, и специфические трудности, вроде полного отсутствия сколько-нибудь налаженных внешнеторговых связей, крайне низкого развития внутреннего товарного производства, из-за чего страна нуждалась в неотложных товарных поставках из-за рубежа. Казахстан, конечно, в первые годы независимости заплатил высокую цену за вхождение в мировые хозяйственные связи и за создание собственной экономики.

Назарбаев в этой своей политике не придумал ничего нового, а с очевидностью ориентировался на пример раннего Советского Союза, который примерно похожими же методами (монополизация внешней торговли, государственный контроль над производством и торговлей) преодолел послевоенную разруху и внешнюю изоляцию. Не будем забывать, что Назарбаев был первым секретарем ЦК КП Казахстана, и у него было время досконально изучить ленинский опыт строительства государства и экономики в тяжелых условиях.

А вот Ислам Каримов сделал совершенно другую ставку. Он поставил на вхождение Узбекистана в «мировое сообщество», и на строительство привлекательного фасада своей страны, вместо решения коренных вопросов социально-экономического развития. По всей видимости, он рассчитывал, что развитые страны окажут помощь в развитии Узбекистана. Заявив о выборе собственного пути развития, о строительстве в Узбекистане рыночной экономики, и, одновременно, развития производства в сторону импортозамещения и активного экспорта под государственным

ным контролем, Каримов уже в начале своего правления заложил основы будущих трудностей. В таком курсе развития достижения одной из сторон: рыночных отношений и государственного контроля, взаимно погашаются.

Если Назарбаев проводил сначала консолидацию промышленных предприятий в руках государства, с последующим преобразованием их в акционерные общества, могущие работать на корпоративных принципах, то Каримов просто подчинил экономику государственному контролю, и перераспределению ресурсов. В итоге перераспределение средств из сельского хозяйства (производства хлопка, по сути, основного экспортного товара Узбекистана) в промышленность, проведенное явно по советскому образцу, правда, недопонятому главой страны, привел к резкому ослаблению экономики.

Узбекская модель развития экономики с волевым государственным управлением, не считающимся ни с тенденциями развития экономики страны в целом, ни с условиями страны, ни с соображениями накопления необходимых ресурсов, привела только к растрате ресурсов. Тут не помогло даже наличие запасов дешевого топлива – узбекского газа. Дело в том, что для развития тяжелой промышленности в Узбекистане не было необходимых условий и необходимой промышленной базы. Даже в советские времена, когда уделялось пристальное внимание развитию собственной промышленной базы в союзных республиках, тяжелая промышленность Узбекистана не блистала своими достижениями. Даже в 1964 году, после целой эпохи развития металлургии в этой республике, Узбекистан производил всего 359 тысяч тонн стали и 249 тысяч тонн проката¹, что очень немного. На пике развития узбекской угольной промышленности, добыча угля составляла 4,4 млн. тонн (в 1964 году).

¹ Ульмасбаев М.Н., Слива С.А. Индустриальное развитие Узбекистана за годы Советской власти. Ташкент, «Узбекистан», 1966, С. 236.

В том-то и состояла проблема, что развить в Узбекистане промышленную базу так же, как в Казахстане, было невозможно по причине геологических условий, что и предопределило узкоотраслевой характер развития узбекской промышленности. Стратегия Каримова на развитие промышленности, да еще импортозамещающей и экспортной, была ошибочной с самого начала. Для успешного развития Узбекистана надо было максимум средств бросить в развитие хлопковой промышленности, на модернизацию сельхозпредприятий и хлопкопереработки.

Дополнительно, курс на «импортозамещение» в условиях Узбекистана привел к тому, что стала резко сокращаться внешняя торговля, для страны почти единственный источник ресурсов для развития. Если в 1992 году только с Казахстаном оборот торговли составлял 2,6 млрд. долларов, то к 2005 году это весь оборот торговли со странами СНГ. Узбекское правительство ввело множество ограничений на торговлю со странами СНГ, как по таможенным сборам и пошлинам, так и по номенклатуре товаров. Тем самым Узбекистан ограничил свой экспорт, по существу, только до поставок хлопка и газа, поставив экономику в зависимость от колебаний цен на эти товары.

То есть, одним словом, неблагоприятное воздействие на экономику условий Узбекистана, тенденции развития были Исламом Каримовым только усугублены своей собственной политикой развития и довели страну до крупномасштабного кризиса.

Здесь нужно сделать только еще одно замечание. Стратегия построения независимого государства в Казахстане и Узбекистане с очевидностью опирается на советский опыт 20-х годов, который главы государств: Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов, бесспорно, изучали еще будучи партийными руководителями. Только Назарбаев изучил его гораздо глубже и многостороннее, в результате чего его политика оказалась более результативной. Он применил практически весь арсенал политики индустриализации 20-х и 30-

х годов: концентрация промышленности под государственным управлением, контроль над внешней торговлей, планирование (индикативное планирование в Казахстане), активная внешняя торговля, привлечение иностранных специалистов¹, создание совместных предприятий, развитие образования, активная строительная программа.

А вот Ислам Каримов сделал акцент только на государственном контроле над экономикой, контроле над внешней торговлей и на перекачивании средств из сельского хозяйства в промышленность. То есть, понял советский опыт очень поверхностно и тенденциозно. Итог этого очевиден.

ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ ДЛЯ СИБИРИ

В рамках концепции самостоятельности Сибири, среднеазиатский опыт для нас имеет огромное значение. Это учебник, как надо и как не надо самостоятельно развиваться. Здесь мы может посмотреть, что в сопоставимых условиях работает, а что нет. Ценность этого накопленного соседями опыта состоит в том, что уровень и характер развития Сибири, Казахстана и Узбекистана очень похож. Это были окраины, в которых осуществлялось бурное развитие топливно-энергетического комплекса, сырьевых отраслей, а также очаговое развитие перерабатывающей промышленности.

Потом, Казахстан и Узбекистан пошли в развитии своей самостоятельности намного дальше Сибири, и теперь опережают нас на 15-20 лет. Рассматривая их опыт, мы можем избегать уже допущенных ошибок, и перенимать удач-

¹ Даже при всем негативном отношении к Джеймсу Гиффену, советнику Назарбаева по вопросам нефтегазовой промышленности, нельзя не признать, что именно при его ключевой роли казахская нефтегазовая отрасль успешно вышла на мировой рынок, и, более того, стала фактором региональной политики.

ные решения. На сегодняшний день видно, что опыт Казахстана предпочтительнее опыта Узбекистана, и, скорее всего, при более детальной разработке программы самостоятельного развития Сибири опора будет сделана именно на казахские разработки.

В-третьих, кроме населения, мощного экономического потенциала, наличие более развитых соседей – это также предпосылка для самостоятельного развития. Учеба на казахском и узбекском опыте сэкономит нам много сил и времени. Чем пытаться во всем открывать свой особенный «велосипед», в ряде моментов проще и надежнее опереться на успешные программы развития, к тому же максимально приближенные к сибирским реалиям.

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

Глава 7

От экономики сырьевой...

«Первопричины бедности, по моему мнению, заключается прежде всего в недостаточном соответствии между производством и распределением как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, в отсутствии соразмерности между источниками энергии и ее эксплуатации. Убытки, происходящие от этого несоответствия, огромны».

Генри Форд

Экономическое развитие Сибири в рамках концепции сибирской самостоятельности – это наиболее сложный и обширный вопрос. По своей значимости и важности он стоит впереди всех остальных вопросов, даже вопроса об углублении истории Сибири и тщательного изучения до-русского периода.

Его важность заключается в том, что именно сложившейся экономической системой в Сибири создается и под-

держивается низкий уровень развития сибирского общества. Без решения этого вопроса не будут сняты сегодняшние преграды, а также Сибирь не получит необходимых ресурсов для своего развития. Поэтому экономика – это вопрос центральный.

Развитие Сибири в последние лет 300 находилось в чужих руках и планировалось из центра Государства Российского. Как оно планировалось и что в результате получалось, мы рассматривали. Но эта традиция не прекратилась и сейчас. В Москве по-прежнему создаются планы того, как бы получше «устроить» Сибирь. И один из этих документов был принят в 2002 году.

«СТРАТЕГИЯ ОТСТАЛОСТИ СИБИРИ»

Его лучше назвать именно так, потому что никакого другого названия ему подобрать не получается.

7 июня 2002 года российское правительство приняло и утвердило Стратегию экономического развития Сибири до 2015 года. Казалось бы, документ важный и нужный, определяющий развитие огромного региона на долгосрочную перспективу. Однако, при чтении этого документа возникает мысль, что что-то здесь не так.

Подобные документы обладают очень большим влиянием на экономическое развитие, даже тогда, когда о них забывают. На основании выкладок таких долгосрочных программ составляются программы развития, программы вложения в основной капитал, то есть инвестиций. Эти проекты, будучи реализованными, оказывают воздействие на дальнейшее развитие экономики. В качестве примера можно привести план Государственной электрификации России, принятый в декабре 1920 года. Он непосредственно определял развитие советского хозяйства, и энергетики особенно, до 1934 года, пока наметки плана не были вы-

полнены. После этого влияние плана чувствовалось через разработку планов развития электроэнергетики, через осуществление разных энергетических проектов, через размещение промышленности по территории Советского Союза. Будучи давно превзойденным, план ГОЭЛРО и позднее был документом, определяющим политику экономического развития страны.

Так и здесь. Стратегия экономического развития – это не просто писулька, от которой можно вскоре отказаться. Это документ, который будет оказывать непосредственное влияние на развитие сибирской экономики по меньшей мере до 2015 года, и в дальнейшем через реализованные проекты.

Однако, читать этот документ невозможно, без чувства недоумения. Уже с первых строк понятно, что его составляли люди, далекие от Сибири не только территориально, но и духовно. С первых страниц начинаются, и до последних продолжают рассуждения об огромных богатствах Сибири: нефти, газе, угле, рудах металлов, о транспортных коридорах, и о том, как бы сибирские ресурсы подешевле добывать и подороже продавать.

Итак, по пунктам.

В программе написано: «Долгосрочные интересы Российской Федерации, состоящие в создании современной экономики инновационного типа, интегрированной в евроазиатское экономическое пространство, определяет особую роль Сибири в силу ее географического положения и наличия значительного ресурсного, производственного, научно-технического, образовательного и кадрового потенциала. Между тем в последнее время наметилась тенденция оттока населения из Сибири и относительного замедления темпов экономического роста».

Этой фразой программа открывается. В ней формулируются генеральные цели стратегии. «Создание современной экономики инновационного типа», – ни больше, ни меньше. Эту фразу мы запомним, она нам пригодится на будущее. А пока же скажем, что при придирчивом чтении

документ можно отбросить с первого абзаца. Вообще-то экономисты, также как и военные, оперируют точными данными и точными сроками: финансовым годом, или, например, пятилетками. А что же такое «в последнее время»? Как это понимать? И от какого срока отсчитывать это самое «последнее время». Вот ведь вопрос вопросов.

Тезис не подкреплён доказательствами, то есть статистикой. Это снова к вопросу о точных сроках. Использование статистики вынуждает говорить: «вот в таком-то году был такой-то прирост, а вот в таком-то году был такой-то». Но, поскольку в качестве единицы измерения времени авторы программы приняли «последнее время», то, понятно, использование статистики очень затруднено. Здесь можно было бы просто привести две небольшие таблицы с данными об изменении численности населения Сибири и с данными о росте ВВП региона и промышленного производства. На это много бумаги не потребовалось бы, и была бы соблюдена доказательность. А пока, за неимением цифр, мы рассуждаем о «тенденциях оттока» и об «относительном замедлении».

Ответы на эти вопросы, точные и конкретные, имеют самое непосредственное отношение к программе долгосрочного экономического развития Сибири. Необходимо точно ответить на вопрос об оттоке населения, об его динамике и возможных перспективах. Необходимо иметь точное представление о темпах экономического роста в Сибири, чтобы составить себе представление об экономических возможностях региона.

А потом, авторы программы грубо ошиблись с «относительным замедлением» темпов. В сибирских регионах с 1990 года произошёл сильнейший спад промышленного производства, по разным регионам составивший от 37% до 61,6% от уровня 1990 года. За истекшие 14 лет сибирская промышленность потеряла в среднем около половины своего производства, своих мощностей. Причем в наиболее промышленно развитых регионах потеряно более полови-

ны: 55-60% производства. Это спад, вполне сопоставимый с военным разгромом. Назвать его «относительным замедлением» ни в коем случае нельзя. Этот спад и его последствия – есть ключевой момент для составления программы экономического развития Сибири. Первое, что должно быть расписано в такой программе, так это меры по преодолению последствий спада 90-х годов.

Нельзя сказать, что составители программы не знали об этом спаде. Знали, конечно. Но пошли на этот маневр с формулировкой «в последнее время наметилась тенденция», для того, чтобы отвернуть от тех мер, которые действительно необходимы. Восстановление сибирской промышленности после спада 90-х годов требует серьезных капиталовложений на нужды обновления основного капитала и технологического перевооружения. Средний износ фондов составляет 40%. Оборудование имеет большой возраст: 20% его старше 20 лет. По масштабу эта задача вполне сравнимая со сталинскими пятилетками индустриализации.

Обновление основного капитала требует капиталовложений, причем вложений колоссальных. То, что они окупятся, в этом никто не сомневается, в том числе и авторы программы, рассуждающие о большом потенциале Сибири. Но вот вкладывать им в развитие сибирской экономики не хочется, ни одного рубля. Правительство надеется достичь удвоения ВВП России, не вкладывая в экономику, что ярко отразилось в программе экономического развития России до 2010 года. То же самое происходит и в Сибири. Авторы программы хотят экономического роста в сибирских регионах, но так, чтобы ни одного рубля не вложить.

Авторы программы, возможно, надеются на то, что рост будет обеспечен незадействованным оборудованием. Если об этом не говорить, то может сложиться впечатление, что достигнут сногшибательный прирост производства, ВВП региона, который на самом представляет собой результат использования старых запасов. Вот этим, по всей видимости, и объясняется этот маневр с расплывчатой формулиров-

кой. Нужно было создать у членов правительства и остальных граждан России впечатление, что в Сибири не было никакого экономического спада, а что был в 90-х годах прирост, который «относительно замедлился». А потом пустить в ход стоящие мощности. Получится сразу быстрый рост промышленного производства, который можно будет выдать за успех программы.

Насколько его хватит, этого прироста за счет стоящих мощностей? Ненадолго. По сибирским регионам, в среднем 20% незадействованных мощностей. По разным отраслям уровень загрузки разный. Самый высокий в нефтегазовой отрасли, 80-85%, а самый низкий в машиностроении, 5-8%. Поскольку промышленное производство в общем определяется топливно-энергетическими ресурсами, то прирост в нефтегазовой отрасли и энергетике будет определяющим для всей сибирской экономики в целом. Если принять, что прирост будет в 5% в год, то такого прироста хватит всего лишь на 4 года. Если 2,5%, то на 8 лет. При 2%-м приросте на 10 лет. Одним словом, на имеющихся мощностях можно протянуть до 2015 года при очень низких темпах, всего в 2% в год.

Это при современном распределении топливно-энергетических ресурсов, когда они идут главным образом на экспорт и на вывоз в другие районы страны. Дальнейший прирост будет зависеть или от реконструкции топливно-энергетической сферы или от перераспределения ресурсов в пользу сибирской промышленности.

Вот две альтернативы развития на имеющихся мощностях: или короткий рывок и полная загрузка за 2-3 года, или же растягивание ввода на 8-10 лет при очень низком приросте промышленной продукции. Что лучше? Оба варианта плохие. Первый вариант быстро растратит имеющийся экономический потенциал и оставит сибирскую экономику без возможностей дальнейшего развития. Второй вариант – это медленное колебание вокруг уровня 60% от 1990 года, растянутое на 10-15 лет.

Скажут, легко критиковать правительство, когда нет собственной программы. Возможно. Однако лично я бы выбрал первый вариант – короткий рывок. Но только при одном условии, что этот рывок будет стартовым для программы коренного перевооружения сибирской промышленности, для массовых капиталовложений в нее, наподобие программы первой пятилетки.

Этот же вариант, очевидно, приняли и в правительстве, только без капиталовложений. Они сделают рывок, исчерпают имеющиеся возможности, и бросят регион на произвол судьбы. У них уже сейчас есть на это отговорка: «Все экономисты говорили, что производство в Сибири невыгодно».

Далее, в стратегии сказано: «Экономика Сибири в современных условиях по многим видам продукции оказывается неконкурентноспособной. К числу факторов, сдерживающих экономическое развитие Сибири, относятся следующие:

Качественное ухудшение сырьевой базы. Наиболее освоенные нефтегазоносные месторождения Сибири находятся на последней стадии разработки, когда происходит падение уровня добычи нефти и газа. Доля трудноизвлекаемых запасов нефти составляет 55-60% и продолжает расти. Некоторые месторождения практически исчерпаны; высокие затраты на транспорт, обусловленные удаленностью Сибири от густонаселенной и наиболее развитой европейской части России и промышленно развитых стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского регион, низкой плотностью населения в самой Сибири и недостаточным уровнем развития транспортной инфраструктуры».

Отметив тенденцию «относительного замедления», авторы программы должны были указать на какие-то причины возникновения этой тенденции. Но указать на промышленный спад было нельзя, ибо это указание подрывает в корне саму основу программы и желание правительства не вкладывать в экономику Сибири ни одного рубля.

Тогда в качестве причин были выдвинуты «объективные условия», ухудшение условий эксплуатации нефтяных

месторождений Западной Сибири, высокие затраты топлива, плохое развитие транспорта. Вообще, в этом отрывке отразись все взгляды авторов документа на Сибирь и на ее место в экономике России.

Во-первых, в Сибири есть не только нефть и газ, а также еще крупнейшие в мире запасы угля, в том числе коксующегося. Кузбасс в конце 80-х годов давал 21% союзной добычи угля и 98% добычи угля по Сибири. Есть большие запасы железной руды. Есть руды цветных металлов и неметаллические полезные ископаемые. Академик А.Е. Ферсман выделял южную Сибирь в отдельный Алтае-Саянский геохимический узел, характеризующийся богатыми и чрезвычайно разнообразными полезными ископаемыми. По богатству полезных ископаемых мы можем поспорить с центральным Казахстаном и Горным Бадахшаном.

Непонятно, почему не затронуты проблемы двух угольных бассейнов, из числа крупнейших в России: Кузнецкого и Канско-Ачинского. Это 98 млн. тонн каменного угля (1998) и 56 млн. тонн бурого энергетического угля (1998) в год с хорошей перспективой прироста. В 1990 году Кузбасс добывал 146 млн. тонн угля, а Канско-Ачинский бассейн 120 млн. тонн.

По запасам угля и возможностям его разработки Кемеровская область опережает все соседние регионы Сибири и все соседние центральноазиатские государства. По углю мы опережаем даже Казахстан с его крупными запасами. В последнее время заявку на открытие крупных угольных месторождений сделали китайские геологи. Однако, наши, кузнецкие, 756 млрд. тонн – это разведанные запасы, тогда как их 2,1 трлн тонн – это прогнозные запасы, которые будут существенно уточнены в сторону сокращения.

Этот источник топлива может обеспечивать наши потребности в энергии и тепле в течении сотен лет. На основе Кузнецкого бассейна, этого практически полного аналога германского Рура, мы можем развить свою сильную и мощную тяжелую промышленность, сильную индустриальную

экономику. Обойти вниманием кузнецкий бассейн – это, значит, допустить самый грубый просчет в программе экономического развития региона.

Во-вторых, авторы программы по-настоящему одержимы идеей добывать сибирские нефть и газ (о других видах ископаемых речи даже не идет) и продавать их на мировом рынке. Для этого нужно вывозить их в основные потребляющие регионы: Европу и АТР. Действительно, возить туда далековато и затраты на перевозку велики.

Однако этот тезис был настолько распропагандирован, что даже в Сибири повторяют: «высокие издержки на транспорт». Только позвольте задать вопрос, а какова франко-станция назначения? То есть, куда везут груз? Вот на этот вопрос прямого ответа не получить. Потому что если прямо признать, что сибирские ресурсы будут вывозиться исключительно за рубеж, то недолго получить ярлык «колонизатора». За дело, надо сказать. Потому пускаются в ход самые разные эвфемизмы: «на мировой рынок», «в промышленно развитую европейскую часть», «на экспорт» и так далее.

Это с одной стороны. С другой стороны, разве в Сибири нечего возить, кроме нефти, газа и леса? Основную часть погрузки на железных дорогах составляет уголь, который развозится от угольных шахт и карьеров к потребителям: городам и заводам. Например, уголь Канско-Ачинского бассейна почти целиком потребляется внутри Красноярского края, и только 10% его вывозится в Иркутскую область. Плечо перевозок не превышает 1000 километров. Уголь Кузнецкого бассейна почти целиком потребляется в Западной Сибири, и только 4% угля идет на экспорт. И здесь львиная часть угля не перевозится на расстояние более чем в 1500 километров.

Другая часть погрузки: руда (железная, нефелиновая) и глинозем для алюминиевых заводов. От Ачинского глиноземного комбината до Красноярского алюминиевого завода, куда поступает вся продукция первого, 180 километров по железной дороге. От глиноземного завода в Белово до

Новокузнецкого алюминиевого завода и того ближе, 30 километров.

Третья часть погрузки: нефтепродукты для северного завоза. От Ачинского нефтеперерабатывающего завода до Красноярского порта по железной дороге 220 километров. Омский нефтеперерабатывающий завод, один из крупнейших в Сибири, снабжает нефтепродуктами весь южносибирский регион, и вывозит продукцию в Среднюю Азию, вплоть до Афганистана.

То есть, большая часть перевозок по сибирским железным дорогам осуществляется для снабжения промышленных предприятий топливом и сырьем. Представление о том, что из Сибири только все вывозят, и что внутреннее сообщение не играет роли – совершенно неверное. Если говорить о развитии транспорта, то в первую очередь должен быть поставлен вопрос о развитии внутренней транспортной системы.

В-третьих, авторы программы не замечают, что население в Сибири размещено очень неоднородно. Северные территории малонаселенные, а в южных территориях сосредоточено почти все население Сибири, и плотность его здесь сравнима с плотностью населения в европейской части России. Это можно видеть на примере Минусинской котловины и Алтайского края с густонаселенными сельскими районами. Именно в этой части Сибири находятся крупные города: Омск, Тюмень, Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Томск, Красноярск, Барнаул, Абакан. Именно в этой части Сибири сосредоточен весь научный и кадровый потенциал экономики.

Вот ведь странно, авторы программы говорят о научном и кадровом потенциале Сибири, однако плохо представляют, где он находится. Сравнив Сибирь и европейскую часть, и определив последнюю как густонаселенную, они показали, что плохо понимают особенности размещения населения в этом регионе. Во всей остальной программе, даже в разделе, касающемся развития науки в Сибири,

нет даже упоминания о крупных сибирских городах. Есть упоминание о Сибирском отделении Академии наук (что уже хорошо), но нет указания, что это отделение находится в одном из крупнейших городов Сибири – в Новосибирске.

«Сибирскому отделению Российской Академии наук при участии органов исполнительной власти целесообразно было бы разработать программы развития наукоградов, создания технопарковых зон и инновационно-технологических центров в рамках утвержденных федеральных целевых программ...».

Нельзя не обратить внимание на стиль документа. Это не стратегия экономического развития, это только соображения на тему, которые премьер-министр подмахнул не читая. «Целесообразно было бы» – это не язык программы, обязательной к исполнению.

Кроме всего этого, совершенно недопустимого в документах такого уровня, видно, что авторы просто не знают, что наукограды в Сибири уже есть. Если бы знали, то перечислили бы их: Зеленогорск, Железногорск, Сосновоборск в Красноярском крае, Омск-15 в Омской области, Томск-45 в Томской области. Это все бывшие секретные центры разработки вооружений, ядерных технологий, производства стратегических материалов. Кроме них есть еще тысячи закрытых и ныне открытых производственных центров и предприятий с сильнейшими научными коллективами.

«Технопарковые зоны» – модный ныне термин, за которым, однако, не стоит ничего реального. В Красноярском крае пытались в конце 90-х годов создать технопарковую зону. Была организована фирма «Конверсионный технопарк», которая так ничего и не добилась, за отсутствием средств, специалистов и технических разработок. Приоритет в высокотехнологичном машиностроении так и остался за «Красмашем», «Сибтяжмашем» и Красноярской аэрокосмической академией. Этот пример показывает, что науку и высокие технологии надо развивать с опорой на уже имеющиеся заводы, научные организации и специалистов.

От этого же можно пойти и к промышленности. Если авторы программы не знают, что в Сибири есть крупные города, то откуда же им узнать, что в Сибири есть крупные заводы? Откуда им узнать, раз в институте не довелось изучить экономическую географию России, что Сибирь – это как раз промышленно развитая территория?

Вот еще причина «относительного замедления» экономического роста Сибири: «Повышенный расход топливно-энергетических ресурсов на производственные и социальные нужды из-за суровых природно-климатических условий».

Да, это так. Расходы на отопление и производство электроэнергии у нас выше, чем в Малайзии и Тайланде. Однако, это не повод заламывать руки, посыпать голову пеплом и отказываться от экономического развития. Тем более, что советские хозяйственники изобрели способ обойти природные условия.

Топливо бывает разным. Бывает высококачественным, как нефть, горючие сланцы или коксующийся уголь, а бывает и низкокачественным, как бурые угли и торф. Низкокачественное топливо в России есть практически повсеместно, особенно что касается бурого угля и торфа. Запасы и того и другого в Сибири колоссальные. Только в Томской области имеется 1,1 трлн тонн торфа. В Тюменской области торфа 30 трлн тонн. Есть торф также в других областях Западной Сибири. Бурого угля тоже много. Канско-Ачинский бассейн обладает запасами в 120 млрд. тонн бурого угля. Это еще не все, поскольку есть более мелкие бассейны и месторождения углей и торфа.

Эти виды топлива имеют теплотворную способность в 2,5-3 тыс. кКал. Не сравнить с нефтью (14,5 тысяч) или каменным углем (7 тысяч), но все же 2-3 тонны бурого угля или торфа вполне заменят тонну каменного угля или полтонны нефти.

Еще в 1919 году Г.М. Кржижановский выдвинул принципиальное решение развития советской энергетики: не

гнаться за использованием высококачественного топлива, и обратить внимание на низкокачественные его виды, которые есть повсеместно, легки в добычи и дешевы. Еще он призывал обратить внимание на гидроэнергетический потенциал, как его тогда называли, «белый уголь». Итак, бурый уголь, торф плюс гидроэнергия – это и есть советская энергетика.

Каким образом развивалась сибирская энергетика? По рецепту Кржижановского, на использовании местного топлива (газ в Тюменской области, экибастузский уголь в Омской области, Алтайском крае, кузнецкий уголь в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях, канско-ачинский уголь в Красноярском крае) и гидроэнергии (Енисей и Ангара – в Красноярском крае и Иркутской области). То есть основа нашей энергетики – низкокачественные, дешевые виды ископаемого топлива и гидроэнергии.

Пишут ли об этом в программе? Нет, не пишут. Написано там вот что: «Для повышения эффективности энергообеспечения Сибири необходимо:

- завершение строительства Богучанской ГЭС..., реконструкция Братской ГЭС, начало строительства каскада гидроузлов на р. Нижняя Ангара;

- расширение и техническое перевооружение действующих Сургутской ГРЭС-1 и Тюменской ТЭЦ-1;

- развитие атомной энергетики в Сибири...

- развитие энергоснабжения изолированных потребителей, наибольшее количество которых расположено в северных районах Сибири...».

Авторы программы призвали замахнуться аж на строительство на Нижней Ангаре, однако забыли о том, что первоочередная задача развития энергетики Сибири – это обеспечение энергией регионов Западной Сибири, страдающих от ее нехватки. Это, особенно, Кемеровская область и Алтайский край, с плохо развитой энергосистемой, и зависящие от поставок энергии извне. Вот здесь нужно электростроительство в первую очередь.

Почему в программе упомянуты только две тепловые станции: Сургутская ГРЭС-1 и Тюменская ТЭЦ-1? Это потому, что они работают на газе, и в глазах московских «экспертов» олицетворяют все передовое в Сибири. Однако основа нашей энергетики – это тепловые станции на угле: 6 станций в Красноярском крае, 2 – в Томской области, 4 – в Новосибирской, 4 – в Кемеровской области, и одна в Омской. Вот их и надо реконструировать в первую очередь, и строить дополнительные, чтобы отказаться от передачи энергии извне, в частности, от закупок в Казахстане.

Стратегия развития Сибири призывает к тому, чтобы отказаться от энергетики, основанной на низкокачественном топливе, имеющемся в изобилии, и перейти к дорогой энергетике: на газе, нефти, атомном топливе, на покупной энергии. Об этом говорится четко и прямо: «Необходима дальнейшая газификация регионов Сибири, в том числе крупных промышленных центров южной части Восточной Сибири». Это шаг назад от того, что было достигнуто советскими хозяйственниками. Это значит отказаться от энергетической независимости региона и добровольно сунуть голову в ярмо поставщиков нефти и газа.

Но это еще не все. В программе далее написано: «В целях экономии топлива, снижения нагрузки на окружающую среду и повышения эффективности работы многочисленных разрозненных теплоснабжающих предприятий необходимо изменение принципов и структуры хозяйственного управления теплоснабжением и тепловым хозяйством регионов и городов.

Основными направлениями совершенствования и развития систем теплоснабжения являются оптимизация соотношения централизованных и автономных источников тепла, совершенствование схем и оборудования систем теплоснабжения, снижение участия государства в финансировании теплоснабжения бытового сектора, повсеместное регулирование систем отопления, оснащением их приборами учета».

Во-первых, авторы программы ошиблись. Теплоснабжение сибирских городов идет как угодно, но только не «разрозненными» предприятиями. Нередко на миллионный город (Красноярск или Новосибирск) имеются два или три источника тепла. На меньшие по численности населения города – по одному. Теплосети охватывают десятки квадратных километров, и простираются на расстояния 20-30 километров.

В последнее время идет много разговоров о том, как бы диверсифицировать снабжение теплом и устроить «рынок тепла», кое-кому очень выгодный и перспективный. Но в настоящий момент свыше 90% потребителей тепла получают его из централизованных сетей.

Чем они выгодны? Во-первых, они выгодны тем, что потребляют низкосортный уголь. Проекты же автономных источников теплоснабжения предполагают переход на мазут, нефть, газ и прочие дорогие и высококачественные виды топлива. Во-вторых, мощности производства тепла совмещены с производством электроэнергии. В-третьих, централизованные сети обеспечивают теплом и предприятия, и жилые кварталы, что удешевляет энергию. Вообще, вопрос выгоды централизованного теплоснабжения в России перед автономными источниками был принципиально решен еще в начале 30-х годов. В пользу централизованных систем.

Попытка же «оптимизации соотношения», или разделения части централизованных систем, чтобы переключить их на автономные источники и создать «рынок тепла» (как вариант: прекратить финансирование, чтобы тепловые компании сами отказались от «лишних теплосетей»), это также шаг назад от достигнутого советскими хозяйственниками достижения. Это также отказ от энергетической независимости региона в пользу ярма поставщиков газа, нефти и мазута.

Если суммировать предложения Стратегии экономического развития Сибири, то они приведут к таким последстви-

ям. Ставка на развитие добычи сырьевых ресурсов приведет к упадку перерабатывающих отраслей, машиностроения и наукоемкого производства. Развитие транспортной инфраструктуры, ориентированной на вывоз, приведет к упадку внутренних перевозок и законсервирует отсталость регионов с плохим развитием транспорта. «Оптимальная система расселения» с сокращением населения приведет к упадку производственной и социальной сферы региона, с последующим падением уровня экономического развития. В энергетике переход от дешевых видов топлива к дорогим резко повысит себестоимость промышленной продукции, снизит потребление энергии, что также плохо скажется на развитии Сибири.

Это в чистом виде программа экономической отсталости Сибири, превращения ее из развитого промышленного, в слаборазвитый сырьевой регион.

Как легко заметить, в правительственной программе развития Сибири главное внимание уделяется двум сторонам сибирской экономики: транспорту и добыче сырья. Этот подход к экономическому развитию можно с полным правом назвать транспортно-сырьевым, потому что он ставит целью только добычу сырья, топлива, небольшую переработку в полуфабрикат, и вывоз за пределы Сибири.

Если прочитать, что пишут об экономике Сибири в самих сибирских регионах, то видно, что транспортно-сырьевая модель безраздельно владеет умами самих сибирских политиков, экономистов и экспертов. И это самая большая проблема. Дело ведь состоит не в том, что в Сибири нет возможности для самостоятельного развития в производстве, высоких технологиях и услугах, а в том, что сибирская элита, как правило, не видит этих возможностей.

Самое главное, что нужно сделать – это разрушить это представление о предопределенности Сибири только к добыче сырья. Когда эта мысль отправится на свалку, в Сибири станет возможно настоящее экономическое процветание.

Глава 8

...К экономике производящей

«Из нищеты нет другого выхода, кроме труда».

Генри Форд

«На их слова «Это невозможно», мы неизменно отвечаем: «Это нужно сделать».

Генри Форд

Но совершить этот отказ от транспортно-сырьевой модели не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. Она настолько глубоко усвоена сибирскими экономистами, что никаких других идей они не имеют и создать пока не могут. Поэтому они и не отказываются от транспортно-сырьевой модели, продолжая попытки ее развития, несмотря на очевидную бессмысленность этого занятия. Ничего другого на замену нет.

В таких ситуациях принято обращаться к иностранному опыту. Что же, это хороший путь, который поможет решить многие вопросы. Но не все. Никакая другая страна в мире не находится в таком же положении и не имеет таких же условий, как Сибирь, и потому многие, если не подавляющее большинство, экономические рецепты должны быть уникальны и максимально приспособлены к сибирским условиям.

В этой главе будет сделана попытка набросать хотя бы самые приблизительные, черновые основы идеи превращения сибирской экономики из сырьевой в производящую. Ни на какую полноту эти очерки не претендуют. Многие аспекты ее будут нуждаться в доводке, доработке и тщательном обсчете. Но я надеюсь, что они смогут толкнуть

мысль сибирских экономистов вперед и привести их к работе над моделью производящей экономики Сибири.

НЕСКОЛЬКО ПРОСТЫХ ОТВЕТОВ

С чего нужно начать разработку новой экономической модели Сибири? С достаточно простых вопросов и ответов на них: что есть, и что можно делать в Сибири.

Предыдущий обзор показал, что в Сибири есть большое количество разнообразных природных ресурсов: топливных, рудных, нерудных, причем в больших количествах. Следовательно, одной из важнейших отраслей сибирского хозяйства будет разработка этих полезных ископаемых.

Если полезные ископаемые добываются, то логично, что они будут перерабатываться поблизости от места добычи, ибо в первоначальном виде сырье не находит себе широкого применения в хозяйстве и почти не может быть товаром. Следовательно, второй важнейшей отраслью будет переработка сырья в промышленные полуфабрикаты и заготовки.

Собственно, это то, на чем строится сегодняшняя экономика Сибири. Производимые в Сибири полуфабрикаты (вроде чернового алюминия, фанштейна, меди, никеля, золота) – товар, на который есть спрос как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Но вот дальше идет то, чем транспортно-сырьевая модель отличается от производящей. Все эти богатейшие ресурсы совершенно необязательно осваивать все и сразу. Совсем необязательно грабить их и снимать самое лучшее: открытые руды и уголь, «легкую нефть» и так далее. Гораздо разумнее и продуктивнее осваивать сравнительно небольшую часть природных ресурсов, но пускать их в максимально глубокую переработку и производство товаров.

Вот здесь начинается сфера совершенно других понятий. Для разработки природных ресурсов Сибири, которые

разбросаны на огромной площади, отличающейся по большей части сложным рельефом и суровыми природными условиями, важнейшим элементом экономики является индустриальная база.

Индустриальная база – это район, где сосредоточено население, промышленность, научно-образовательный потенциал, транспорт, энергетика и так далее. То есть там, где это сырье может быть переработано и превращено в готовые изделия. Для того, чтобы экономика Сибири была эффективной, нужно разрабатывать те месторождения полезных ископаемых, те природные ресурсы, которые лежат поблизости от таких индустриальных баз.

В советской экономике было понятие – территориально-промышленный комплекс, или ТПК. Это наиболее близкое понятие к понятию индустриальной базы. Собственно, ТПК или индустриальные базы являются основами самостоятельного развития сибирской экономики.

Те же природные ресурсы, которые лежат за пределами индустриальных баз, они должны быть пока оставлены без разработки. Они поступят в разработку, когда до них или дотянется уже существующая индустриальная база, или возникнет новая. Масштаб индустриальных баз может быть разный: от крупных комплексов, включающих себя мегаполисы в 1-1,5 млн. человек, до сравнительно небольших комплексов с населением 200-300 тысяч человек.

Что может производить Сибирь, опираясь на свои возможности? Во-первых, высококалорийное, обогащенное топливо. Это могут быть разные виды моторных топлив, авиационный керосин, различные топливные компоненты, обогащенное топливо для металлургии и промышленности, бытовое топливо. Во-вторых, производство высококачественных материалов, как металлических, так и неметаллических. Это могут быть, например, сплавы с различными свойствами, химически чистые металлы, пластмассы, полимерные материалы и так далее. В-третьих, производство химической продукции высокого передела.

Уже эти отрасли, которые сейчас достаточно развиты в Сибири, могут стать высокопродуктивными и эффективными, а также потребуют технического перевооружения и применения НИОКР. Эти отрасли могут выпускать продукцию как для внутреннего потребления, так и на экспорт, тем более, что мировой рынок постоянно нуждается в качественном топливе, материалах и химической продукции.

Следующий сектор сибирского производства – машиностроение. Для развития сибирской экономики он представляет собой один из наиболее важных секторов, потому что без машин и тяжелого оборудования нельзя вести развитие хозяйства. Машины требуются для строительства, для прокладки дорог, для добычи полезных ископаемых, для транспортировки грузов. Развитый горнодобывающий и промышленный сектор экономики требует развитого и разнообразного тяжелого машиностроения.

В настоящее время Сибирь имеет только отдельные отрасли машиностроения. В Советском Союзе, в силу удаленности региона от возможного театра военных действий, в Сибири особенно бурно развивались военное машиностроение. Большинство предприятий этого сектора были нацелены на производство военной продукции.

Есть производство нефтегазодобывающего оборудования, но недостаточно развито производство труб. Есть производство сельскохозяйственных тракторов и комбайнов, но нет производства тяжелых экскаваторов, бульдозеров, тяжелых карьерных грузовиков. Есть выпуск рельс и вагонов, но нет локомотивостроения и выпуска железнодорожных машин. Нет своего автомобилестроения, нет производства двигателей и так далее. Одним словом, сектор машиностроения развит далеко неравномерно, и в существующем виде не покрывает основных потребностей Сибири.

Не стоит забывать о том, что существующие машиностроительные заводы, как правило, работают на крайне изношенном и устаревшем оборудовании, выпуская морально устаревшую технику.

Что из этого нужно? Во-первых, двигатели и генераторы. Сибирь при имеющихся ресурсах может не только обеспечивать себя, но и экспортировать. В этой области нужно подняться и по возможности превысить мировой уровень. Сибирские двигатели и генераторы должны быть максимально легкими, мощными, экономичными, а также работать в экстремальных условиях: на жаре и в сильные морозы.

Во-вторых, транспортное машиностроение. В Сибири должно быть собственное производство железнодорожных локомотивов и машин, автомобилей, судов класса «река» и «река-море», в перспективе подводных судов.

В-третьих, авиастроение. Учитывая, что самолет в Сибири занимает не последнее место в сообщении, то нужно, чтобы Сибирь обеспечивала собственные потребности в самолетах. Причем, они должны быть максимально приспособлены к сибирским условиям.

В-четвертых, горнодобывающая и строительная техника. Это целый спектр продукции от горных комбайнов до карьерных грузовиков, требующий собственной развитой конструкторской школы.

Это то, заделы чему уже есть, и что нам может дать при желании существующая сибирская промышленность. Как видим, при максимальном использовании имеющихся возможностей, Сибирь уже может стать достаточно развитой страной, способной к участию в мировом рынке. Развитие этих отраслей промышленности доступно уже сегодня, если бы сибирские экономисты не занимались рассуждениями в рамках транспортно-сырьевой модели и стенаниями о плохом положении.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Наиболее трудный вопрос в развитии производящей модели сибирской экономики состоит в том, куда идти дальше. Все вышеперечисленное назвать было легко,

потому что эти производства в Сибири уже есть. А теперь ведь нужно обсуждать то, чего в Сибири еще нет, и есть большие сомнения в том, возможно ли создание.

Для сомневающихся в перспективах сибирской экономики стоит напомнить, с чего начиналась история одной из крупнейших в мире фирм, делающих электронику, – Sony.

«Акио Морита с трудом взобрался по шаткой лестнице на третий этаж сгоревшего универмага Широкия в токийском районе Гиндза и выглянул в окно. Всюду был пепел пожарищ. На севере финансовый центр в Маруноучи и магазины в Нихонбаши сгорели до основания. На востоке, за скрученными рельсами железной дороги виднелись обуглившиеся руины театра Такарацука... На улицах внизу топлы шумящих людей просили работы, чтобы прокормить свои голодающие семьи. Морита и его партнер Масару Ибука имели средства только для того, чтобы нанять нескольких людей для небольшой электронной компании. Ее они основали через месяц после капитуляции Японии, в октябре 1945 года. Назвав себя Токийской телекоммуникационной инженерной корпорацией (больше известной как «Сони»), Морита и его потрепанная команда занялись ремонтом и изготовлением радиоприемников, трансформаторов и фонографов для изголодавшегося по музыке населения Токио».¹

Если японцы смогли начать делать электронику в бетонной коробке сгоревшего универмага, то почему в Сибири не могут начать развиваться за пределами убогого «добыть и вывезти»? По-моему, это не вопрос условий Сибири, а вопрос разрухи в головах сибирских экономистов и элиты.

Для развития своих нужд Сибирь больше всего нуждается во всестороннем развитии электроники. Это не дань моде на электронику и информационные технологии, а действительно, настоятельная необходимость для сибирской экономики. Несмотря на то, что регион обладает значитель-

¹ Тацуно Ш. Стратегия – технополисы. М., «Прогресс», 1989, С. 39.

ным населением и трудовыми ресурсами, все равно стоит задача увеличения его продуктивности и интенсивности. Этого можно добиться только применением новейших технологий, новейшего оборудования, станков, производственных комплексов, машин и роботов.

Целый ряд работ, которые сейчас выполняют люди, можно возложить на роботов. Например, актуальная зимой работа по уборке снега, удалению льда с дорог и тротуаров может выполняться автоматическими машинами. Добычу полезных ископаемых в шахтах и карьерах, работу в горячих цехах металлургических заводов, на химическом производстве и так далее также лучше возложить на роботов. Мы не можем себе позволить роскошь платить за уголь и алюминий человеческими жизнями. Необходимо автоматизировать грузовой транспорт.

Для широкого внедрения роботов и автоматического оборудования необходимо мощное развитие электронной промышленности, выпуска компьютеров самого разного назначения, производства программного обеспечения. Это, в свою очередь, требует мощного научно-образовательного комплекса.

Сибири нужна мощная и скоростная связь. Необходимо добиться, чтобы каждый, даже самый малый населенный пункт имел не только дорогу, но и был соединен с системой связи, имел выход в Интернет, доступ к электронным системам управления, дистанционного образования. Связь в условиях Сибири – это один из немногих средств, с помощью чего можно поднять интеллектуальный и образовательный уровень населения региона. Связь нужна и для создания общесибирской сферы средств массовой информации, информационных сетей, в которых регион остро нуждается уже сейчас.

Понятно, что для этого нужно провести быструю и решительную компьютеризацию Сибири от мегаполисов до самых окраин, создать мощную сеть оптоволоконных линий, системы спутниковой связи и трансляции. Нынешние

робкие попытки создавать что-то вроде информационной сферы в Сибири крайне недостаточны. Нужно браться за дело решительно.

СПЛАВ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА

Как это не покажется странным, но сегодня в Сибири главный бастион транспортно-сырьевой модели развития региона находится в сибирских университетах и академических институтах. Скорее всего, именно сибирские ученые будут главными оппонентами этих моих заметок по развитию производящей модели экономики. И это совершенно понятно. Научный комплекс в Сибири создавался с расчетом на обслуживание экономики типа «добыть и вывезти».

Основная часть научного и образовательного комплекса в Сибири возникло уже при советской власти и создание новых учреждений было ориентировано на нужды бурно развивающегося в Сибири сырьевого сектора и военного производства. Это хорошо видно по истории целого ряда сибирских вузов.

До сих пор в регионе не сложилось целостного научно-образовательного комплекса, который мог бы встать в ряд не то, чтобы с мировыми, а даже с ведущими российскими университетами, институтами и академиями. Пока что идет своего рода эпоха «первоначального развития» образования, начавшаяся с открытия в Томске университета в 1888 году.

Эта эпоха «первоначального развития» образования в Сибири еще не завершилась. Сибирская наука и образование пока не смогли перейти в новое качество своей работы, в частности, сформировать устойчивые научные школы, занять лидирующее положение в отраслях науки, а также добиться эффективного использования своих научных наработок. Пока что сибирская наука и образование развивается в рамках старой советской концепции, согласно ко-

торой сибирские вузы и НИИ должны были снабжать подготовленными кадрами крупные промышленные предприятия, а также обеспечивать их по необходимости научно-техническими разработками.

Эта эпоха дала определенные результаты: Сибирское отделение РАН в Новосибирске, более 35 тысяч ученых в Новосибирске и 11,5 тысяч в Красноярске, а также в других городах, сотни тысяч студентов и десятки тысяч аспирантов. Сотни научно-исследовательских институтов, десятки вузов и университетов.

С другой стороны, весь этот большой научно-образовательный комплекс не вносит практически никакого вклада в развитие Сибири. Этому есть ряд причин, в силу которых он оторван от процесса развития Сибири и работы по его развитию еще очень много.

В первую очередь, бросается в глаза, что большая часть корпусов сибирских университетов и институтов расположена в самой гуще городской застройки. Например, в Красноярске, за пределы городской застройки вынесены только главные корпуса Красноярского университета и Красноярской государственной архитектурно-строительной академии. Все остальные университеты, академии и институты находятся в городской застройке.

С одной стороны, это кажется хорошо. Размещение учебных корпусов в центре города сильно способствует учебному процессу. Но, с другой стороны, сжатый плотной застройкой университет не имеет ни одного лишнего квадратного метра для развития, и вынужден довольствоваться тем корпусом, который есть. Хорошо, если он построен специально для института в 60-х или 70-х годах, там еще есть приемлемые условия для обучения и научной деятельности. Но сплошь и рядом университеты имеют корпуса, переоборудованные под учебные на скорую руку или выстроенные даже до революции.

Когда-то эти корпуса выдавались институтам с расчетом на то, что студентам учиться будет легче. В какой-то

степени это оправдалось. Но, по прошествии времени стало ясно, что существенно поднять уровень образования от изрисованной парты и доски с мелом университеты не в состоянии по причине острой нехватки площади и полного отсутствия перспектив для развития.

Даже там, где университеты строились комплексами (Красноярская медакадемия – очень удачно размещенная рядом с комплексом Краевой больницы, Красноярская технологическая академия, Красноярская академия цветных металлов и золота), не было предусмотрено дальнейшее расширение, и они теперь ограничены первоначально выделенной территорией.

Из этого следует два важных следствия. Во-первых, существующие корпуса не резиновые и вместить больше студентов, чем есть, не могут. Это налагает непреодолимый барьер для развития высшего образования в Сибири. Во-вторых, никакого перепрофилирования помещений (вроде выделения комнат для лабораторий, научных кабинетов и так далее) вузы провести не могут. Для их развития нужны новые корпуса, новые помещения, в общем, развитие материально-технической базы.

Причина, которая привела к скучиванию университетов в городской застройке, заключалась в том, что в эпоху бурного промышленного развития Сибири в 60-х-70-х годах XX века возводимые заводы и комбинаты требовали срочно, как можно быстрее, подготовленного персонала. В лучшем случае, для нового или для расширенного института строился специальный комплекс. В худшем и наиболее распространенном, институт создавался на коленке, из нескольких непригодных зданий на предельно слабой материальной базе и энтузиазме преподавателей. Эти родимые пятна «своенческого» происхождения до сих пор хорошо заметны.

Институты в Сибири были ориентированы почти исключительно на обучение. Они должны были поставить некоторое количество специалистов с определенными про-

фессиями. Лишь позже институты стали заниматься научной деятельностью и НИОКР, к тому же, больше в качестве побочного занятия. Основная тяжесть ведения НИОКР ложилась на систему специализированных научно-исследовательских институтов, которая создавалась централизованно. В итоге, научно-образовательный комплекс оказался сосредоточенным только на обучении и проведении НИОКР, а доучивать специалистов на практике и доводить «до железа» разработки должен был кто-то другой.

Это система, при которой университеты выпускают специалистов, НИИ выполняют разработки. По идее, предприятия должны принимать специалистов и внедрять разработки. Но на деле между научно-образовательным комплексом и производством не было связующего звена: опытного производства, или венчурного бизнеса, как говорят теперь. Это то звено, которое давало бы молодым специалистам опыт работы, повышало бы их квалификацию, и обкатывало наработки, доводя их до стадии, когда они пригодны для внедрения. В таком положении дел состоит основная причина, по которой наш научно-образовательный комплекс не делает практически никакого вклада в развитие Сибири.

В принципе, необходимость венчурного бизнеса осознана давно, и университеты вместе с НИИ могли бы эту сферу построить. Но, здесь и сыграли свою роль особенного размещения и тех, и других.

Для опытного производства нужны свободные помещения с коммуникациями и выходами к транспортной системе. Этим университеты не обладали, ибо когда их строили, об этом не думали. НИИ этим также не обладали, но по другой причине. Их размещали в «академгородках» – уютных микрорайонах, на окраинах городов, в живописных лесах. Жить и заниматься наукой там одно удовольствие. Недостаток только один, но существенный: полное отсутствие транспортной и производственной инфраструктуры, что делало невозможным развитие опытного производства.

В конечном счете, научно-образовательный комплекс оказался обреченным на заведомо проигрышную стратегию концентрации на обучении (уже намного отставшим от практики) и на НИОКР (которые мало кому нужны из-за отсутствия испытаний и опытных образцов). Выход из этого только один – ломать сложившуюся структуру и строить новую, более продуманную.

Одним из первых мероприятий по развитию образования в Сибири будет его кардинальная, в буквальном смысле, перестройка. Необходимо избавиться от бессистемно разбросанных в городе корпусов, и перейти на комплексную застройку. Университет должен представлять собой крупный комплекс из учебных корпусов, жилых городков, библиотек, лабораторных и производственных корпусов, соединенных с коммуникациями, грузовым и пассажирским транспортом. В этом случае отдельный научно-образовательный комплекс будет представлять собой достаточно большой учебно-научно-производственный комплекс, обладающий мощным научным потенциалом и значительным запасом подготовленной рабочей силы из числа студентов-старшекурсников и аспирантов, пополняющий ее за счет набора студентов. Соответственно, цикл подготовки будет такой. Первый этап: прохождение общей гуманитарной и профессиональной подготовки. Второй этап: сочетание теоретической профессиональной подготовки с работой на опытном производстве или в НИИ (это могут быть студенты-старшекурсники и аспиранты). Третий этап: выпуск или работа в этом комплексе.

Возможно даже, имеет смысл в крупных городах отводить для развития университетов целые города-спутники. Это сегодняшняя ориентированность на обучение студентов и на НИОКР держит университеты и научно-исследовательские институты в крупных городах. Небольшие города Сибири высшим образованием практически не охвачены. Размещение всех вузов и НИИ в крупных городах полностью понятно, но такая политика представляется стра-

тегически ошибочной. Вне сферы науки и высшего образования остается значительная часть городского населения Сибири и большая часть производства.

Крупные научно-учебно-производственные комплексы уже не получится разместить в мегаполисах, по причине того, что для каждого такого комплекса нужна большая площадь, оборудованная коммуникациями и подъездными путями. Тогда наилучшим местом станут города-спутники, и небольшие города Сибири, особенно при развитии скоростного пассажирского транспорта, связующего между собой города Сибири от Екатеринбурга до Иркутска. Таких городов, лежащих на Транссибе довольно много: Ишим, Калачинск, Чулым, Обь, Юрга, Анжеро-Судженск, Мариинск, Боготол, Ачинск, Канск. Есть также города-спутники у сибирских мегаполисов, где также есть условия для размещения таких комплексов.

По существу, это переход к стратегии развития наукоградов и технополисов, который практикуется во многих развитых странах. В них давно отошли от анахронизма, сохраняющегося у нас, что вся наука и образование должно быть в мегаполисах. Наилучшие условия для развития науки, образования, сопряженных с производством и развитие высоких технологий, складываются как раз в небольших городах. Сибирь также может пойти по этому пути.

Для нас в этом заключается реальный шанс на развитие своего образования от того низкого уровня, который есть теперь. Университеты сейчас разрываются между двумя плохо совместимыми задачами. С одной стороны, они должны давать студенту общую гуманитарную и профессиональную подготовку. С другой стороны, они же должны подготовить из него специалиста, желательно с опытом. Поскольку возможности резко ограничены, то приходится делать выбор в пользу одного из направлений. Общеизвестно, что в университетах больше внимания уделяется общей подготовке, а вот практическая профессиональная подготовка очень поверхностная.

Многочисленные попытки решения этой проблемы так и не принесли никаких результатов. И не могут принести, пока университеты существуют в их сегодняшнем виде.

Если бы было сочетание университетов с венчурным бизнесом, то эта проблема могла бы быть решена таким образом. Студент общую подготовку, гуманитарную и профессиональную, проходит в университете, а профессиональные навыки получает на венчурном предприятии в рамках выбранной специализации. Это позволило бы разгрузить университеты, улучшить уровень общей подготовки, и резко поднять уровень квалификации молодых специалистов.

В рамках нынешней системы, ориентированной на обучение, внешние связи для университета предстают чем-то вроде роскошного излишества. Если все, кроме обучения, есть дело побочное, то на развитие внешних связей, толкающих развитие университетской науки, повышающей квалификацию сотрудников, большого внимания уделяться не будет.

Общие требования к университетам: подготовить такое-то количество студентов по таким-то специальностям и стандартам, также не побуждает к развитию этих внешних связей. Насколько можно судить, этим делом университеты занимаются пожалуй, разве что из соображений престижа.

В итоге университет замыкается в себе, и начинает вариться в собственном соку. Это вторая причина, по которой уровень образования находится на предельно низком уровне. Совершенно неудивительно, что подготовка студентов крайне низка и не соответствует реальным условиям их профессий, если университет оторвался от внешнего мира. Внутри «башни из слоновой кости» развитие останавливается.

Сейчас существует крайне неэффективная и порочная система оценки результатов обучения по формальной успеваемости. Ее неэффективность состоит в первую очередь в том, что таким образом нельзя оценить реальный уровень студента и его готовность к профессиональной деятельности. Успеваемость оценивает формальный уровень усвое-

ния студентом программы, и в ней есть уже на стадии замысла два уязвимых места. Во-первых, программа обучения может сколько угодно далеко расходиться с реальными условиями профессии. Во-вторых, экзаменатор не в состоянии сказать, сможет ли студент применить на практике полученные знания.

Набор сотрудников для университетов также, как правило, происходит на основе показателей формальной успеваемости. В результате этого нехитрого дела снова невозможно оценить, насколько новый преподаватель знает реальные условия своей профессии, к которой он должен готовить, и насколько он сам умеет применять полученные знания. Одним словом, встает вопрос: чему молодой преподаватель будет учить.

В рамках современной системы эта проблема совершенно нерешаема, потому что университеты не имеют никакой возможности отойти от системы оценки по формальной успеваемости. Сегодня это единственный способ контроля обучения, который хоть как-то работает.

В условиях же сочетания обучения с венчурным бизнесом, перевод студента от теоретической подготовки к практике сразу же выявит все изъяны, независимо от того, успевал по программе, или нет. Для успешной работы с новейшим оборудованием, новейшими разработками понадобится реальный высокий уровень студента, а не формальный. Следовательно, и уровень преподавания должен заметно вырасти. Объединение университетов с венчурным бизнесом положит конец формалистике.

В рамках этой системы есть возможность проверять качество подготовки студента практическими результатами, а также видеть, насколько эффективно работают преподаватели. Вместе с формальным контролем успеваемости, получается система перекрестной проверки результатов обучения и степени готовности студента.

Против таких предложений может быть высказано мнение, что университет в принципе не может и даже не дол-

жен зарабатывать средства, а следовательно, и объединение его с НИИ и производством излишне. Однако, это мнение о том, что университет должен заниматься только обучением, – не более чем предрассудок. Это более чем странно, если посмотреть непредвзято: обладать большим научным потенциалом, и не пускать его в дело.

Более того, возможность для заработка, это также возможность развития и улучшения работы университетов, намного большая, чем при нынешнем централизованном финансировании.

Разумеется, права университета в предпринимательстве должны быть ограничены специальными условиями. Во-первых, вся предпринимательская деятельность и производство должно ограничиваться сферой наукоемкого и высокотехнологичного производства, в рамках которых эта деятельность имеет смысл. Во-вторых, объем производства также должен быть ограничен масштабами опытного и малосерийного производства. При этом университетам должно быть предоставлено право участвовать в учреждении компаний для выпуска товаров с применением их наработок и технологий, а также право продажи технологий с определенными условиями использования полученной прибыли.

В-третьих, привлечение студентов к производству также должно быть ограничено. В-четвертых, университеты могут принимать наемный персонал, но его численность также должна быть ограничена. Эти ограничения направлены на то, чтобы комплекс из научно-учебно-производственного комплекса не превращался в чисто производственный комплекс.

Возможно, что именно такое сочетание науки, образования и производства станет тем инструментом, с помощью которого произойдет внедрение научных разработок и высоких технологий в производство. Эти заметки не претендуют на исчерпывающий план, и, конечно, в каждом конкретном случае создание таких научно-учебно-производствен-

ных комплексов будет идти по-своему, в зависимости от конкретных условий. Но, думается, общий принцип понятен. Самое главное – давно пора перейти от разговоров о том, что хорошо бы внедрять высокие технологии, к созданию конкретных инструментов для их внедрения.

СИБИРСКИЙ «СИНКАНСЭН»

1 октября 1964 года от Токийского вокзала отошел новый скоростной поезд «Синкансэн» (буквальный перевод «Новая магистраль»). На пути в Осаку поезд развил скорость в 140 км/ч, и прибыл в конечный пункт через четыре часа после отправления, преодолев за это время 552,6 километров.

С тех пор поезда «Синкансэн» стали своего рода визитной карточкой Японии, отлично вписавшись в японские пейзажи, систему пассажирских перевозок и экономику страны. Теперь поезда значительно улучшились, и новейший образец N-700, испытанный в июле 2005 года, развивает скорость до 300 км/ч. Линии скоростных поездов протянулись по всему острову Хонсю, от Токио до Мориока на севере, до Фукуока на юге и до Ниигаты на западе. Общая протяженность линий – 2153,9 километров.

Разрабатывается высокоскоростной поезд на магнитной подушке, который сможет развивать скорость в 650 км/ч, что позволит проехать из Токио в Осаку менее чем за час.

Скоростной пассажирский поезд многое сделал для японской экономики. В частности, «Синкансэн» сделал возможным бурное экономическое развитие многих японских регионов. Например, город Нагаока в префектуре Ниигата, которая еще до 1985 года была отсталым и изолированным от внешнего мира районом, резко стал развиваться после проведения скоростной железной дороги и автомагистрали.¹

¹ Тацуно Ш. Стратегия – технополисы. М., «Прогресс», 1989, С. 211-213.

В префектуре было много промышленных предприятий («Хонда», «Ниссан», «Судзуки», «Мацусита», НЭК, «Нихон сейки», «Санъё»), но удаленность от Токио и малые перспективы для роста в самом городе вынуждали выпускников уезжать в столицу.

В общем, ситуация, примерно такая же, как в сибирских регионах. Но проведение линии скоростной магистрали, которая сократила время поездки в Токио до двух часов, позволило префектуре развернуть проект превращения города в центр научных исследований и высокотехнологичного производства. Теперь Нагаока – один из крупнейших в Японии центров научных исследований и высоких технологий.

Большинство наукоградов и центров высоких технологий на острове Хонсю возникали на линии «Синкансэн» и с ее помощью. Эта скоростная железная дорога обеспечивала связь между городами и научными центрами, способствуя высокой деловой и исследовательской активности.

Развитие бизнеса и науки невозможно без установления широких контактов. Науке нужен обмен идеями и результатами, бизнесу нужны связи с поставщиками, с покупателями и кредиторами. Причем, если наука и бизнес ставятся на высокий уровень, возможность для этих контактов должна быть доступной всегда, и поездки не должны занимать много времени.

В этом деле есть выбор между самолетом и скоростным поездом. Но последний предпочтительнее, потому что дает возможность для быстрых контактов для большего числа людей, чем авиатранспорт. «Синкансэн», к примеру, перевозит 800 пассажиров, столько же, сколько современный магистральный аэробус, тогда как вместимость большинства современных региональных самолетов не превышает 100-120 человек. Между тем, в Японии разрабатывается поезд вместимостью 1300 человек, который будет перевозить в 1,5 раза больше пассажиров, чем аэробус.

Не стоит сбрасывать со счетов, что поезд является бо-

лее безопасным видом транспорта. «Синкансэн» сошел с рельс только один за сорок лет эксплуатации – 27 октября 2004 года после 6-балльного землетрясения.

Крупные города Сибири обладают на сегодняшний день довольно значительным потенциалом в экономике, промышленности, науке. В ряде городов имеются крупные высшие учебные заведения, научные городки, предприятия, производящие высокотехнологичную продукцию. Но, пожалуй, не хватает хорошей связи между сибирскими городами. Пассажирский поезд идет от Екатеринбурга до Иркутска 52 часа 45 минут, то есть более двух суток. На поездку нужно выделять по меньшей мере неделю, что доступно далеко не каждому человеку, особенно если он бизнесмен. Феномен взаимной изоляции сибирских регионов друг от друга в научных кругах был замечен уже в 80-х годах, но в 90-е годы XX века он стал особенно силен и замечен. Эта взаимная изоляция подрывает экономическое и общественное развитие Сибири, препятствует сложению единого сибирского хозяйственного комплекса.

Для коренного улучшения ситуации необходимо в Сибири создавать собственную систему специального скоростного пассажирского транспорта. Сибирские города не могут развиваться дальше на основе стремительного устаревающего железнодорожного транспорта, позднки в котором отнимают массу времени. Если в грузовых перевозках современный железнодорожный транспорт еще может быть использован достаточно долгое время до появления новых транспортных систем, более скоростных и с большей пропускной способностью, то пассажирский транспорт уже сейчас нуждается в модернизации.

В Сибири существует значительный пассажирооборот. За 2004 год перевезено в общей сложности 121,9 млн. человек по железной дороге. Из этого количества, на Западно-Сибирскую железную дорогу выпадает 95,9 млн. человек, на Восточно-Сибирскую железную дорогу – 26 млн. человек.

Основная часть пассажиров перевозится в поездах пригородного сообщения. На ЗСЖД – 87,1 млн. человек в год, на ВСЖД – 22 млн. человек, – 89,4% всего пассажирооборота. Эти сведения показывают, что основная часть пассажиров перемещается между сибирскими городами, в особенности между крупными городами, городами-спутниками и небольшими городами. Собственно, система пригородных пассажирских перевозок ориентирована как раз на перевозку пассажиров между такими городами.

У этой системы есть ряд организационных недостатков. Во-первых, задача перевозки пассажиров между городами совмещена с развозом пассажиров по дачным поселкам. В итоге используются малокомфортные электрички, которые имеют много остановок в пути, что приводит к низкой средней скорости и большому времени нахождения в пути.

Эту задачу пытаются сейчас решить путем введения «железнодорожных автобусов», в особенности пассажирской компанией «Кузбасс-пригород» ЗСЖД. При достаточно удачном замысле, все равно, это половинчатое решение, которое не решает кардинально проблемы пассажирского сообщения между городами, ибо скорость «железнодорожного автобуса» не превысит средней скорости движения на магистрали.

Во-вторых, ни электрички, ни «железнодорожные автобусы» не в состоянии увеличить скорость движения и сократить время пути. Последние могут улучшить только комфорт поездки.

Высокоскоростной поезд может взять на себя примерно 40-45% пригородного сообщения, 50-60% сообщения дальнего следования, то есть приблизительно 50-56 млн. пассажиров в год. Дополнительно он может взять на себя часть пассажиров, пользующихся самолетами. Это, конечно, не сравнится пока с достижениями «Синкансэн», перевозящем около 267 млн. человек в год, но все же для начала вполне неплохо.

МАГИСТРАЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГ – ИРКУТСК

Высокоскоростная магистраль будет работать наилучшим образом, если она соединит главные сибирские города: Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск. По этому маршруту передвигается наибольший пассажиропоток, и эти города занимают ведущее место в сибирской экономике. Расстояние от Екатеринбурга до Иркутска по железной дороге – 3373 километра. Скоростная магистраль, проложенная вдоль существующей железной дороги, соединит Екатеринбург, Тюмень, Ишим, Омск, Новосибирск, Ачинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск, Иркутск.

Современный пассажирский поезд проходит это расстояние за 52 часа 45 минут. Скоростной поезд при скорости 270 км/ч пройдет это расстояние за 12 часов 25 минут, то есть вчетверо быстрее.

Между городами Западной Сибири поезд будет идти от одного до полутора часов, вместо современных 4-5 часов. От Новосибирска до Красноярска (761 километр) скоростной поезд пройдет за 2 часа 50 минут. От Красноярска до Иркутска (1087 километров) – за 4 часа. То есть, связи даже между довольно отдаленными крупными городами Восточной Сибири станут сегодня так же доступны, как сегодня доступен междугородний автобус.

Вне этой линии пока остаются крупные города: Курган, Челябинск, Барнаул, Кемерово, Томск, Абакан. Соединить их скоростным сообщением можно с помощью второй очереди магистрали, которая складывается из следующих линий: Челябинск-Курган-Омск, Новосибирск-Барнаул-Новокузнецк-Междуреченск-Абакан-Тайшет, а также Омск-Тайга-Кемерово-Новокузнецк.

Скоростная железная дорога – это дорогой проект. В середине 2004 года японские компании подготовили проект скоростных линий в Китае протяженностью порядка 2 тысяч километров, который обойдется в 900 млн. долла-

ров. Каждый километр такой дороги обойдется в среднем в 450 тысяч долларов.

Расстояние от Екатеринбурга до Иркутска – 3373 километра. Если принять стоимость километра в 450 тысяч долларов, то общие затраты на всю дорогу встанут приблизительно в 1,51 млрд. долларов. С учетом развития научно-производственной базы, производства поездов, затраты можно определить приблизительно в 2,5-3 млрд. долларов.

В развитии технологий скоростных пассажирских перевозок можно опираться на опыт ногих стран: Японии, Франции, Германии. Но в этом деле есть ряд проблем. Японский «Синкансэн» разрабатывался исходя из колеи 1435 мм. В России принята колея 1520 мм, и, соответственно, вполне логично разрабатывать скоростной поезд на основе российской широкой колеи, что позволит использовать для развития инфраструктуры скоростной магистрали существующие заводы, а также использовать имеющуюся железнодорожную сеть в строительстве и эксплуатации линии.

Разница в ширине колеи не позволит непосредственно использовать японские поезда и японское оборудование, и ставит задачи собственной разработки как самого поезда, так и необходимого оборудования для обеспечения движения, потому что в Сибири есть и другие специфические условия.

Японский поезд ориентирован на условия Японии. В частности, он имеет систему экстренной остановки при землетрясении. Но в Сибири условия другие, и скоростной поезд необходимо разрабатывать под них. Во-первых, это возможность движения поезда в условиях низких температур, по меньшей мере до -45 градусов. Во-вторых, это обеспечение безопасности движения в условиях резкого скачка температур, до 30-35 градусов за сутки. В-третьих, это борьба со снеготаносами на линии. Хотя, система остановки при землетрясении тоже не помешает, учитывая время от времени происходящие в Сибири землетрясения.

Когда дело дойдет до конкретных шагов по реализации этого проекта, скорее всего, появится поезд, способный

развивать большую скорость. Возможно, что уже на первых шагах стоит рассчитывать два проекта: на скорость в 300 км/ч, и на скорость в 650 км/ч и выше. Во втором варианте время в пути сократится до 5 часов 20 минут, а время пути между городами, в Западной Сибири до 30 минут, а в Восточной Сибири до 50 минут. Время в пути от Новосибирска до Красноярска сократится до 1 часа 15 минут, а от Красноярска до Иркутска – до 1 часа 45 минут.

Понятно, что при таком радикальном сокращении времени на поездки, произойдет резкое ускорение темпа деловой жизни. Возможность быстро прибыть в крупные города, позволит бизнесменам небольших городов на равных участвовать в конкурентной борьбе, в тендерах и конкурсах. Высокая скорость сообщения позволит переводит из крупных городов в небольшие заводы, предприятия, конторы и учреждения. По сути, произойдет сращивание нескольких городов в огромную агломерацию, разорванную географически, но объединенную транспортной системой. Например, стянутся в один «город» Тюмень, Ишим и Омск. В один город превратятся Красноярск и Боготол, Ачинск, Уяр, и городская агломерация сложится по всей ширине Красноярского края на широте Красноярска. На второй очереди скоростного транспорта появятся и другие агломерации-стяжения.

При существующем пассажирском транспорте нечего и мечтать о выносе университетов и производств из крупных сибирских городов в небольшие. При наличии же скоростного пассажирского транспорта эта проблема решается.

Сибирский «Синкансэн» вызовет несколько крупных последствий. Во-первых, рост населения Сибири, который сейчас тормозится плохим развитием транспорта. Люди не хотят жить в небольших городах, с плохо развитой социальной сферой, а доступ в крупные города затруднен низким уровнем развития пассажирского транспорта. Во-вторых, рост и уплотнение структуры внутреннего рынка региона. В-третьих, бурное развитие науки и образования за

счет легкости контактов, ныне затрудненных до крайности. Сибирский «Синкансэн» даст мощный толчок развитию Сибири, особенно в науке, в высокотехнологичном производстве и деловой активности.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Если подвести все вышесказанное, то в число основных направлений работы, которая изменит лицо Сибири, входят: развитие электроники, создание интегрированных научно-образовательно-производственных комплексов и строительство линии скоростного пассажирского транспорта. Это основные элементы новой сибирской экономики, которые позволят использовать уже имеющийся у нас потенциал на полную мощь.

Составить эти, или подобные проекты для Сибири — дело несложное. Прюобразы того, что нам необходимо, давно известны и доступны для изучения. После сравнительно несложного анализа сибирских условий и подсчетов становится ясно, в каком виде это может быть реализовано. Я специально не вдаюсь в более подробные расчеты и описания проектов, поскольку не имею возможности довести их до стадии детальной технической разработки. Эта работа останется на долю специалистов. Моя же задача состоит в том, чтобы показать: Сибирь не привязана, как колодник цепями, к добыче и вывозу сырья. Она может и должна развиваться новейшими технологиями, выходить на самый высокий мировой уровень. Именно в этом и состоит главный смысл моих предложений. Сейчас проект сибирского «Синкансэна» выглядит как ненаучная фантастика. Но он позволяет взглянуть на Сибирь и ее развитие с совершенно другой, непривычной точки зрения.

Главное препятствие развитию Сибири я вижу не в нехватке средств, и даже не в политике центра, а в том, что

сибирскими экономистами и инженерами безраздельно владеет транспортно-сырьевая модель сибирской экономики. Сейчас они – рабы этой теории. Практически невозможно найти статью или научный сборник, посвященный проблемам экономики Сибири, где развивались бы идеи, отличные от транспортно-сырьевой модели. Это повергает в шок. Понятно, если бы такие идеи развивали некоторые малограмотные московские «эксперты», которые не всегда могут отличить Красноярский край от Краснодарского. Но когда за эту убудочную идею цепляются изо всех сил сибиряки – это более чем странно.

Сибирь не получит развития, если с господством транспортно-сырьевой модели экономики не будет быстро и решительно покончено.

Глава 9

Цельность сибирской экономики

«Здесь же я хочу указать лишь на то обстоятельство, что невозможно концентрировать производство на одном определенном предмете, не потратив огромного количества времени на его предварительное изучение. Невозможно в один день разрешить все вопросы и наметить все планы».

Генри Форд

Экономика Сибири долгое время развивалась исходя из интересов промышленности Евроссии, в качестве поставщика сырья и топлива, в качестве предприятий-дублеров на случай военной опасности. Исходя из подобных предпосылок сибирская промышленность развивалась в XVIII и XIX веках, и, особенно, в XX веке.

Подобное развитие имело собой несколько важных для нас последствий. Во-первых, экономическое развитие Сибири было крайне неравномерным. Наряду с мощными регионами, с крупными промышленными и научными комплексами, существовали бедные регионы всего с несколькими предприятиями, со слабо развитым хозяйством и дорожной сетью. Например, такой характер развития виден на примере Красноярского края, Республики Хакасия, Республики Тыва. И них последний регион – один из беднейших не только в Сибири, но и в России.

Неравномерно развивались и промышленные комплексы, в которых с очевидностью был заметен уклон в производство полуфабрикатов. Уже тяжелое машиностроение не получило целостного развития, не говоря о более сложных и более наукоемких отраслях. Целостный комплекс создавался в Евроссии, которая и сейчас выпускает до 75% промышленной продукции в России, а Сибирь была лишь своего рода подсобным цехом.

Отсутствие цельности видно и в транспортной системе Сибири, которая с очевидностью ориентирована на вывоз грузов в Евроссию, и в небольшой степени на Дальний Восток. Сейчас ее пытаются переделать в транзитную систему из портов Дальнего Востока в порты Балтики, но и это не является целостным развитием транспортной системы Сибири. Поэтому, кроме перехода от транспортно-сырьевой модели экономики к производящей, перед экономикой Сибири встает задача завершения развития имеющихся индустриальных баз, или территориально-производственных комплексов, создания недостающих элементов.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ БАЗЫ СИБИРИ

В рамках этого вопроса нам необходимо снова вернуться к теме индустриальных баз Сибири и более глубокой разработки природных ресурсов. Принято

считать, почему-то, что главные богатства Сибири сосредоточены на севере, где-то рядом с Полярным кругом. В этом утверждении есть конечно определенная справедливость, и действительно в приполярных районах залегают огромные запасы энергоносителей, руд металлов и других полезных ископаемых.

Но истинное положение дел этим не ограничивается. Значительная часть природных ресурсов расположена на юге Сибири, причем эта часть лежит в районах с населением и развитой промышленностью, и доступна для разработки.

В рамках транспортно-сырьевой модели экономики, когда Сибирь рассматривалась как склад сырья и топлива, хозяйственники брали только то, что лежит практически на поверхности. Если внимательно рассмотреть добычу полезных ископаемых, то в Сибири с больших глубин добывается только нефть и газ в Западной Сибири, уголь в Кузбассе, и частично медная и никелевая руда в районе Норильска. Во всех остальных местах властвует практически безраздельно открытый способ добычи, самый дешевый, как считалось в Советском Союзе.

Если сравнивать стоимость карьера и шахты, то действительно карьер дешевле, и добыча там меньше по себестоимости. Но он позволяет эксплуатировать только небольшую часть запасов полезных ископаемых, которые лежат буквально в нескольких метрах от поверхности. Ни о каком интенсивном использовании при карьерной добыче речи быть не может. Кроме того, карьер все же портит плодородные земли, и после него площадь добычи нуждается в серьезной и дорогостоящей рекультивации.

Именно погоня за «легкими ресурсами» вынуждала советских хозяйственников расплывать свои силы по огромной территории Сибири, забираться в труднодоступные районы, тратить огромные средства на строительство в дикой и ненаселенной местности первоначальной инфраструктуры. Мало того, что тратились совершенно немыслимые средства на строительство в западносибирских болотах и

тундре, в горной тайге, так еще добытое сырье вывозилось в Евросию, за 3-4 тысячи километров, наворачивая по дороге огромные транспортные расходы.

Это произошло оттого, что в 50-е годы, вместе с началом «освоенческого» бума, были отброшены перспективные идеи Н.Н. Колосовского, который призывал к совершенному другому пути развития – созданию экономических районов в виде производственных комплексов.

Он ввел понятие «энергопроизводственный цикл», который понимал так: ...понимается вся совокупность производственных процессов, последовательно развертывающихся в экономическом районе СССР на основе сочетания данного вида энергии и сырья, от первичных форм – добычи и облагораживания сырья – до получения всех видов готовой продукции, которые можно производить на месте, по принципу приближения производства к источникам сырья и энергии, и рационального использования всех компонентов сырья и энергетических ресурсов».¹

Вот этот принцип, выработанный еще на заре советского экономического планирования, необходимо, на мой взгляд, положить в основу развития сибирской экономики.

Этот принцип, будучи последовательно примененным, ведет к совершенно другой сибирской экономике, чем есть сейчас. Он позволяет отказаться от размазывания производительных сил по огромной территории, и сосредоточиться на территориях, давно обжитых. Сибирская промышленность сосредотачивается в сравнительно небольших районах, но стремится максимально использовать все возможные ресурсы этих районов.

В уже давно освоенных районах Сибири ресурсов достаточно для динамичного развития в течение сотен лет. Например, самой большой ценностью Южной Сибири яв-

¹ Белоусов И.И. Основы учения об экономическом районировании (Размещение и районирование производительных сил). М., «Издательство МГУ», 1976, С. 163.

ляется Кузнецкий угольный бассейн – один из самых крупных угольных бассейнов в мире, обладающий запасами в 733 млрд. тонн угля. Разрабатывать его выгодно, ибо он расположен в центре густонаселенной Кузнецкой котловины, имеет мощные пласты (до 14-15 метров), и уголь его высокого качества, с большой долей коксующегося угля. Много угля есть в Новосибирской области. Горловский угольный бассейн обладает запасами в 412,1 млн. высококачественного угля и 1,9 млрд. тонн антрацитов. Угольный бассейн – это не только минеральное топливо. Это еще внутрипластовый газ, а также ценное химическое сырье, получаемое при коксовании угля.

Если продолжать перечислять только энергоносители, имеющиеся в трех областях Западной Сибири, то нужно назвать томские запасы нефти и газа: порядка 3,1 млрд. тонн нефти и 1,7 трлн. кубометров газа. Энергоносителем также является торф – 31 млрд. тонн. Нефть, газ и торф есть в Новосибирской области: 209 млн. тонн нефти, 4,5 млрд. кубометров газа и около 7,2 млрд. тонн торфа.

В Кемеровской области есть также большие запасы железной руды. 68,1 млн. тонн в Кузнецком Алатау и 2,1 млрд. тонн в Горной Шории. Томская область, находящаяся к северу, обладает огромными запасами качественной железной руды. Уникальное Бакcharское месторождение содержит 110 млрд. тонн руды, с содержанием железа в 62%. Также есть огромные запасы титановых руд в Томской области, месторождение марганцевых руд в Кемеровской области. Большие и разнообразные запасы полезных ископаемых есть в Алтайском крае: золото, серебро, натрий, барит, сера, никеля, кобальта, титана, ванадия, хрома, минеральных солей с содержанием разных металлов. Республика Алтай также богата природными ресурсами. Открыто более 800 месторождений: магний, ртуть, вольфрам, молибден, кобальт, никель, висмут, золото.

Это почти наверняка только приблизительные данные, поскольку в промышленное использование не вовлекались

небольшие месторождения, и данных о них собрать очень трудно. Только эти пять областей Западной Сибири, занимающих 851,4 тысяч квадратных километров и имеющих население 9,7 млн. человек (по данным на 1996 год), обладают огромными запасами энергоносителей, топлива, сырья. Если дело обстоит таким образом, то зачем сейчас лезть изо всех сил на север, за Полярный круг, когда можно и нужно использовать эти богатства, лежащие под ногами? Месторождения полезных ископаемых даже в Южной Сибири разрабатываются пока в незначительных объемах. Полное же и всестороннее использование всего этого богатства позволит Сибири создать собственную, устойчивую и хорошо обеспеченную сырьем экономику.

Описанные пять областей: Новосибирская, Кемеровская, Томская области, Алтайский край и Республика Алтай – это одна из главных индустриальных баз Сибири, о чем уже говорилось в главе о предпосылках сибирской самостоятельности. Здесь сочетаются природные ресурсы, мощная тяжелая промышленность (Кемеровская область для Западной Сибири поставляла 98% угля и 95% стали), химическая промышленность по переработке угля, нефти и природного газа, черная и цветная металлургия, машиностроение и наукоемкое производство, научно-образовательный потенциал. Также эти области являются одними из крупнейших сельскохозяйственных районов России.

Если бы Сибирь ограничивалась только этим районом, то она могла бы процветать.

Рассмотрим другие индустриальные базы Сибири. Вторая по значимости индустриальная база сложилась на основе Тюменской и Омской областей. Этот район занимает территорию в 1574,7 тысяч квадратных километров, имеет население 5,3 млн. человек. Это район добычи нефти и газа, который сейчас обеспечивает большую часть добычи жидких углеводородов в России. В Омской области находится мощнейший в Сибири комплекс по переработке нефти и производства химических продуктов.

Вот с другими районами Сибири будет гораздо сложнее. Там развитие хозяйственного комплекса, а также перспективы явно не совпадают с существующим административным делением. Например, Красноярский край объединяет в себе два крупных экономических района: южный, находящийся в верхнем течении Енисея, и включающий в себя Республику Хакасию и Республику Тыва, и северный, вокруг Норильского промышленного района.

Вероятно, сложится экономический район, включающий в себя территории, прилегающие к Ангаре, которые сейчас входят в состав Красноярского края и Иркутской области.

По всей видимости, эта индустриальная база Сибири еще не сформировалась окончательно, что видно хотя бы на примере развития Ангаро-Енисейского проекта или проекта Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Это более чем странное сочетание гипертрофированной энергетики и производства алюминия со слабым развитием переработки и машиностроения.

Аналогичным образом обстоит дело с Иркутской и Читинской областями и Республикой Бурятией. Экономика Иркутской области с очевидностью завязана на гидроэнергетику и выплавку алюминия, а вот уникальные по запасам и разнообразию природные ресурсы Бурятии и Забайкалья практически не тронуты разработкой. И здесь точно также гипертрофированы энергетические и сырьевые отрасли, и слабое развитие получила обрабатывающая промышленность и машиностроение. Это также формирующаяся индустриальная база.

Подведем краткие итоги. Эти индустриальные базы можно обозначить так. Западную (Тюменская и Омская области) индустриальную базу можно назвать Тюменской, поскольку она исторически соответствует территории Сибирского ханства и всех предшествовавших ему государств. Можно выделить две центральные индустриальные базы. Первую из них (Томская, Новосибирская, Кемеровс-

кая области, Алтайский край, Республика Алтай) можно назвать Алтайской, поскольку большая часть ее территории лежит в предгорьях северного Алтая. Исторически, это северная часть Первого Тюркского каганата и территория Кимакского каганата. Вторую (южная часть Красноярского края, Республики Хакасия и Тыва), можно назвать Хакасской, которая соответствует Кыргызскому каганату. Формируется индустриальная база вокруг Байкала, которую можно назвать Монгольской, эта территория была центром сложения Монгольского государства.

Индустриальная база	Состав	Соответствие древним государствам
Тюменская	Тюменская, Омская области	Сибирское ханство, Государство кочевых узбеков, Огузский каганат
Алтайская	Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, Республика Алтай	Тюркский каганат, Кимакский каганат
Хакасская	Южная часть Красноярского края, Республика Хакасия, Республика Тыва	Кыргызский каганат, Уйгурский каганат
Монгольская	Иркутская, Читинская области, Республика Бурятия	Монгольское государство

Эта таблица, с указаниями соответствий территорий древним государствам, призвана показать, что такое развитие Сибири не является случайным делом, или произволом автора. Под ним – опыт экономического и политического развития, накопленного в течение столетий.

Если рассматривать сложившееся положение, то какая индустриальная база станет ведущей в сибирской экономике, своего рода локомотивом развития. Практически бесспорно – Алтайская. Она, в отличие от других баз, наиболее сформирована, обладает большими ресурсами, и занимает центральное положение в Сибири.

«ГОЭЛРО» ДЛЯ СИБИРИ

Ведущая индустриальная база в Сибири, которая обладает наибольшими возможностями для развития, обладает, тем не менее, огромным недостатком. Это – слабость энергетики. Промышленность этого района сложилась во время войны, путем переброски эвакуированных предприятий, и потому здесь развитие производства резко опережало развитие энергетики. Потом, после войны, наиболее резкие диспропорции сгладили, однако, общая проблема осталась. Индустриальное ядро Сибири – Кемеровская область, обладает одной из наиболее слабых энергосистем в Сибири, явно не соответствующей ее промышленному комплексу.

В России сейчас ведется реформа электроэнергетики, в рамках которой осуществляется разделение единого энергетического комплекса на отдельные элементы и сборка из этих элементов новой энергосистемы. Правда, стоит заметить, что эти проекты практически не касаются вопроса о дальнейшем развитии основных фондов, мощностей отрасли, а касаются, в основном, планов чисто административного реформирования предприятий отрасли и системы сбыта энергии, как электрической, так и тепловой.

Однако, на мой взгляд, главный вопрос в реформе электроэнергетики – это именно вопрос основных фондов, мощностей, вопрос дальнейшего увеличения выработки энергии и сглаживания региональных диспропорций.

Для начала проведем небольшой обзор сложившейся и доставшейся в наследство от Советского Союза энерго-

системы южной Сибири и Казахстана. В том виде, в каком она сейчас существует, она реализовывала идею академика А.Е. Пробста о производстве энергии и топливе в тех районах, где это можно делать с наименьшей себестоимостью. В начале 60-х годов XX века А.Е. Пробст разработал новую схему снабжения топливом народного хозяйства СССР, в которой главными производителями топлива, в первую очередь угля, а потом и нефти и электроэнергии, была Западная Сибирь и Казахстан.

Академик доказывал свою мысль очень просто. Он приводил данные по себестоимости добычи тонны угля по разным бассейнам Советского Союза. В качестве норматива бралась себестоимость добычи в Донецком бассейне, составлявшая в 60-х годах 11,9 рублей за тонну угля. В ряде бассейнов себестоимость поднималась до 18 и даже до 20 рублей. А вот в Сибири себестоимость была очень низкой. Уголь из открытых разрезов Восточной Сибири (в первую очередь Назаровского и Бородинского разрезов) стоил 6,5 рублей за тонну. Следом шел кузнецкий уголь – 7,5 рублей за тонну. За ним шел карагандинский уголь, стоивший 9,1 рубля за тонну. Чуть позднее был подготовлен для промышленной разработки Экибастузский бассейн, себестоимость угля на котором составляла 5,5 рублей за тонну.

Список наиболее выгодных для разработки и развития энергетики угольных бассейнов определился: Экибастузский, Канско-Ачинский и Кузнецкий. Поскольку в Кузнецком бассейне добывался высококачественный коксующийся уголь, то его ориентировали на снабжение минеральным топливом промышленности Сибири и северного Казахстана. Остальные бассейны стали центрами развития теплоэнергетики.

В дополнение к теплоэнергетики Сибири на Енисее был создан каскад крупнейших гидроэлектростанций, с очень дешевой по себестоимости электроэнергией. Рядом с этими станциями вырос Красноярский ТПК, и часть энергии передавалась в Западную Сибирь. «Красноярскэнерго» с вводом этих станций в строй превратилась в одну из самых

мощных энергосистем Советского Союза и мира. В ее составе были: 6 ТЭЦ, 3 ГРЭС мощностью от 480 до 1250 тысяч кВт, и 2 ГЭС, мощностью 6 млн. и 6,5 млн. кВт. В начале 70-х годов стартовала большая программа развития Канско-Ачинского угольного бассейна и развития тепловой энергетики – «КАТЭК». Предполагалось ввести в строй еще дополнительно 8,5 млн. кВт генерирующих мощностей.

Мощная тепловая энергетика была создана в Северном Казахстане. Ее главными станциями были две Экибастузские ГРЭС, Карагандинская и Павлодарская ГРЭС.

Однако, у этой системы были ярко выраженные недостатки. В погоне за дешевизной топлива и энергии было отодвинуто на второй план развитие энергетики в крупнейших промышленных районах южной Сибири: Кемеровской, Новосибирской и Омской областях. При больших топливно-энергетических ресурсах, здесь не строилось крупных электростанций, и не было стремления сделать этот промышленный регион самодостаточным в плане снабжения энергией. Наихудшее положение сложилось в Кузбассе, энергосистема которого основана на 2,5 тысячах мелких электростанций и генераторов, большая часть из которых к 1990 году была морально устаревшей и физически изношенной. Кузбасс для восполнения потребности вынужден был получать 7,9 млрд. кВт/ч в год (по данным 1995 года).

Аналогичное положение было в Омской, Томской, Новосибирской областях и Алтайском крае. Весь регион, то есть вся Алтайская индустриальная база Сибири, восполнял потребление энергии получением извне 30,9 млрд. кВт/ч в год (по данным 1990 года). Логичнее было бы развивать энергетику самого мощного промышленного района Сибири – Кемеровской области, благо топлива здесь имеется в избытке, а энергоресурсы Красноярского края направить на подключение новых энергоемких производств и дальнейшего развития территориально-производственного комплекса. Однако, соображения быстрой экономии взяли верх, и сложилась такая явно нерациональная энергосистема.

Собственно, и сейчас в рамках реформы электроэнергетики, основной мыслью является создание возможности передачи электроэнергии от конкретной электростанции к конкретному потребителю по всей стране. В структуре каждой Оптовой генерирующей компании (ОГК) входят несколько электростанций, расположенных в разных концах страны, в результате чего каждая ОГК может поставлять электроэнергию практически любому потребителю.

Такой подход имеет свои достоинства и недостатки, однако в рамках задачи развития индустриальных баз Сибири он имеет такой важный недостаток, как отсутствие стратегии развития энергетики каждого региона. Это в создании оптового рынка электроэнергии не нужно, потому что каждый потребитель может покупать электроэнергию у любой оптовой компании и получать ее с ближайшей электростанции.

К тому же, эта система совсем не гарантирует стабильности и надежности энергоснабжения. Если до создания первых рынков электроэнергии «Красноярскэнерго» производило энергии больше, чем потреблялось в крае, и эти излишки передавались в Западную Сибирь, то уже в 1993 году положение изменилось.

Из состава «Красноярскэнерго» были выделены Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС, Красноярская и Березовская ГРЭС-1, общей мощностью 15 млн. кВт. Энергосистема, ранее поставлявшая в Западную Сибирь 23,5 млрд. кВт/ч электроэнергии, оказалась вынужденной покупать энергию для обеспечения Красноярского края по 5 млрд. кВт/ч в год. С организацией оптовых компаний рынок расширяется до размеров всего потребления электроэнергии. Каждый регион и каждый крупный потребитель должны будут обеспечивать себя или путем договоров с оптовыми компаниями, или покупкой энергии на бирже.

Это положение опасно для Алтайской индустриальной базы тем, что доля получаемой извне энергии будет расти, а доля собственной энергии будет уменьшаться.

Даже при том, что создан рынок, даже при том, что цена определяется торгами, все равно никто не отменял потерь электроэнергии при дальней передаче и необходимости бесперебойного питания крупных потребителей, особенно заводов с непрерывным циклом. Да и цена электроэнергии в системе оптового рынка будет заметно выше, чем при существовавшей системе.

Это иллюстрируется такими данными и прогнозами. В 1995 году Кемеровская область получала извне 7 млрд. кВт/ч, а к 2010 году прогнозируется получение уже 10 млрд., что даже больше, чем в 1990 году. Новосибирская область получала в 1995 году 5,2 млрд. кВт/ч, и прогнозируется прирост передачи извне в область до 8-10 млрд., что также значительно больше, чем передавалось в 1990 году.

Омская область и Алтайский край охотно идут на покупку энергии в Казахстане, и получали до 2002 года до 2,5 млрд. кВт/ч. В 2003 году объем поставок вырос до 4 млрд. кВт/ч. Омский и Алтайский край получают извне суммарно 8,2 млрд. кВт/ч (в т.ч. Алтайский край – 5,2 млрд.), и до 2010 года прогнозируется прирост передачи до 10,6-11,9 млрд. (в т.ч. Алтайский край – 7,4 млрд.) кВт/ч. Сегодня этот сектор рынка заполнен казахской энергией на 47%.

При взгляде на Южной Сибири, видно, что главной проблемой является энергонедостаточность южных регионов Западной Сибири, в первую очередь промышленно развитых Кемеровской и Новосибирской областей. Энергетические мощности Кемеровской области и до 1990 года существенно отставали от производственных. В 1990 году производилось 28,5 млрд. кВт/ч электроэнергии, а потреблялось 37 млрд. кВт/ч. 27% электроэнергии передавалось в Кемеровскую область из других регионов Сибири, больше всего из Красноярского края, где электроэнергии производилось больше, чем потреблялось.

Между тем, в Кузбассе сосредоточены энергоемкие производства: угледобыча, выплавка стали, в том числе и электростали, выплавка алюминия, тяжелое машинострое-

ние, химическое производство. Нехватка энергии сдерживала развитие всех этих отраслей.

Теперь же проблема энергонедостаточности усугубилась. Когда-то Единую энергосистему Союза, и энергосистему Сибири разделили на самостоятельные энергосистемы, которые еще пока сохраняют технологическое взаимодействие, но в распределении энергии у них уже на первом месте денежный расчет. Теперь потребители электроэнергии должны платить за ее передачу из других районов Сибири. Это резко ударило по основным промышленным отраслям Кузбасса. Общее потребление электроэнергии сократилось на 14%, а вот спад производства – на 52%, в угольной промышленности – на 32%.

Приросту промышленного производства мешает не только общее состояние промышленности, но и нехватка электроэнергии, за которую надо платить. Необходимость серьезных вложений в промышленность Кузбасса, да еще добавочно необходимость платы за передачу энергии, делает промышленность низкорентабельной, инвестиции в нее невыгодными, а общее развитие региона неосуществимым. Замкнутый круг, по которому можно идти десятилетиями.

Одним словом, складывается опасное положение, когда основная индустриальная база Сибири оказывается с крайне слабой энергетикой и зависит от постоянной поставки из других регионов, в том числе и из сопредельных стран. При таком положении нельзя и надеяться на быстрый рост этой индустриальной базы, а за ней и других. Если проблема энергоснабжения Алтайской базы решена не будет, никакого динамичного развития сибирской экономики можно и не ждать. Никак нельзя дальше терпеть положение, по которому крупнейший и самый важный в Сибири промышленный район – Кемеровская область и далее будет энергонедостаточным районом.

Если рассмотреть энергетическую проблему внимательнее, но видно, что весь вопрос заключается не столько в изыскании средств для энергостроительства, сколько в направле-

нии реконструкции энергосистемы. С самого первого приближения понятно, что при реконструкции не будет с точностью копироваться советская энергосистема. При реконструкции энергоблоков, линий, трансформаторного хозяйства будут изменены технические характеристики оборудования, изменена мощность станций и схема передачи энергии.

Реконструкция энергосистемы «по советскому образцу», то есть с сохранением энергодефицитных областей южной Сибири, включает в себе зерно кризиса отрасли. Стоит только вывести сколько-нибудь заметную часть мощностей на ремонт и реконструкцию, как резко обострится дефицит энергии, и без того острый. Он вызовет спад производства и кризис в экономике региона, и подрубит основы будущего существования энергетической отрасли в Сибири.

Сейчас нет четкого ответа на вопрос, в каком именно направлении будет проведена эта реконструкция. Всем ясно, что энергосистему надо реконструировать, но неясно каким именно образом. У энергокомпаний нет сегодня планов реконструкции отрасли не то, чтобы на уровне плана «Гозэро», но и даже на уровне каких-то заметок к такому плану. Более того, нет понимания четкого особенности сложившейся системы энергоснабжения, и четкого представления о том, какая система необходима в изменившихся экономических и политических условиях. Все это делает соображения о реконструкции очень размытыми и расплывчатыми. То есть, неконкретными и неосуществимыми. Поэтому на планы энергетической реформы, которые разработаны РАО «ЕЭС России» опираться нельзя.

Стратегический выход из этой ситуации столь же парадоксален, как и сама ситуация. Выходом из нее является развитие электроэнергетики в потребляющих районах в самую первую очередь. Алтайская индустриальная база, по приблизительным подсчетам, должна производить внутри себя по меньшей мере 79,9 млрд. кВт/ч электроэнергии на 2010 год, а также иметь перспективы роста. При нынешних технических возможностях, этот район сможет произ-

водить к 2010 году порядка 51 млрд. кВт/ч электроэнергии, то есть обеспечивать себя на 63,8%.

Понятно, что существующие мощности не смогут покрыть и текущего потребления, не говоря уже о росте. Поэтому необходима программа энергостроительства, по своей сути весьма близкая к ленинскому плану «Гозлро». Рядом с производством должны быть свои источники энергии.

Для восполнения минимального уровня потребления индустриальной базы нужно электростанции, которые могут производить порядка 28,9 млрд. кВт/ч электроэнергии в год. Это примерно соответствует трем ГРЭС мощностью с с Березовскую ГРЭС-1, или шести ГРЭС, размером и мощностью с Назаровскую ГРЭС. А это уже серьезное энергостроительство. Так что, все проекты реконструкции энергетики региона по методу «в час по чайной ложке» можно смело отвергать как неприемлимые. Необходимо решительно отказаться от энергетики мелких котельных и электростанций, а больше внимания уделить строительству районных электростанций, достаточно мощных для того, чтобы снабжать индустриальную базу электроэнергией.

Что же касается рынка, то имеет смысл создавать рынок локализованный. Общеизвестно, что с ростом расстояния от электростанции, увеличиваются потери энергии при передаче. Энергетический рынок в Сибири разумнее всего создать в рамках индустриальных баз, то есть достаточно обширных районов. В них будет достаточное количество электростанций, чтобы обеспечить конкуренцию на рынке, и будет достаточно потребителей, чтобы обеспечить спрос. В то же время расстояние передач электроэнергии будет оптимальным, с минимальными потерями.

Характер энергетических ресурсов Алтайской индустриальной базы показывает, что главным здесь будет тепловая энергетика, основанная на сжигании угля и торфа. Наиболее привлекательными источниками топлива будет Кузнецкий и Горловский угольные бассейны, а также залежи томского торфа.

Где можно было бы построить новые тепловые электростанции? По идее, в самых индустриальных районах области, то есть по соседству с самыми крупными индустриальными городами района: Кемерово, Новокузнецком, Новосибирском, Барнаулом, Томском. С точки зрения чистой экономики, это было бы наилучшее решение.

Однако его нельзя признать приемлимым с точки зрения экологии и с точки зрения перспективного развития области. Во-первых, и без того Кузбасс сжигает в производственном процессе гораздо больше кислорода, чем выделяют леса области. То есть, увеличивать еще больше сжигание топлива и дополнительно наращивать расход кислорода нельзя, потому что жизнь в индустриальном центре тогда станет совсем невыносимой.

Во-вторых, Новокузнецк, например, и без того давно оспаривает право на звание самого загрязненного промышленными выбросами города России, чтобы добавлять к ним еще и выбросы проектируемой ГРЭС. По этим причинам строительство новых энергомошностей в самом центре Кузбасса исключено.

В-третьих, источники энергии необходимо располагать в местах перспективного развития промышленности. В промышленном отношении север и запад Кемеровской области оказался практически не развит, несмотря на выгоды пролегания здесь главного хода Транссибирской магистрали. Это тоже следствие однобокого развития Кузбасса, узко специализированного на добыче угля. Энергию отсюда можно легко передавать в центр Кузбасса, и передача на 150-200 километров не увеличит существенно образом себестоимость киловатт-часа. Не будет существенно дорогим подвоз угля из главных угледобывающих районов Кузбасса, особенно если развить и расширить транспортную систему промышленного района.

В Советском Союзе стремились строить максимально мощные тепловые станции. Например, мощность Березовской ГРЭС-1 составляет 1250 тысяч кВт, и она может выраба-

тывать до 10,9 млрд. кВт/ч электроэнергии. На эту ГРЭС почти целиком работает Березовский угольный разрез.

Огромные станции имеют свои преимущества, выражаемые в большом количестве вырабатываемого электричества, в относительной дешевизне киловатт-часа. Но и недостатки тоже велики, от огромных объемов потребления топлива, до выбросов и трудностей технической реконструкции подобных гигантов.

Для развития энергетики Алтайской индустриальной базы необходимо выбрать станции меньшей мощности, 300-500 тысяч кВт. Это позволит вовлечь в разработку большее количество энергетических ресурсов, рассредоточить станции и свести к минимуму вред от выбросов. Если взять в качестве базовой станцию мощностью в 500 тысяч кВт, то для покрытия потребностей индустриальной базы потребуется построить семь таких станций. Если они будут мощностью порядка 300 тысяч кВт, то необходимо 12 станций.

Наиболее подходящие районы для строительства этих электростанций: северо-восток Новосибирской области (между ст. Юрга и Новосибирском), север Кемеровской области (между ст. Юрга и ст. Тяжинский, а также вдоль автодороги Кемерово-Мариинск), юго-восток Томской области, северо-восток Алтайского края (между Новосибирском и Барнаулом, а также между Барнаулом и Прокопьевском).

Эти районы привлекательны тем, что находятся поблизости от крупных потребителей электроэнергии, расположены вдоль уже существующих железнодорожных магистралей, а также или в районах угольных бассейнов, или поблизости от них. Дополнительно, в этих местах есть водные ресурсы, необходимые для работы тепловых электростанций.

Расположение станций позволит создать территориально компактное и мощное энергетическое кольцо Алтайской индустриальной базы, от которой можно будет протянуть мощные энергомагистраль в западную часть Новосибирской области, в южную часть Алтайского края и в Республику Алтай.

Подобный план мог быть предложен любым другим сибирским экономистом, потому что проблема энергопотребления в наиболее развитых промышленных регионах Сибири давно не является секретом. Необходимые данные также можно подчерпнуть из открытых источников. Единственная причина, почему подобного проекта не появилось, заключается в том, что умы сибирских экономистов поработила идея транспортно-сырьевой сибирской экономики.

ПОСЛЕДСТВИЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО БЕЗУМИЯ

Ангаро-Енисейский проект, который привел к сложению на юге Красноярского края огромного энергометаллургического комплекса, а также к затоплению больших площадей, населенных пунктов, к нарушению гидрорежима основных рек Сибири и даже к изменению климата, бесспорно был безумным проектом. Трудно как-то иначе назвать эту погоню за дешевыми киловатт-часами гидроэнергии и дешевым алюминием. Странно только то, что все это воспевалось как героический подвиг: «Мы покорим тебя, Енисей!», и как выдающееся экономическое достижение. Еще более странно, что это воспевается и теперь, и время от времени раздаются восторженные речи по поводу ожидаемого экономического чуда от строящейся Богучанской ГЭС и Кодинского алюминиевого завода.

Однако, нужно признать: чуда не свершилось. Дешевая гидроэнергетика не привела к динамичному и всестороннему развитию хозяйства, как обещалось в начале строительства. Она лишь привела к однобокому развитию формировавшегося экономического района, и заблокировала многие потенциальные возможности.

Например, до начала строительства Красноярской ГЭС всерьез рассматривался вопрос о развитии в Красноярском крае, в небольших городах, машиностроения и приборост-

роения. Это было относительно нематериалоемкое, неэнергоёмкое производство, но требующее квалифицированной рабочей силы. Вместе с этим планировалось развитие науки и образования. Эти планы были похоронены схемой академика А.Е. Пробста и началом строительства гигантской Красноярской ГЭС. Вместо приборостроительного завода в Ачинске разместили Ачинский глиноземный комбинат, производящий сырьё для Красноярского алюминиевого завода.

Точно так же и в Красноярске намечавшийся еще в начале 50-х годов машиностроительный характер экономики города (развитие «Красмаша» – одного из крупнейших оборонных машиностроительных предприятий в СССР), был похоронен проектом энергометаллургического комплекса, в результате чего главным в экономике города и всего промышленного района стала цветная металлургия.

Для Красноярского края, Иркутской области и Республики Хакасия дешёвая гидроэнергия стала настоящим проклятием. Она превратила эти регионы, которые имели все возможности развивать многоотраслевую экономику, как в Алтайской индустриальной базе, в сырьевые регионы с вытекающими последствиями.

При рассмотрении вопроса развития экономики Красноярского края, Иркутской области и Республики Хакасия встает один вопрос – что делать с плотинами? Это главный экономический вопрос, касающийся этих территорий, без которых дальнейшее обсуждение перспектив просто невозможно.

По существу, это вопрос выбора между сырьевой и несырьевой ориентацией экономики. Если будет сделан выбор в пользу дешёвой электроэнергии, то тогда неизбежно развитие промышленного комплекса будет принимать сырьевой характер, скорее всего, в сторону еще большего увеличения и без того раздутого металлургического производства. Если будет отказ от дешёвой энергии, то возможны другие направления развития. Поэтому, вопрос о плотинах является основным.

Логика типа: «и дешевая энергия, и товарное производство» здесь не работает. Обрабатывающее производство не потребляет такое количество электроэнергии, какое вырабатывает хотя бы одна Красноярская ГЭС. Не нужна и столь высокая степень концентрации выработки энергии. Практически любая отрасль промышленности, кроме электрометаллургии, в состоянии обойтись тепловыми электростанциями, размещенными более рассредоточенно.

А крупная гидроэлектростанция, вырабатывающая огромное количество энергии, вынуждает к созданию гипертрофированного энергометаллургического комплекса, потому что вырабатываемую энергию, ради которой затопили пашни и деревни, нужно как-то использовать.

Поскольку ставится цель развития экономики Сибири по пути товарного производства, то выбор однозначен – огромные плотины не нужны. От этих чудес советской гидроэнергетики необходимо в будущем избавиться.

Сама такая постановка вопроса выглядит кошунственной, я в этом отдаю себе полный отчет. Красноярская ГЭС не только является важным экономическим объектом, не только источником энергии, но и предметом гордости. На пафосе «покорения Енисея» выросло целое поколение, возник целый город гидростроителей. И потом, сама плотина – это внушительное зрелище. Стоя на автомобильном мосту напротив плотины Красноярской ГЭС, трудно даже представить себе, что на это творение можно поднять руку.

Но, восхищаясь мощностью гидроэлектростанции, нельзя забывать, сколько она принесла с собой проблем и бед. Водохранилище затопило 44 населенных пункта, лишив их жителей родины. Сколько бы электроэнергии не вырабатывалось, сколько бы алюминиевых чушек не выпускалось, но они никогда не смогут заменить родных мест этим беженцам от хозяйственного безумия. Под воду ушли наиболее плодородные земли, луга и леса, которые сейчас могли бы приносить урожай. Затоплено множество археологических памятников.

ГЭС вызвала появление в Красноярске алюминиевого завода, который исправно отправлял молодых мужчин на кладбище в возрасте 30-40 лет. Любое количество алюминиевых чушек не в состоянии заменить этих потерь. Из-за завода разгорелась кровавая «алюминиевая война» середины 90-х годов и установилась, правда на короткое время, власть «металлургов» с криминальным прошлым. И это – тоже последствие «покорения Енисея». Пример Ангаро-Енисейского проекта показывает, что хозяйственное развитие, когда оно превращается в самоцель и ведется ради получения все нового количества дешевых киловатт-часов и алюминиевых слитков, разрушает все на своем пути.

Это скажем так, морально-этические соображения. Если говорить только об экономике, то необходимо сказать, что энергетика должна быть для промышленности, а не наоборот, промышленность для энергетики. Энергия должна добываться и тратиться на производство товаров, что приносит благосостояние обществу.

Разумеется, никто плотины сразу взрывать не будет. Пока не создана новая структура промышленности и энергетике, позволяющая отказаться от плотин, гидроэлектростанции будут работать. Коль скоро они появились, то нужно выжать из них максимальный ресурс. Сейчас проходит реконструкция генераторов гидроэлектростанций 60-х годов постройки, которые дают станциям еще порядка 30-40 лет ресурса эксплуатации. То есть, вопрос об их сносе всерьез встанет только в 2040-2050 годах.

ОТ БАРЖ ДО РЕАКТИВНЫХ САМОЛЕТОВ

Второй вопрос, после вопроса о плотинах, состоит в том, что предложить взамен, и какая экономическая система будет построена вместо энергометаллургического комплекса. Эту тему развить легче, поскольку она не

будет вызывать столь острой реакции. Те немногие элементы несырьевой экономики, которые имеются в данном районе, имеют именно транспортное направление. Это «Красмаш», специализирующийся на ракетных двигателях, ПО «Иркут», собирающее МиГ-29, химкомбинат «Енисей», делающий ракетное топливо. А также Абаканский вагоностроительный завод, Красноярские судоремонтный и судостроительный заводы, завод автоприцепов, на котором развернуто сборочное производство автобусов. Должен был появиться Красноярский завод тяжелых экскаваторов, по совместительству рассчитанный на «тяжелый экскаватор» Т-80.

Все это говорит, что в Красноярске, Абакане и Иркутске складывается комплекс транспортного машиностроения. В Красноярске – судостроение, автомобилестроение и ракетно-космическое машиностроение, в Иркутске – авиостроение, в Абакане – железнодорожное машиностроение. Этим Хакасская индустриальная база отличается от Алтайской, который ориентирован на выпуск промышленного оборудования, различных машин и механизмов. Итак, характер альтернативной экономической системы Хакасской индустриальной базы можно определить как транспортное машиностроение в самом широком смысле: от речных барж до реактивных самолетов.

Наиболее мощным центром этого машиностроительного комплекса будет, конечно, Красноярск. Во-первых, здесь наибольшие заделы по этой части, здесь наиболее крупные заводы, имеющиеся мощности, квалифицированные специалисты и научно-образовательная база. В силу того, что здесь размещается уже сейчас Красноярский филиал Сибирского отделения РАН, имеются несколько институтов и технических университетов, в Красноярске имеет смысл разместить основные проектные институты и конструкторские бюро. Во-вторых, здесь есть ряд производств (лакокрасочное, качественных сталей, резинотехнических изделий и покрышек), которое позволяет развить здесь в первую очередь сибирское автомобилестроение.

Сибирь крайне нуждается в собственном автомобиле. Огромные пространства, протяженные дороги, необходимость доставки грузов и пассажиров в самые отдаленные уголки, а также специфические условия требуют собственного автомобилестроения. Сибирские дороги предъявляют автомобилю довольно своеобразный набор требований.

Во-первых, автомобиль должен быть надежным. Сама его конструкция должна сводить к минимуму поломку на трассе, что особенно актуально для северных сибирских дорог зимой. Поломка автомобиля на зимней трассе часто смерти подобна.

Во-вторых, он должен быть экономичным и расходовать как можно меньше топлива на 100 километров. Это вызывается не только общей необходимостью экономить топливо, но и тем, что экономичный автомобиль со стандартным баком пройдет большее расстояние. На длинных сибирских дорогах это важное преимущество.

В-третьих, автомобиль должен быть комфортным. Поездки на дальние расстояния должны как можно меньше утомлять водителя и пассажиров.

В-четвертых, автомобиль должен быть адаптирован к зимним условиям и быть пригодным к эксплуатации при сильных морозах.

Из ныне имеющихся автомобилей, за исключением только четвертого пункта, требованиям наиболее удовлетворяют японские автомобили, чем и объясняется их популярность в Сибири.

Автомобилизация населения региона крайне важна для его развития во всех смыслах. При сибирских масштабах, при сибирских расстояниях, только автомобиль способен обеспечить беспрепятственную связь любого населенного пункта с крупными городами. В этом смысле автомобиль является залогом бурного общественного развития.

Сошлемся на классика мирового автомобилестроения Генри Форда: «Одно из величайших завоеваний автомобиля заключается в благодатном влиянии, которое он ока-

зал на кругозор фермера, – он значительно расширил его».¹

Сибирская экономика крайне нуждается в магистральных грузовиках. Значительная часть грузов, даже при самом хорошем развитии железных дорог, все равно будет ложиться на автотранспорт. Грузооборот, выпадающий на долю автомобильных перевозок, имеется не только внутри Сибири, но на внешних перевозках: в Среднюю Азию, Монголию и Китай. Без хорошего магистрального грузовика, приспособленного к сибирским условиям, экономические связи с соседними странами будут развиваться медленно.

Из специальных видов транспорта в Сибири также наиболее востребованы карьерные самосвалы, необходимые для горно-добывающей отрасли, вездеходы и амфибии, необходимые для северных районов Сибири, где пока еще почти совсем нет дорог.

Красноярск, его города-спутники, а также небольшие города Красноярского края, могут стать центром сибирского автомобилестроения. Вокруг Красноярска можно разместить основные сборочные производства, а в малых городах производство отдельных узлов, частей, деталей. Собственно, именно так обстоит дело у всех крупнейших производителей автомобилей. Основной завод производит только сборку машин, а подавляющую часть узлов, агрегатов и деталей производят небольшие предприятия, рассредоточенные в разных местах. Для Сибири это очень важно, потому что развитое машиностроительное производство, выпуск автомобилей, позволит дать работу даже самым небольшим поселкам.

Следующая важная отрасль транспортного машиностроения – судостроение. В Красноярске расположено два больших завода: судостроительный и судоремонтный, который строит баржи и суда речного класса почти для всех речных судоходных компаний Сибири. Выбор места был

¹ Форд Г. Моя жизнь жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Воспоминания. Мемуары. Минск, «Харвест», 2003, С. 25.

очень удачен, поскольку Енисей представляет собой крайне удобную водную транспортную артерию. Крупная, полноводная и судоходная почти на всех участках река течет практически по прямой линии на север, впадая в Карское море. На Енисее находится несколько крупных портов, самый южный из которых, Красноярский, находится более чем в 3,5 тысячах километров от морского побережья. Эти порты: Красноярск, Лесосибирск, Маклаково, Игарка, Дудинка и другие, объединяются в мощную водную транспортную систему.

Судостроение на Енисее нуждается в большем развитии, чем есть сейчас, но о перспективах этого дела будет разговор ниже, когда речь пойдет о развитии морского выхода Сибири.

Сибирь также очень нуждается в развитии собственно железнодорожного машиностроения. При том, что регион очень сильно зависит от железных дорог, и железнодорожный транспорт является одним из основных его видов, тем не менее в Сибири нет производства всех видов подвижного состава. На Абаканском вагоностроительном заводе, мощном и достаточно современном предприятии, производятся только полувагоны и платформы. Все остальное, включая локомотивы, товарные вагоны, цистерны, дозаторы, спецвагоны, а также железнодорожные машины, необходимые для строительства и обслуживания пути, в Сибири не производятся. Нет производства контейнеров, что затрудняет развитие этого наиболее перспективного направления перевозок. Это более чем странное обстоятельство, учитывая зависимость Сибири от железнодорожного транспорта.

Собственно говоря, это еще одно следствие отношения к Сибири. Железная дорога по-прежнему рассматривается не как инструмент экономического развития региона, а как средство для вывоза сибирских ресурсов, ну еще, в последнее время, как средство заработка на транзите грузов. Между тем, на железную дорогу ложится большая часть промышленных грузов, и в грузообороте железных дорог

Сибири большую часть занимает перевозка внутренних грузов, чем экспорт и транзит.

Разумеется, это направление машиностроения необходимо в Сибири развивать. Все необходимые производства для строительства локомотивов и для производства всей его начинки: от дизеля для тепловоза и электродвигателей для электровоза, до сложной автоматики, в Сибири есть. Для развития локомотивостроения больше всего подходит Абакан, с его мощным вагоностроительным заводом. Комплекс вагоностроения можно разместить в Минусинске, Аскизе или Боготоле, в местах, наиболее близких к центру сибирской черной металлургии. Возможно, выпуск вагонов по типам можно будет распределить между этими пунктами.

Одно из наиболее мощных предприятий железнодорожного комплекса края – Красноярский электровозоремонтный завод, к сожалению, сейчас практически не имеет перспектив для развития, поскольку находится прямо в центре городской застройки. Но с выносом его за пределы города, в район станции Красноярск-Восточный, на его основе можно развить строительство скоростных пассажирских поездов. Это предприятие наиболее подходит для такого рода работы.

И, наконец, авиационное и ракетно-космическое машиностроение. Красноярск и Иркутск обладают неплохо развитым даже на сегодняшний день авиакосмическим комплексом. Это очень важная проблема. Состояние российской авиастроительной индустрии сейчас крайне тяжелое, и не в плане того, что нет возможности для строительства новых самолетов, или потребности в них. Дело – в политике правительства, которое сознательно делает российскую авиационную промышленность придатком крупнейших мировых авиастроительных корпораций. Главнейшим средством это являются минималистские планы. Производство устанавливается на столь низком уровне, что нельзя говорить не только о рентабельности предприятий, но и даже о поддержании состояния оборудования линий и квалификации персонала авиа-

заводов. Герман Греф, пообещав государственную поддержку проекту регионального самолета ОКБ «Сухой», заявил о том, что в 2008 году должно быть построено 60 единиц RRJ для выполнения уже заключенных контрактов. Между тем, общий объем самолетов семейства RRJ оценивается примерно в 5500 машин. Если ОКБ «Сухой» будет работать с такими же темпами, то он насытит этот рынок только к 2096 году, то есть чуть меньше, чем через сто лет. Это – минимализм, граничащий с вредительством. Надо давно уже называть вещи своими именами.

Причина тяжелого положения российского авиапрома состоит в минималистских планах, а не в недостатке средств. К слову сказать, недостаток средств образуется как раз в не последнюю очередь благодаря минималистским планам.

Правительство торпедирует перспективные российские разработки самолетов, которые действительно могут быть поставлены на экспорт, и использованы в России (АН-148 и Ту-334). Вместо этого, ОКБ «Сухой» делает самолет, которые сможет летать только в Европе, и вряд ли попадет на российские авиалинии. ОКБ «Сухой» по договоренности с европейскими партнерами итальянской компанией Finmeccanica, и ее дочерней структурой Alenia Aeronautica разрабатывает самолет под условия не российского, а европейского рынка. На это указывает и внешний вид самолета, и низкое расположение двигателей (недопустимое в России в силу состояния аэродромов), а также обилие иностранных комплектующих, порядка 65% от стоимости самолета. Европейские фирмы, вместе с которыми ОКБ «Сухой» делает самолет, предоставляют уже готовые и серийно выпускаемые узлы. Мы же платим деньги за разработку самолета и освоение производства тех частей, которые будут составлять российскую долю машины. Предназначение регионального самолета только на экспорт не скрывается. ОКБ «Сухой» рассчитывает продавать 25% самолетов типа RRJ в Северную Америку, 25% – в Европу, 10% в Латинскую Америку, и 7% в Россию (!) и Китай.

Для сибирского авиапрома такая политика означает быстро и верное умирание. Если ПО «Иркут» еще имеет шансы удержаться на плаву за счет производства военных истребителей, то вот все остальные авиазаводы ждут очень тяжелые времена. Для того, чтобы кардинально изменить положение в авиапроме, нужно действовать решительно, свой рынок насыщать быстро и выпускать сверх того самолеты на экспорт.

Это и должно стать политикой развития сибирской авиационной промышленности. Кроме нас для нас никто самолеты не сделает. Для этого нужно собрать в кулак все мощности, имеющие отношение к выпуску самолетов и ракетно-космической техники: от выплавки алюминия, титана, магния, высококачественных сталей и других металлов, до производства электронной начинки для самолетов. Все основные узлы самолета: фюзеляж, двигатели, шасси, приборы, должны по возможности делаться на сибирских заводах. В Сибири должно быть свое самолетостроение.

Для нас это совсем не является причудой. Во-первых, для такого производства есть все возможности, начиная от своего сырья, и завершая имеющимися мощностями и специалистами. Во-вторых, самолетостроение и ракетно-космическая техника – это уровень научно-технического развития. Необходимо удерживать его на самом высоком уровне. В-третьих, в Сибири, в силу географических условий, авиатранспорт занимает не последнюю роль. Все, в чем регион больше всего нуждается, должно делаться здесь же. Минимум, должно выпускаться два-три типа наиболее необходимых пассажирских и грузовых самолетов.

Общая структура авиационного комплекса может быть очерчена таким образом. Производство двигателей для самолетов – это, бесспорно, Красмаш. Часть выпуска аппаратуры и приборов можно разместить в Дивногорске, на базе Дивногорского завода низковольтной аппаратуры. Части фюзеляжа и шасси – иркутские заводы. Основные сборочные цеха можно разместить между Красноярском и Иркут-

ском, например, в Канске. Главное, не нужно бояться масштаба работ. По сравнению с советскими авиастроителями, которые создавали первые самолеты на коленке, мы находимся в куда как более благоприятных условиях.

РАБОТАТЬ НАД ЦЕЛЬНОСТЬЮ

Эти очерки, разумеется, никак не претендуют на исчерпывающее изложение проектов перспективного развития Сибири, как промышленной страны. Скорее, это некие краткие конспективные записки мыслей, возникающих по поводу развития индустриальных баз Сибири. По каждому затронутому, а также целому списку незатронутых вопросов, потребуется колоссальная работа, сотни и тысячи специалистов, много времени и сил. Каждый проект будет тщательно прорабатываться и рассчитываться. Перспективные планы будут увязываться с наличными возможностями. В общем, работа по превращению Сибири из сырьевого в производящий регион предстоит титаническая. Находясь в начале пути, я не могу представить даже приблизительно себе масштабов этой деятельности. Это что-то необозримое, неохватное силами одного ума.

Но я твердо верю в то, что когда-нибудь настанет день, когда можно будет со всей правотой сказать, что Сибирь является высокоразвитой страной, обладает высоким уровнем развития и занимает достойное место в мире.

Что для этого нужно, в самом общем виде? Для этого нужно соблюдать несколько условий. Во-первых, никогда и ни при каких условиях не нужно гнаться за гигантскими объемами выработки. Пусть это будет сравнительно небольшое, но высокоразвитое производство. Этот принцип имеет прямое отношение к использованию сибирских ресурсов и полезных ископаемых. Если вы берете их, то выжимайте из них все продукты, которые только можно произвести. Только на этом пути возможно преуспевание Сибири.

Во-вторых, максимальное внимание должно быть уделено производству готовых товаров. При любой возможности надо делать готовый товар, готовый продукт. Доля полуфабрикатов должна быть сведена к возможному минимуму.

В-третьих, не нужно бояться пускаться в развитие высоких технологий и наукоемких производств. Умных людей в Сибири всегда было достаточно, и сейчас даже Сибирское отделение РАН дает 45% патентов, регистрируемых в России. Научный, технический, технологический уровень Сибири должен постоянно повышаться.

В-четвертых, в Сибири не должно быть чисто сырьевых районов. Там, где начинается разрабатываться сырье, там нужно ставить и производство товаров. Сильнейшая конкурентная особенность Сибири, которой нет у любых других стран, – это возможность делать готовый продукт поблизости от того места, где добыли сырье, а вывозить уже готовые изделия, которые не занимают много места и много не весят. Если в Сибири остался где-то район, где вся экономика завязана на сырье, это значит, что пока еще не придумали, как построить там высокоразвитую промышленность.

Глава 10

Транспортная столица Сибири

«Бесполезная перевозка сырья туда и обратно является одним из пунктов железнодорожного вопроса, на который слишком мало обращают внимания. Если бы подошли к вопросу с намерением освободить железные дороги от излишних грузовых перевозок, мы, может быть, открыли бы, что решить необходимые задачи транспорта намного легче, чем теперь кажется».

Генри Форд

Вот теперь мы поговорим о транспорте. Вообще-то, о сибирском транспорте говорят много, даже, пожалуй, чрезмерно много. Но все темы так или иначе связаны лишь с вопросом вывоза: экспорт, транспортный коридор. Здесь над транспортниками довлеет историческая мифология. Даже владея фактами и цифрами, которые показывают, что транспортная система Сибири давно уже не является завязанной только на вывоз, они не могут создать других концепций развития.

Единственной концепцией развития сибирского транспорта, которая всерьез отличалась от традиционной, была схема трансарктических воздушных перелетов из Америки в Азию через Сибирь. Ее создал бывший губернатор Красноярского края Валерий Зубов. В то время, кога он ее высказывал, это был проект из области «ненаучной фантастики», и очень многие люди его критиковали.

Здесь нельзя не процитировать классика промышленного производства Генри Форда: «Таковы все умные люди – они так умны, и опытни, что в точности знают, почему нельзя сделать того-то и того-то; они видят пределы и препятствия».¹ Зубова критиковали как раз такие умные люди, которые выдвигали тысячу и один аргумент, почему этот проект не будет реализован. Однако, это и сейчас один из крайне немногих оригинальных проектов транспортного развития Сибири.

Между тем, несмотря на разговоры, дело развития сибирского транспорта особенно не двигается. Нам сгоди-лась бы на первое время и концепция развития транзитного коридора. Расширение транзита по Транссибу объективно содействовало бы развитию транспортной системы. Этот проект потребовал бы реконструкции ряда магистралей и станций, создания логических центров, внедрения новых технологий и так далее. В этом он нам выго-

¹ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Воспоминания, мемуары. Минск, «Харвест», 2003, С. 27.

ден. Но, за многие годы, никаких заметных шагов в этом направлении сделано не было. В итоге, транзитный грузопоток постепенно переходит в Казахстан.

КАКОЙ ТРАНСПОРТ НУЖЕН СИБИРИ?

Перед тем, как обратиться к конкретным проектам развития транспорта, стоит рассмотреть общие принципы развития транспортной отрасли в Сибири.

В отношении сибирского транспорта бытует устойчивый предрассудок, что она предназначена только для вывоза сырья, ну еще может быть приспособлена для транзита грузов. Собственно, практически все транспортные проекты, осуществленные в России и в СССР в Сибири так или иначе преследовали эти цели. Строительство Сибирского тракта в 30-х годах XVIII века преследовала цели вывоза металла, в первую очередь золота, серебра и меди из Сибири, ну и также развитие транзитной торговли с Китаем. Строительство Транссиба первоначально также планировалось только для перевозок войск на Дальний Восток и перевозки российских грузов на дальневосточные рынки. Но потом дорога была приспособлена для вывоза сибирских грузов, в первую очередь хлеба, масла, металлов. Севморпуть также предусматривал только вывоз сырья и полуфабрикатов из северных, приполярных районов Сибири.

И современные проекты, вроде развития транзитных контейнерных перевозок из портов Дальнего Востока в порты на Балтике по железной дороге также рассматривают только транзитный потенциал сибирского транспорта. Правда, на практике выходит, что транзит лучше могут организовать казахи, которые не болеют такими предрассудками.

Факты, между тем, показывают, что положение с перевозками в Сибири немного не таково, как его пытаются представить. Вывоз и транзит занимают не такую уж большую долю в перевозках. Основная же его часть падает как

раз на внутренние перевозки, в рамках Сибири или регионов. Например, Западно-Сибирская железная дорога погрузила в 2005 году 261,6 млн. тонн грузов, из которых, 171 млн. тонн пришелся на уголь. Основная же часть угля потребляется внутри Сибири. На Восточно-Сибирской железной дороге погружено 74,5 млн. тонн грузов, из которых на один из основных экспортных грузов – нефть и нефтепродукты пришлось всего 15,5 млн. тонн.¹

Если брать грузооборот железных дорог, то на долю вывоза и транзита придется не более 25% всего объема. Все остальное – это местные перевозки, как правило перевозки сырья к перерабатывающим предприятиям.

Если же рассмотреть другие виды транспорта, особенно автомобильный и водный, то в нем доля вывоза и транзита будет еще меньше. И тот, и другой вид транспорта работают почти целиком на обеспечение внутренних потребностей сибирских регионов. В Новосибирской области на долю автотранспорта падает 40% перевозок, а в Кемеровской – 86%. Вместе с тем, доля автомобильных перевозок в торговле с Китаем составляет для Восточной Сибири 4%, а для Западной Сибири и того меньше – 0,2%.²

Так что рассуждать о том, что сибирский транспорт работает или должен работать только на вывоз и транзит, – означает сильно исказить картину. Истинное положение дел как раз обратное: сибирский транспорт работает главным образом на обеспечение внутрисибирских потребностей в перевозках. Поэтому главное внимание в развитии транспорта должно быть обращено на развитие внутренних перевозок.

Вторая проблема сибирского транспорта состоит в том, что при всех разговорах о транзите и вывозе из Сибири, связи сибирских регионов со своими ближайшими соседями: Китаем, Монголией и Казахстаном, крайне недостаточ-

¹ По данным ОАО «РЖД».

² Контейнерный бизнес № 2(2), декабрь 2005, С. 110.

ны. При огромной границе с Китаем и Монголией едва наберется два десятка погранпереходов, а таких, которые заслуживают внимания с чисто логистической точки зрения вовсе можно пересчитать по пальцам.

Аналогично, при огромном побережье Северного ледовитого океана, в Сибири нет полноценного морского выхода. Мало какая страна имеет такую огромную морскую границу, как Сибирь, но грузы почему-то везутся в дальневосточные или балтийские порты, накручивая по пути 4-5 тысяч километров.

Итак, транспорт при самостоятельном развитии Сибири должен решить две важные задачи: обеспечение внутренних перевозок и создание полноценных выходов в соседние страны и в систему морских коммуникаций.

«КИТАЙСКАЯ ДОРОГА»

Сибирь даже сейчас обладает значительным транспортным потенциалом. В границах Сибирского федерального округа имеется 125,7 тысяч километров автодорог и 14,9 тысяч километров железных дорог. Наибольшая плотность автодорог в Алтайском крае, наибольшая плотность железных дорог в Кемеровской области. Снова, если вернуться к рассмотрению индустриальных баз, то в число сибирских регионов, наиболее обеспеченных транспортной инфраструктурой, относятся как раз регионы Алтайской индустриальной базы.

Для первоначального развития этого вполне достаточно, тем более, что транспортом наиболее обеспечены наиболее населенные и наиболее промышленно развитые районы. Сложилась также опорная сеть автомобильных и железных дорог, особенно в Южной Сибири.

Однако, в развитии транспортной системы особенно нуждаются самые южные районы Сибири: республики Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, Иркутская область. Они не

только имеют самую низкую плотность автомобильных дорог, практически не имеют железных дорог (кроме Хакасии, имеющей 642 километра железных дорог, то есть две ветки: Ачинск-Абакан и Междуреченск-Тайшет). Они еще практически лишены выходов в соседние страны: Казахстан и Монголию. С Монголией нас сейчас соединяет только Чуйский тракт Барнаул – Кобдо – Уланбаатар, и железная дорога Иркутск – Уланбаатар, с погранпереходом на ст. Наушки – Эрлианхон.

К важным погранпереходам, которые на связывают с Китаем, можно отнести несколько пропускных пунктов в Приамурье. Это ст. Пограничная – Суйфэньхэ, Благовещенск – Хэйхэ, ст. Забайкальск – Шаньчжоу.

Это очень серьезная проблема, потому что выходы в эти страны для нас означают связи с Китаем и Средней Азией, нашими важнейшими экономическими партнерами. Из внешней торговли СФО 20,4% приходится на Китай, притом, что торговля с ним, по сути, только началась. Это перспективные рынки, на которых легко найдется место для сибирской промышленности. Без развития выхода в них никакого бурного развития Сибири не будет.

Например, только один Синьцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР) играет очень большую роль в экономических связях Китая со странами Средней Азии и Сибири за счет общих границ. Через СУАР идет не менее 73% китайской торговли с Казахстаном. Общий объем внешнего оборота СУАР в 2005 году составил 7,94 млрд. долларов.

В масштабах Китая, СУАР воспринимается как «отстающая окраина». Но в масштабах Центральной Азии – это страна с крупной и развитой экономикой. Это доказывается характером внешних связей. СУАР экспортирует одежду, обувь, продукцию машиностроения, электронику (промышленные товары составляют 67% экспорта), а ввозит сырую нефть, железную и медную руду. Промышленность автономного района насчитывает 6,3 тысячи предприятий, производящих продукции на 45 млрд. юаней, в том числе 19,4

млн. тонн нефти, 28,1 млн. тонн угля, 19,7 млрд. кВт/ч электроэнергии, 1,3 млн. тонн стали, 9,8 млн. тонн цемента и так далее. Автономный район с последние 10-15 лет получил мощную транспортную систему, в которой 3010 километров железных дорог и 80,9 тысяч километров автомобильных дорог, в том числе и скоростные трассы.

Представление о СУАР как об «отсталой окраине» Китая, в которой уйгуры ждут, не дождутся благоприятного времени для отделения, сильно повредило развитию экономики региона. Понятно, что при наличии такого крупного и развитого соседа, хотя бы частично в развитии экономики стоит ориентироваться именно на него.

Отрадно то, что наконец-то сибирские политики и экономисты обратили внимание на то, что несмотря на огромную общую границу с Китаем и Монголией, у сибирских регионов практически нет с ним транспортного сообщения. Руководитель филиала в Сибирском федеральном округе Ассоциации международных автомобильных перевозок Анатолий Куксин так и заявил: «Для нас сегодня путь в Китай отрезан».

В этой короткой фразе вся оценка экономической политики в восточных регионах России. За прошедшие полтора десятилетия никто в федеральном центре даже не обратил внимания на отсутствие прямого автомобильного сообщения сибирских регионов России с Синцзянь-Уйгурским автономным районом (СУАР КНР) Китая. Перед регионами, в первую очередь Красноярским краем, республиками Алтай и Хакасия, стояли собственные тяжелые транспортные проблемы, которые решались с огромным трудом. Красноярский край только при губернаторе Александре Лебеде смог привести федеральную автотрассу М-54 «Байкал» в более или менее работоспособное состояние.

Но теперь дело развития транспортных связей сибирских регионов с Монголией и Китаем дальше откладывать некуда. Время показало, что федеральный центр пальцем не пошевелит ради их экономического развития, и эта за-

дача полностью ложиться на плечи руководителей этих регионов. До рынков Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона очень далеко: в ту и другую сторону – более 4 тысяч километров. Поэтому, выход только один – развитие транспортной сети, ведущей к ближним соседям: Казахстану, Монголии и Китаю.

Если дороги в Казахстан еще были построены в советские времена, которыми сейчас активно пользуются для перевозок, то вот дорог в Монголию и Китай никто не строил. Автотрасса М-53 «Госграница», пересекающая Красноярский край, Хакасию и Тыву, доходит только до монгольской границы. Сейчас есть небольшое транспортное сообщение с СУАР КНР, которое идет через Казахстан и казахский пропускной пункт в Хоргосе. По оценкам Ассоциации международных автомобильных перевозок, на этом направлении ежегодно осуществляется 15 тысяч рейсов, перевозится товаров на 75 млн. долларов. Большая часть доходов с этих перевозок, как от таможенных сборов, так и от обслуживания проходящих машин, достается Казахстану.

Первый вариант строительства «китайской дороги» был предложен Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, который предложил строительство дороги из Ташанты, через перевал Канас, и далее в СУАР, в Урумчи. Строительство дороги по этому направлению по расчетам должно обойтись в 9 млрд. рублей, а объем перевозок к 2029 году должен достигнуть 24 млн. тонн.

Этот вариант вызвал серьезные возражения со стороны заместителя Полпреда в СФО Игоря Простякова, который считает, что для развития столь интенсивного сообщения негоден китайский участок дороги. Против этого проекта высказались министр экономики Республики Алтай Михаил Зотов и председатель Координационного совета по транспорту Межрегиональной ассоциации «Сибирского соглашения», губернатор Новосибирска Виктор Толоконский. По их мнению, проект не просчитан и не может быть реализован.

Эти заявления стали причиной весьма скептического отношения к самой идее строительства дороги в Китай в прессе Республики Алтай. Однако, здесь сказалась информационная изоляция двух соседних регионов друг от друга. В это же время в Тыве разрабатывается проект своей «китайской дороги». В западных аймаках Монголии поработала комиссия из Республики Тыва, состоящая из представителей Дорожного агентства, Агентства внешнеэкономических связей, ряда дорожно-строительных фирм и предпринимателей. Комиссия изучила автодорогу Урумчи (КНР) – Ховд (Монголия) – Улангом (Монголия) – Хандагайты (Россия), возможность пропуска по ней большегрузных автомобилей, ее ремонта и последующей реконструкции.

Этот большой проект развития транспортного коридора «Кызыл-Урумчи» был составлен в «Сибирском соглашении» для развития экономики Тывы и международной торговли в Монголией и Китаем. В этом и заключалась причина скепсиса представителя «Сибирского соглашения», потому что это лучший вариант, чем дорога Ташанты-Урумчи. На этом направлении меньше перевалов и серпантинов и лучше возможности для пропуска большегрузных автомобилей.

Строительство этой автодороги резко изменит экономическую ситуацию в Южной Сибири. Сейчас ряд регионов Сибири: Красноярский край, Алтайский край, Республики Алтай, Хакасия и Тыва имеют надежные транспортные связи только с российскими регионами, через автотрассу М-54 «Байкал» и через Транссибирскую железную дорогу с ее ответвлениями. Это резко ограничивает развитие производства, ибо понятно, что основная часть товаров, выпускаемых в регионе, должна быть рассчитана или на внутренний рынок Сибири, малоемкий, или быть достаточно рентабельной, чтобы одолеть транспортировку по железной дороге до ближайших портов и погранпереходов. Среднего не дано. В итоге в промышленности регионов, особенно республик, выпадает среднее звено между производством только для внутреннего рынка, и экспортным производством.

При строительстве дороги, для этого сектора промышленности появляются рынки сбыта в Монголии и Западном Китае, с возможностью выхода также на рынки Центрального Китая. Это огромный и емкий рынок, дающий самые широкие перспективы для промышленности Южной Сибири. Со стороны Китая будет полное одобрение и содействие, ибо торговля внутри региона будет поднимать и развивать западные районы КНР.

В плане развития и мы также сможем получить ощутимую выгоду. В Хакасии и в Тыве в 60-е годы было практически уничтожено продуктивное скотоводство, а вместе с ним и обработка животноводческой продукции, в первую очередь, кож и шерсти. Поскольку Монголия является один из крупных животноводческих стран, то для развития этих отраслей промышленности появляется сырьевая база.

Китай и Монголия, в свою очередь, нуждаются в сибирском сырье: лесе, угле, металлах, российские регионы нуждаются в новых рынках сбыта, но при этом развитие отношений сильно сдерживается отсутствием дороги. Монголы, которые сильнее всех в регионе нуждаются в развитии выходов в соседние страны, развивают свою дорожную сеть сами. На грант Азиатского банка развития строится автодорога Улангом-Ховд-Урумчи, протяженностью 600 километров, которая представляет собой часть этого транспортного коридора. Достаточно присоединить к ней российскую автодорожную сеть, и транспортный коридор будет готов.

Дорога Хандагайты – Урумчи на сегодняшний день – это ключ к экономическому развитию Хакасии, Алтая и Тывы. Она гораздо лучше проекта Ташанты-Урумчи, проходящей через высокогорные перевалы, и дает выход сразу на рынки Монголии и СУАР КНР, с перспективой вывода грузопотока в центральные провинции Китая.

При появлении такого автомобильного выхода Хакасии и Тывы в Монголию, да еще с таким ожидаемым объемом грузов, сразу встанет необходимость строительства южной автодороги, которая соединит Рубцовск, Барнаул, Новокуз-

нецк, Междуреченск, Абакан, Минусинск и Кызыл. Существующая основная автомобильная магистраль проходит в 400 километрах к северу. От нее сейчас к югу идут ответвления, которые обеспечивают местные грузопотоки.

Слабое развитие южных автодорог вынуждало автоперевозчиков из Новосибирской и Кемеровской областей, которые ехали на юг Красноярского края или в Хакасию, делать крюк больше чем в тысячу километров. Соответственно и для автоперевозчиков из Хакасии и юга Красноярского края маршрут в Среднюю Азию существенно удлинялся.

Эта Южносибирская автодорога в основном уже построена. Существует тракт, соединяющий Кызыл, Минусинск и Абакан. Построена автодорога, соединяющая Абакан и Междуреченск. Существуют дороги между остальными перечисленными пунктами. Осталось только превратить это в единую транспортную систему, построить автостраду от Рубцовска на казахской границе, до Кызыла, и далее до монгольской границы.

МОРСКОЙ ВЫХОД СИБИРИ

В обыденном представлении Сибирь предстает сухопутной страной, далеко расположенной от океанов. Частично, это правда, из центра Сибири одинаково далеко как до побережья Тихого океана, так и до побережья Балтийского и Черного морей. «Великий русский экономист» А.П. Паршев даже написал, что Сибирь является «неконкурентноспособной» страной, потому что находится далеко от океанов.¹ Однако, это только часть истинного положения дел. Сибирь на деле находится гораздо ближе к побережью Северного ледовитого океана, и практически

¹ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., «Крымский мост 9Д», 2001.

вся территория Сибири, от современных южных российских границ связана с ним крупными реками: Обь и Иртышом, Енисеем, Леной. Мало какая страна имеет такое выгодное расположение по сравнению с океаном. Крупные реки позволяют развивать порты в глубине материка (например, порт Красноярска находится на расстоянии более 3,5 тысяч км от устья Енисея, а порт Лесосибирска – более 3 тысяч км.), и делать систему речных и морских перевозок более плотной и насыщенной.

В Российской империи, СССР и России выгоды расположения морского побережья Сибири и крупных рек использовались в очень небольшой степени. Тому есть несколько простых причин.

Во-первых, технологии перевозок, существовавшие в то время, не позволяли в суровых условиях Заполярья развернуть масштабные морские перевозки. Навигация требовала строительства судов ледового класса, ледоколов, развития широкой системы поддержки судоходства. И все равно, даже при таких усилиях, навигация была достаточно короткой, а расходы на перевозки были высоки.

Во-вторых, развитие Северного морского пути (СМП) преследовало явно колонизационные цели. При рассуждениях о большом значении СМП для России, о его выгодах и перспективах, практически никто из авторов этих рассуждений не говорил о том, что система ориентирована исключительно на вывоз сырья и полуфабрикатов, завоз снабжения и только. Сибири она практически ничего не дает и развитию северных территорий способствует мало. Формирование трассы СМП и системы перевозок, сложившейся в основных чертах в 30-х годах XX века, было связано с лесоразработками Коми-Печерского края, развитием Северной угольно-металлургической базы, развитием угледобычи в Воркуте, а также, с конца 30-х годов, с развитием Норильского промышленного узла. СМП с самого начала был путем вывоза и экспорта природных ресурсов Сибири.

В-третьих, в СССР было характерное явление, когда

развитие северных районов Сибири планировалось и осуществлялось в отрыве от развития южных районов той же Сибири. Строительство Норильска, 503-й дороги, а впоследствии и Западно-Сибирского нефтегазового комплекса велось практически в отрыве от южных районов Сибири, без создания индустриальной базы и транспортной инфраструктуры. СМП очень способствовал такому положению. В итоге масса грузов из Сибири, которая могла быть отправлена через морские порты, перевозилась и перевозится по железной дороге до портов Балтики или Японского моря, что сказывается на стоимости перевозок.

В итоге сложилась система перевозок, которая нацелена на эксплуатацию природных ресурсов севера Сибири, вывоз и экспорт сырья и полуфабрикатов, а также частично на завоз в северные районы продовольствия, топлива и других грузов.

Даже в таких неблагоприятных условиях, СМП показал свою эффективность. В конце 80-х годов грузооборот СМП составлял порядка 4 млн. тонн грузов в год, что чуть меньше, чем грузооборот морского порта Санкт-Петербург, ныне крупнейшего российского порта на Балтике. Только через порт Дудинка переваливалось 2,7 млн. тонн грузов, что соответствует грузоперевалке среднего морского порта. Остальные порты были намного меньше, но и они суммарно составляли заметный объем грузов: Игарка – 0,75 млн. т., Тикси – 0,54 млн. т., Певек – 0,55 млн. т., Хатанга – 0,11 млн. т., Зеленый мыс – 0,18 млн. тонн. Суммарно: 2 млн. 130 тыс. тонн грузов. Общая мощность СМП в 1987 году составляла 5,3 млн. тонн. Сейчас – 1,6 млн. тонн.

Норильский комбинат превратился в крупное и процветающее предприятие только за счет порта Дудинка, через которые вывозится его продукция.

СМП имеет также базовые речные порты, находящиеся в глубине материка: Курган, Омск, Новосибирск, Красноярск, Лесосибирск (сопоставимый с портом Игарка, переваливает 0,7 млн. тонн в год), Осетрово (Усть-Кут), Сале-

хард. Грузоперевозки ОАО «Енисейское речное пароходство» в 2005 году составили 4,08 млн. тонн грузов, ЗАО «Обь-Иртышское речное пароходство» – 0,6 млн. тонн, ОАО «Ленское объединенное речное пароходство» – 1,5 млн. тонн. Итого, грузоперевозки по рекам составили суммарно 6,18 млн. тонн. Вместе с перевозкам по Арктике – 7,8 млн. тонн. Одним словом, это живая транспортная система, к тому же с солидными перспективами восстановления и развития. Но в этом деле есть свои особенности.

Результаты деятельности Арктического совета по возрождению СМП показывают, что, в общем, концепция северных морских перевозок устарела и больше не соответствует сложившимся реалиям. При современном подходе к СМП только как к колонизационному пути вывоза природных ресурсов, у него нет будущего. Основной грузопоток перешел на реки, то есть стал внутренним грузопотоком. В 2000 году перевозки в зарубежной части Арктики составили 980 тыс. тонн, в российской Арктике: морской – 1587 тыс. тонн, речной – 2914 тыс. тонн. Объем речных перевозок на 15% превышает суммарный объем морских перевозок по всей Арктике. Это означает, что эпоха «первоначального освоения» севера Сибири подошла к концу, и пора переставлять приоритеты, если есть желание сохранить и развить существующую транспортную систему.

Для своего развития СМП должен перестать быть только транспортным коридором для вывоза сибирских природных ресурсов, а стать полноценным выходом Сибири в систему морских коммуникаций. То есть, северные морские и речные порты должны быть приспособлены как для приёма, так и для отправки грузов.

Развитие СМП сильно сдерживало то обстоятельство, что навигация на нем не круглогодичная, и часть навигации сопряжена с необходимостью проводки судов во льдах, что требует как судов ледового класса, так и ледоколов. Вот это сочетание: суда ледового класса и ледоколы, настолько привилось, что даже современные сторонники развития

СМП требуют от государства «немедленного решения» проблемы ледокольного флота, который порядком изношен и требует пополнения.

Еще в 80-х годах появилось решение развивать подводное плавание в Арктике и были разработаны первые проекты подводных и полуподводных судов для арктического подводного плавания. Однако и там сказался традиционный подход. Почему-то эти проекты ориентировали даже подводные суда на необходимость ломать лед и выполнять функции ледокола, для чего они оснащались разнообразными приспособлениями, от ледоломных выступов на корпусе, до многорядных пил.

Логику этого подхода трудно понять, потому что по здравому рассуждению, коль скоро ледовая проводка требует больших затрат, и есть технологии, позволяющие развивать подводное плавание, почему бы вовсе не отказаться от ломания льда. Для подводного флота в условиях Арктики не требуется вовсе ломать лед, а требуется всего лишь две свободные от него акватории, в порту отправления и в порту прибытия. Это можно обеспечить портовыми сооружениями.

Современные технологии строительства подводных лодок позволяют строить суда, вполне сопоставимые с надводными сухогрузами и танкерами. Например, АПЛ проектов 945 и 945А имеет водоизмещение 6470/10400 тонн, АПЛ проекта 667БДРМ – 9210/11740 тонн, а перспективные АПЛ выходят на водоизмещение 16720/28000 тонн. Это вполне сопоставимо со средними морскими сухогрузами и танкерами, которые имеют водоизмещение 15-20 тыс. тонн. Даже находящиеся в строю АПЛ сопоставимы по водоизмещению с судами класса «река-море». По размерам подводные лодки вполне соответствуют грузовым судам и могут заходить в существующие морские порты. До супертанкеров с водоизмещением по 100-150 тыс. тонн лодкам пока далеко, но нынешние потребности СМП пока и не требуют таких судов.

Иными словами, имеющиеся технологии и даже проекты подводных лодок позволяют за достаточно короткий срок построить подводный флот для Арктики. Для первоначального опыта можно использовать списанные и переоборудованные военные АПЛ.

Конечно, подводное судоходство сопряжено с повышенным риском, и в нем есть ряд неясных пока моментов, которые прояснятся только с опытом. Однако, все необходимые для этого ресурсы есть: судоверфи, КБ с проектами, училища для подготовки экипажей, уже обученные подводники, а также некоторое количество списанных военных подводных лодок, которые можно использовать для экспериментов.

НОВАЯ СИСТЕМА СУДОХОДСТВА

Развитие подводного флота на Арктике перспективно при следующих условиях. Во-первых, порты должны находиться в устьях крупных рек: Оби, Енисея и Лены, и на побережье Арктики, где глубины позволяют проходить подводным лодкам. Особенно здесь важно побережье Карского моря с его средней глубиной 113 метров и достаточно глубоким подходом к устью Енисея.

Во-вторых, подводный флот будет ориентирован на судоходство под льдами Арктики. Глубины большей части Ледовитого океана (средняя глубина океана составляет 1220 метров) позволяют подводным лодкам проходить под ледовыми полями и выдерживать при этом большую скорость подводного хода. Подводный флот может выполнять как каботажные рейсы, так и трансарктические, а также рейсы с выходом в порты других стран. Наиболее перспективен выход в порты Северной Европы и Юго-Восточной Азии.

В-третьих, подводные суда скорее всего будут ориентированы на перевозки контейнеров и наливных грузов. Хотя, возможно использование лодок для перевозок сыпучих грузов.

Подводный флот, при всех его затратах и повышенном риске, тем не менее позволяет разрешить кардинальным образом главную проблему СМП – необходимость ледовой проводки и краткосрочность навигации. Для подводного судна, идущего подо льдом, не нужен ледокол, и навигация подводного флота может быть круглогодичной, что является решающим для создания полноценного выхода Сибири в мировые морские коммуникации.

Система морского выхода Сибири складывается из четырех составляющих. Первая: традиционный флот, действующий в летнюю навигацию как на море, так и на реках, опирающийся на систему традиционных портов. Вторая: подводный флот, опирающийся на систему специальных портов, действующий главным образом зимой, а также летом на трансарктических и внешних маршрутах. Третья: речной флот, действующий в летнюю навигацию. Четвертая: железные дороги к арктическим портам для подводных судов, обеспечивающие круглогодичный грузопоток.

Железные дороги к портам играют одну из ключевых ролей, потому что без них не получится обеспечить круглогодичный грузопоток и использовать преимущества подводного флота. С другой стороны, проложенные вдоль рек, они позволяют провести несколько важных для Сибири процессов. Во-первых, в транспортную систему будут включены значительно большие пространства, севернее 59-й параллели. Во-вторых, система железных дорог, соединенных с реками, позволит развить и речную транспортную систему, а далее – и систему расселения на севере Сибири. В-третьих, в летнюю навигацию, стоимость транспортировок будет резко снижаться за счет подключения дешевого речного транспорта.

Эта система, в случае решения главной проблемы СМП, имеет огромное значение для Сибири. Самое главное состоит в том, что разрушается зависимость Сибири от железнодорожного транспорта, которые резко удорожает любые перевозки к морским портам. Комбинированные же-

лезнодорожно-речные, а далее – морские магистрали позволяют резко удешевить в перспективе перевозки сибирских грузов и сделать Сибирь частью мировой морской транспортной системы со всеми вытекающими последствиями. Крупные сибирские реки свяжут с океаном даже отдаленные континентальные районы Сибири, что с помощью железной дороги достичь очень трудно.

Потом, новая транспортная система позволит ввести в хозяйственный оборот значительно большую площадь Сибири, а также создать условия для широкого развития промышленности в северных районах. И не сырьевых отраслей, как было до этого, а производства промышленных полуфабрикатов и товаров. И, наконец, новая система разовьет совершенно новый сектор мировых транспортных перевозок – трансарктический. Это прямые перевозки подо льдом между Сибирью, Северной Европой и Северной Америкой, а также свободный доступ к портам Северной Атлантики и севера Тихого океана.

КРАСНОЯРСКИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ

Изложение перспектив развития транспорта в Сибири совершенно не зря сделано именно в таком порядке: «Китайская дорога» и система трансарктических перевозок. При сочетании этих элементов складывается мощная транспортная артерия по Енисею, которая соединяет побережье Ледовитого океана с Монголией и Китаем. Пересечение этой транспортной артерии с железной дорогой превращает Красноярск в своего рода транспортную столицу Сибири. При том, что в Красноярске складывается район транспортного машиностроения, это превращает Красноярск в один из ключевых экономических регионов Сибири. Его значение вполне сопоставимо со значением для экономики Сибири Алтайской индустриальной базы.

Хотя, надо сказать, возможности Красноярска, как транспортного центра, далеко не использованы.

Если рассмотреть современный характер перевозок, то получится примерно такая картина. Общий годовой объем грузов составляет 87,3 млн. тонн, из которых 77 млн. тонн перевозится по железной дороге, 4 млн. – речным транспортом и 6,3 млн. тонн автомобильным транспортом. Из общего объема грузов стоит выделить контейнерные перевозки, которые составили 0,5 млн. тонн.

Из общего объема грузоперевозок 88% падает на железную дорогу. Раз она занимает столь важное место в грузоперевозках, то нужно разобраться, что именно железная дорога перевозит. По данным Красноярского отделения Восточно-Сибирской железной дороги, состав грузов был такой:

54,5% – уголь,

9,3% – руда цветных металлов,

7,6% – железная руда,

8,3% – лес и лесоматериалы,

7,1% – нефть и нефтепродукты,

5% – строительные материалы.

Ежедневно дорога отправляла 100 тысяч тонн угля, 15 тысяч тонн леса, 13 тысяч тонн нефти и нефтепродуктов.

Уголь, руды и строительные материалы в основном потребляются внутри края. Это составляет 82,4% от объема перевозок по железной дороге. Из этого следует вывод, что грузоперевозки в крае в основном внутренние. Аналогичным образом, речной и автомобильный транспорт также работают на обслуживании этих внутренних перевозок.

Из этого положения также вытекает вывод, что дело состоит не в том, что Красноярск далеко от портов, а в том, что транспортная система загружена местными грузами и потому обладает ограниченными возможностями для развития внешних, экспортных и транзитных перевозок.

То есть, создается двойственное положение, когда, с одной стороны, уже сейчас Красноярск является мощным мультимодальным транспортным узлом. А с другой сторо-

ны, существующая система перевозок накладывает серьезные ограничения на его развитие. В перспективе, когда вырастут объемы перевозок по Енисею и по «китайской дороге», его значение только вырастет. Только «китайская дорога» добавит к грузообороту узла 30 млн. тонн грузов. Но вырастут также и проблемы грузоперевозок.

Принципиальное решение напрашивается само собой. Внутренние перевозки, экспортно-импортные и транзитные надо по возможности разделить. В первую очередь должны быть отделены перевозки таких массовых грузов, как уголь и руда. Все остальное в максимальной степени должно быть переведено на перевозки в контейнерах. Нынешние технологии контейнерных перевозок позволяют перевозить в них большую часть номенклатуры грузов.

Даже увеличение отправления грузов в контейнерах с нынешних 0,5% до 20-30% даст значительное улучшение работы транспорта и позволит реализовать главное преимущество Красноярского транспортного узла, которое состоит в том, чтобы переваливать грузы с одного вида транспорта на другой. Например, с железной дороги на воду, и наоборот, с автомобиля на воду или железную дорогу. Такими возможностями сейчас обладает любой крупный город в Сибири, но только у Красноярска есть мощнейший потенциал развития с учетом появления морского выхода Сибири через Енисей и Севморпуть, а также «китайской дороги». В Красноярске будет скрещиваться грузопоток примерно в 80-100 млн. тонн грузов в год по железной дороге, в широтном направлении, и порядка 35-50 млн. тонн в меридианальном направлении, по Енисею, СМП и «китайской дороге».

Мы имеем потенциальную возможность создать уникальный в своем роде транспортный центр, в котором не только будут полноценно сочетаться четыре вида транспорта (автомобильный, железнодорожный, морской, воздушный). Это само по себе очень большое преимущество и далеко не всякий логический центр обладает им в полной

мере. В Красноярске также будет сосредоточено транспортное машиностроение по всем этим видам транспорта. А это означает, что возможно также развитие технического обслуживания и ремонта транспортных средств, начиная от самолетов, и завершая речными баржами.

Эти возможности пока трудно просчитываемы, поскольку сейчас нет в наличии и половины элементов Красноярского транспортного узла. Он сейчас находится в зародыше. Поэтому точных подсчетов, детального проекта сделать невозможно, и придется поневоле ограничиться только конспективными заметками, которые могут послужить руководством для детальной разработки.

Против этих соображений может быть высказано тысяча и одно возражение. Кого-то может напугать масштаб транспортного проекта, ког-то – необходимость колоссального объема работ. Я заранее уверен, что критиков будет в переизбытке, и каждый будет приводит десятки доводов, почему создание Красноярского транспортного узла невозможно.

Однако, масштабов работ и новизны дела бояться не нужно. Что делать, успехи сами собой не являются. Давно нужно понять и твердо усвоить, что никто за сибиряков ничего не сделает. Все проекты, которые составляли за сибиряков, предусматривали только вывоз сибирских ресурсов и транзит. Это и понятно. «Эксперт», не могущий отличить Красноярский край от Краснодарского, не может увидеть потенциальные возможности.

ЧАСТЬ IV

СИБИРЬ И РОССИЯ

Глава 11

Зачем нам государство?

«Люди говорили о демократии и связывали ее со свободой. Но как только они достигали самоуправления, которое считалось одним из атрибутов демократии и свободы, немедленно искали самодержавия под каким-нибудь другим именем. Они желали, чтобы государство регулировало промышленность, думая, что оно может занять место индивидуального управления и что промышленность, будучи явлением новым, требует регулирования, тогда как в действительности промышленность еще не нашла своей функции и требовала свободы, чтобы найти себя. Многочисленность наших теперешних законов, дебри законов и предприятий, не указывает на расширение свободы и прав человека».

Генри Форд

Этот вопрос, вынесенный в название главы, многих свергнет в недоумение и вызовет жаркие споры. Однако я хотел бы его задать, может быть даже в более жесткой фор-

ме: что такого хорошего может сделать для нас государство?

Этот вопрос не зря стоит в начале части, посвященной взаимоотношениям Сибири и России. По существу, это основной политический вопрос в теории сибирской самостоятельности. Кроме него, никакие другие политические вопросы пока не имеют значения.

ЕСТЬ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ?

В числе упреков, наиболее часто бросаемых сторонникам сибирской самостоятельности, числится упрек в том, что сибиряки будто бы только и думают о том, как бы отделиться от России, как можно быстрее, безоглядно и навсегда. Это стандартный жупел противников сибирской самостоятельности, и, к сожалению, есть в Сибири такие «политики», которые этому жупелу подыгрывают, пользуясь риторикой отделенчества. Таким образом происходит выдвижение «сибирского сепаратизма» как некоей универсальной политической сибирской идеи.

В Сибири сейчас нет каких-то универсальных и общесибирских политических идей. Идея сибирской самостоятельности не является по существу политической идеей, а тем более партийной. Ситуация партии сибирской самостоятельности – шизофреническая, потому что ее оппоненты, получается, настаивают на зависимости Сибири. Она по большому счету даже не является предметом для дебатов, поскольку странно выглядят люди, заявляющие о том, что им-то необходимо быть зависимыми и эксплуатируемыми. Это, скорее, рамочная идея, объединяющая все сибирское общество, и касающаяся всех сибиряков.

Вот в ее рамках уже раздолье для политической борьбы. Самостоятельная Сибирь может быть очень разной. Она может быть частью России, а может быть независимой и составлять отдельное государство. Она может быть социалистической или капиталистической, аграрной или индус-

триальной. В рамках этой общей, генеральной идеи возможны какие угодно политические группы, платформы, идеологии, ну и борьба, само собой.

Идея сибирской самостоятельности присутствовала в Сибири всегда, как до русских, так и при русских. Борьба с попытками превратить Сибирь в рудно-сырьевую базу идет уже не одно тысячелетие, и первая известная попытка относится ко времени хуннского шаньюя Модэ. В рамках такого подхода понятно, что идея сибирской самостоятельности, или любой ее эквивалент, обозначает отличие жителей Сибири от тех, кто рассматривает Сибирь в качестве кладовой природных ресурсов. Но, в силу нынешней слабозрелости сибирского самосознания, она практически не проявляется, хотя существует и подспудно действует.

Главное, что нужно понять, так это различие между разными подходами к Сибири. Первый, наиболее распространенный сегодня, отрицает вообще в принципе существование сибирского общества, интересов и потребностей, и рассматривает Сибирь как пустую территорию, некий склад природных ресурсов, которая была случайно заселена переселенцами из России. Иногда он высказывается очень откровенно: «Сибирь наша, хотим осваиваем, а хотим – нет».

Если проводить аналогии, то это подход полного отрицания основных человеческих прав. Представьте, что вы столкнулись с человеком, который считает, что вы – его имущество, который он полноправно распоряжается. Захочет, и убьет, а захочет жить оставит. Вы в таких отношениях являетесь рабом.

Такое отношение к Сибири равнозначно такому отрицанию человеческих прав. То есть, если продолжить аналогию, все, высказывающие подобную точку зрения, считают сибиряков бесправными рабами. Жупел «сибирского сепаратизма» – неотъемлемый элемент этого отрицания прав, и активное использование его представляет собой, по сути, страх рабовладельца перед побегом или восстанием рабов.

Идея сибирской самостоятельности же предполагает совершенно другое отношение к сибирякам и сибирскому обществу. Мы – полноправные, свободные люди. Какое отношение эта идея имеет к политике? Разве из нее вытекает идея немедленного отделения от России?

Пока что политическая деятельность на сибирской почве практически невозможна. Для таковой нужно хотя бы десяток активных людей и хотя бы одного оппонента, с которым нет схождения во взглядах. А также нужна почва, то есть общество, структурированное вокруг некоторого общего принципа (в нашем случае, отношение к Сибири). Политическая борьба и столкновение мнений идет вокруг конкретных путей развития общества на основе этого самого общего принципа.

Ежели общий принцип слабо проявлен, то и политические идеи на его почве взойти не могут, а, следовательно, не может развиваться и политическая деятельность.

Вот именно поэтому я выступаю не как политик, а пропагандист идеи сибирской самостоятельности. Для того, чтобы мне стать политиком, мне нужно сначала раскатать сибирское общество, вывести идею сибирской самостоятельности на актуальный уровень, а потом уже заниматься формированием своей политической платформы. Если нет подготовленной почвы, то кроме сорняков ничего не вырастет.

Вот в рамках сибирской самостоятельности, в рамках свободного сибирского общества уже возникают политические (подчеркиваю!) идеи: нахождения в Российской Федерации или выхода из нее. Повторяю, идея отделения от России – это идея чисто политическая, которая выработана свободным обществом. Собственно, выбор между отделением и нахождением в России – это выбор именно свободного общества. Сейчас ни выработка этой идеи, ни тем более ее реализация не может быть исполнена за отсутствием свободного сибирского общества.

Поэтому обсуждение подобных политических идей придется поневоле вести в режиме «забегая вперед». Сей-

час нет в Сибири субъекта, которое смогло бы выдвинуть свои политические идеи. Но я надеюсь, что этой книгой я внесу вклад в превращение сибирского населения в сибирское общество, которое таким субъектом станет.

Итак, основной политический вопрос состоит в том, нужно ли Сибири государство? Если да, то в каких количествах. Этот вопрос имеет самое прямое отношение к вопросу о нахождении Сибири в составе Российской Федерации, потому что Россия Сибири не может предложить практически ничего, кроме «государственных услуг».

ИЗБЫТОЧНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Понятно без слов, что сторонники «государственничества» в том или ином виде, начнут загибать пальцы и перечислять достоинства государства. Здесь на первом месте будет оборона, безопасность, потом поддержка национального производителя и так далее. Назовут еще множество достоинств.

Если рассматривать сибирский пример, то здесь ситуация еще более показательная. Существует целый ряд деятелей разного уровня, которые совершенно не представляют себе Сибирь без постоянного вмешательства федерального правительства. Поэтому наш вопрос у них вызовет только недоумение.

Только здесь стоит указать, что подавляющая часть этих достоинств относится не к какому-то реальному государству, а воображаемому, идеальному. Анализ реальных дел реальных государств покажет, что почти все они так или иначе подавляют общество, если не ведут прямо репрессивную политику. Почти все государства подавляют по мере сил свободный обмен информацией и ограничивают свободу перемещения. Не говоря уже о политической активности граждан, которая подвергается жесткой регламента-

ции. Причем это подавление и регламентация чуть ли не в наибольшей степени развито в странах, т.н. «демократии». В этой связи нельзя не вспомнить германский Комитет по защите Конституции, который официально осуществляет цензуру средств массовой информации, как в самой Германии, так и за ее пределами. Журналист, вызвавший неудовольствие этого комитета либо лишится работы, либо больше не въедет в «демократические страны».

Так что вопрос о государстве, и особенно об отношениях его с обществом, требует рассмотрения. Причем не с точки зрения теории, даже самой привлекательной, а с практического ракурса. Рассмотрение темы с практической точки зрения должно начаться с того, какие функции для государства явно избыточные.

Современная традиция государственной власти, сформировавшаяся в основных чертах в конце XIX и первой половине XX века, предполагает, что государство активно вмешивается в общественные дела. Более того: должно активно вмешиваться. Отчасти это объяснялось военной необходимостью, отчасти идеологией. Социалистические партии и движения превращали государство в инструмент для достижения своих целей.

В результате государство захватило себе функции, которые раньше исполнялись обществом. Например, еще в начале XX века политические партии и общественные организации не регистрировались, а теперь госрегистрация является чуть ли не самым главным условием для работы (показателен здесь российский закон «О партиях»). Теперь работа таких организаций на всех этапах строго формализована. В борьбе с нарастающим валом регламентации появились новые разновидности общественных организаций: неправительственные организации (по существу же, такие же партии), но и к ним теперь подбираются с регламентом.

Государство также подмяло под себя практически всю экономическую деятельность. Вне регулирования (законодательством, системой разрешений и лицензий, налогами)

осталась лишь мелкая торговля, и то не везде. Практически исчезло обычное право, которое заменила государственная судебная система. Лишь слабый отголосок остался в виде суда присяжных. По сути, общество теперь существует как пережиток давних времен, элементы вольности которого методично вытесняются очередными законодательными нововведениями.

Определить реальную роль общества по нынешним временам довольно трудно, ибо уже примерно вековая традиция доминирования государства лишает нас конкретного опыта общественного самоуправления. Однако, самые основные элементы самоуправления можно вывести чисто логическим путем. Даже в современной правовой теории легитимность власти основана на общественном волеизъявлении, прямым путем или через представительные органы власти. Соответственно, государственная власть признается вторичной по отношению к обществу. Это в теории, а на практике мы видим абсолютное доминирование государства.

Если быть последовательным в этом деле, то нельзя не признать, что это государственное доминирование над обществом является противоестественным и его необходимо устранить.

Это первый момент. Второй момент состоит в том, что в настоящее время почти все государства финансируются за счет налогов, то есть целевых общественных взносов. Следовательно и в экономической сфере государство является вторичным по отношению к обществу. Однако и здесь мы видим полное господство государства, которое должно быть устранено как противоестественное.

Третий момент состоит в том, что ныне большинство стран строит свою оборону на основе всеобщей воинской повинности, следовательно общество поставляет не только материальные, но и людские ресурсы для организации обороны. Следовательно и в этом вопросе государство вторично по отношению к обществу (как бы не была смутительна эта мысль).

В большинстве стран города и населенные пункты официально имеют самоуправление в виде муниципалитетов, отделенных от государственной власти, так что и в этом вопросе государство вторично перед обществом. Вот эта мысль о том, что в общественно-государственной структуре первично общество, является наиболее важной и принципиальной.

Как видно, сами по себе функции государства не являются производящими, а обслуживающими. Основа же любого людского сообщества находится в обществе, в его производительных силах, ресурсах и системе организации. Государство появилось как общественная структура организации обороны (в связи с чем появилось меткое наблюдение Макиавелли о том, что Государь занимается только войной), а потом его функции несколько расширились до перечисленных выше.

В чем есть однозначное преимущество государства перед обществом, так это в установлении территории и границ, выдачи удостоверяющих документов, организации денежного оборота, командовании вооруженными силами, и установлении системы мер и весов. Пожалуй, только в этих сферах государство добилось по-настоящему выдающихся успехов. Нынешняя экономика во многом стоит на достижениях государств, которые ввели на подвластных территориях единую систему мер и весов, единую денежную систему. Сейчас государства в рамках ВТО создают единую для всего мира систему торговых правил, которая резко упростит международную торговлю.

РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ

Многие люди настолько привыкли к государству, что уже и не мыслят своего существования вне и без его структур. Для них уже непонятна жизнь человека, на которого государственная власть почти не распространяется.

Вне всякого сомнения, в развитии сибирских политических идей будет особенно сильным это столкновение между идеями государственничества и идеями самоуправления. Все-таки, несмотря на сильнейший административный диктат, широко известное административное бесправие в Сибири при русской власти, общество хранило традиции самоуправления, и смогло даже своими силами создать свой университет в Томске.

Но, в общем и целом, сама идея приоритета государства, его господства над обществом, противоречит идее сибирской самостоятельности. Противники самостоятельности Сибири начинают свои речи с того, что отделение Сибири от России не решит проблемы. Это является их отличительным знаком. Как только человек заговорил об отделении Сибири, то видно, что перед нами – противник сибирской самостоятельности.

Сторонник же этой идеи никогда не заведет разговор с отделения. Для него есть масса более важных задач, чем немедленное объявление независимости, проведение границ и создание государственных органов. В нашем случае, эти важные задачи: восстановление сибирского хозяйства, преодоление разрухи, оживление внутреннего рынка, налаживание нормальных отношений и партнерства с соседями. Вопрос отделения, и вообще государственности как таковой, стоит по важности на десятом или пятнадцатом месте.

Причина такого положения дел состоит в том, что мышление русского патриота и сторонника сибирской самостоятельности коренным образом различаются. Русский патриотизм до мозга костей пропитан государственным подходом, а государство для него альфа и омега, с государства все начинается и государством же все кончается.

Русский государственный патриотизм, по большому счету, является восхвалением практики Московского государства, Российской империи и СССР, которые строили свою государственную мощь на основе ограбления ресурсов общества, на основе нещадной эксплуатации природ-

ных ресурсов. В разное время этот подход использовался в разной интенсивности, и по мере развития этого государства интенсивность нажима на общество снижалась. В СССР была самая слабая и мягкая форма разграбления общества. Ни сталинская коллективизация, ни сталинская индустриализация, ни военное время не идут ни в какое сравнение с теми методами выжимания из народа соков, какие практиковались при Иване Грозном, Алексее Михайловиче или Петре Первом.

Московские государи всегда смотрели на общество, как на враждебную силу, которую надо покорить, лишиться силы, разграбить ресурсы. Это понятно, почему так произошло. Московия, бывшая первоначально небольшим княжеством, построенным на основе абсолютной власти великого князя, расширилось за счет русских земель с куда более свободным общественным устройством. Московским государям пришлось вести долгую и изнурительную борьбу с народным самоуправлением, с традициями веча и общества. Способ обращения с обществом, практикуемый в Московском государстве, является методом хозяйничанья в покоренной стране. Лишь с течением времени, по прошествии десятилетий и веков, московское иго становилось привычным и худо-бедно приемлимым, но от этого не менее тяжелым.

Потому-то государство и стало со временем восприниматься как единственно возможная форма существования, а на общество стали смотреть как на нечто слабое, вторичное и вообще необязательное.

Сибирская же самостоятельность вообще начисто лишена государственного подхода, хотя бы потому, что своей государственности в Сибири не было последние 300 лет. В нормальном обществе вопросы государства, обороны и управления решаются совершенно по-другому. Государство является организационным оформлением некоторых функций общества. Конкретные формы государства выбираются в зависимости от стоящих целей и потребностей.

В деле управления государство при нормальном под-

ходе играет только ориентирующую роль. Государственные органы могут, как правило, отслеживать ситуацию более глубоко и широко, чем общественные организации или хозяйствующие субъекты, и потому главная роль государства – выполнять определенные функции и давать ориентирующие указания обществу. Сибирский подход в этом деле коренным образом отличается от московского. В нашем случае государство, взамен на работу определенного рода (оборона, внешняя политика, безопасность, установление стандартов, разные ценные указания), получает в пользование определенную часть общественных ресурсов для своей деятельности. Дополнительно, в критических условиях, для отражения внешней агрессии или борьбы со стихийным бедствием, государство получает дополнительную часть общественных ресурсов. Сила государства строится, таким образом, на общественных ресурсах. Чем их больше, тем больше государство может получить их для своих нужд. При таком понимании дел нет нужды создавать разнообразные «государственные закрома», в виде спецхранов, спецскладов, государственных предприятий, государственной собственности и так далее.

Сторонники государственничества считают, что госмонополия, как по волшебству, решит все экономические проблемы Сибири. Однако, на мой взгляд, этот путь для Сибири неприемлем. Госмонополия не только породит неизбежную в этом случае группировку могущественных чиновников, распоряжающихся госимуществом, но и резко затормозит развитие сибирского общества. Мы сейчас и без того сильно задавлены государственной бюрократией, чтобы проповедовать возвращение к ней же.

Быстрый рост Сибири возможен только при задействовании всех общественных сил. Если каждый сибиряк делает свой посильный вклад в общий рост, тогда Сибирь станет богатой и процветающей. Но для этого нужна свободная общественная структура, чтобы каждый мог заниматься своим делом, не дожидаясь чиновного разрешения. В

противном случае, если будут установлены госмонополии, и контроль государства над экономикой, произойдет раскол общества. С одной стороны будет господствующее меньшинство, а с другой – приниженное большинство. Развития в таком случае не будет, ибо не будут задействованы все силы сибирского общества. Будет такая же массовая апатия, что и теперь.

Вопрос о налогах стоит в прямой связи со способом государственного управления. Если сторонники государственничества защищают господство государства над обществом, то для этого дают ему в руки разнообразные ресурсы: право взимания процентной дани (то есть налогов) собственностью и право взимать плату за пользование этой собственностью. Если развить эту мысль дальше, то по сути предлагается отделение государства от общества, с превращением первого в самодовлеющий механизм.

Если же рассматривать дело с той точки зрения, что государственные структуры являются особым подразделением общества, занятыми специфическими делами в интересах всего общества в целом. И в этом случае нет необходимости заводить особый институт процентной дани (налогов). Услуги администрирования, планирования, эмиссии денег, безопасности и обороны, составления законов и прочее оплачиваются также, как и все остальные услуги.

Главный неустранимый недостаток государственнической политики заключается в том, что государство в таком случае настолько сильно подавляет общество, что граждане начинают относиться к своему государству, как к работителю и угнетателю. Государству приходится заставлять граждан хоть что-то делать из-под палки, давлением и насилием. В итоге устанавливается шаткая и расточительная структура, основанная на взаимной вражде и недоверии общества и государства, которая ослабляет страну и тормозит ее развитие.

Поскольку перед самостоятельной Сибирью стоят большие задачи по развитию, нам такую систему ни перенимать,

ни воспроизводить нельзя, как бы она ни была дорога господам государственным. С ней мы добьемся только закрепления сегодняшней отсталости Сибири.

ЦЕНТРАЛИЗМ

У государственников есть еще один аргумент в защиту своих взглядов: государственный централизм. По их мнению, это явление делает жизнь общества легкой и приятной, или, по крайней мере, безопасной. Как они считают, все самые лучшие, взвешенные и продуманные решения принимаются в центре. И вообще образование центра составляет суть самого явления государства.

Однако, рассмотрение истории развития государств показывает, что централизм чаще всего не является неотъемлемой частью развития государства. Особенно, если под централизмом понимать сосредоточение всех функций: административных, военных, финансовых, законодательных, политических, в руках узкого круга лиц. Можно привести множество примеров тому, что государства великолепно существуют и развиваются при наличии, например, нескольких экономических центров (Германия и США, как неплохой пример этому), нескольких культурных и образовательных центров (Великобритания, Германия, к этому списку относится также и Россия, а теперь добавился и Казахстан, открывший мощный образовательный центр в г. Туркестане – Университет им. Ахмеда Ясави), политических центров (Китай), национальных автономий (Испания, Россия опять-таки). Существует большое количество стран с несколькими официальными языками и языковыми автономиями. В этом отношении особенно выделяются такие страны как Индия, Пакистан, Афганистан с их многочисленными местными языками.

Тезис о том, что централизм в выше помянутом смысле якобы является неотъемлемой частью государства, просто

несостоятелен с фактической стороны. В эту категорию не попадает даже Россия. Строго говоря, где? Культурно у нас две столицы: Москва и Петербург. Образовательно, тоже две: те же Москва и Петербург, плюс ряд городов с сильными научно-образовательными центрами. Экономически у нас тоже несколько столиц. С финансовой стороны – Москва, с транспортной и производственной – Петербург, со стороны нефтяного экспорта – Нижневартовск, Нефтеюганск, Сургут. Политически у нас тоже полицентричность. Во-первых, Петербург, из которого вышла нынешняя команда управленцев. Во-вторых, организации вроде «Сибирского соглашения» и «Верхней Волги» никуда не делись.

Теорию сторонников господства государства опровергает сама российская практика. Россия утратила полную унитарность своего строения довольно давно, со времен присоединения царства Польского и Финляндии. В XX веке Россия еще дальше отошла от унитарности, прожив большую часть этого века в виде федерации, причем федерации, как на уровне союзных республик, так и на уровне федеративного строения РСФСР. Теперь, «первый уровень» федеративности сменился еще более свободной организацией в виде СНГ, а «второй уровень» федеративности существует сегодня как Российская Федерация.

Де-факто, ситуация, когда Россия утратила централизм в своем развитии, установилась уже в середине 90-х годов XX века. Тут надо сказать, что это мы по привычке воспринимали Россию, как централизованное государство, но это не так. Наша страна состоит по меньшей мере из 5-6 стран, с разной историей, разным типом экономики, разным направлением развития и так далее. Образование федеральных округов, по существу, это шаг правительства к признанию этого положения. Он половинчатый, он недостаточный, но это шаг признания полицентричности России.

Для Сибири характерен совершенно нецентралистский подход. Выраженный центр – отсутствует. Роль управления распределена между несколькими центрами, которые на-

ходятся между собой в тесной связи. Это ярко проявилось, например, в городской структуре Красноярска, в котором Краевая администрация находится в одном месте, городская администрация – в другом, совершенно не тяготеющим к первому. То тут, то там разбросаны в структуре города другие важные учреждения и деловые центры. Зато выражены связи: мощные мосты через Енисей, широкие и длинные проспекты, сетчатая структура города, пронизанная в нескольких местах железными дорогами. Город построили люди, для которых наличие единого центра было совсем не очевидно и вовсе не обязательно.

Отсутствие «центрирования» представляет собой характерную черту сибирского мышления. Его основной постулат заключается в том, что в построении любых систем, не надо, не обязательно создавать единого центра, и ни один сибирский город не построен так, как построены Москва и Санкт-Петербург.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Из этого вытекают основные требования. Одним из главнейших и жизненных требований является требование экономической самостоятельности. Оно заключается в том, чтобы Сибирь, как единый регион, или совокупность регионов, обладала собственными ресурсами для развития, составляла и осуществляла свои планы экономического развития.

Для этого необходимо добиться следующего:

Во-первых, должен быть изменен порядок выплаты налогов. Каждое конкретное предприятие платит все налоги в том месте, где реально работает. Понятия федеральных и местных налогов при этом ликвидируются. Далее, федеральный центр получает из регионов ровно столько, сколько заложено расходов в госбюджете, плюс взносы в

общий страховой фонд. Сумма налогов, которая вытекает из расходов бюджета, раскладывается на регионы. Все, что остается после этого, безраздельно остается в ведении региональных властей и не может быть изъято.

Во-вторых, федеральные целевые программы (на которые ныне расходуется значительная часть бюджета) должны иметь только рекомендательный и ориентировочный характер. Федеральный центр планирует то, что нужно в общегосударственных интересах, раскладывает по регионам, смотря по условиям, и выполнением занимаются региональные власти.

В-третьих, как вытекает из предыдущего, федеральные расходы должны быть сокращены только до обороны и безопасности, государственного аппарата и общероссийских учреждений. Государство в лице федерального центра должно заниматься обороной, законами, эмиссией и стандартами, и больше ничем. Все остальное делают регионы.

Собственно, это и есть основания экономической самостоятельности Сибири в рамках современного нам федеративного государства. Поскольку мы не ставим цели немедленного и обязательного выделения Сибири из состава России, то принципы экономического развития независимой Сибири мы не рассматриваем.

В рамках России идея сибирской самостоятельности обладает большим потенциалом преобразования. Для общества, известного под названием «Россия», – это последний шанс на выживание.

Государство Россия, а также вся государственная идеология, машина и прочие, распадутся в близком будущем. Это крайне неэффективная, крайне затратная и вызывающая повсеместное раздражение своими действиями организация. Не может страна с населением в 147 млн. человек жить, опираясь на работу только чуть менее чем 20 млн. человек, то есть 13% населения. Она неизбежно рухнет под тяжестью такого государственного бремени. В этом нет никакого сомнения. Вопрос только в том, сохранится ли со-

общество, или оно быстро раздробится и будет за 2-3 поколения поглощено другими, более удачливыми народами. Здесь есть две альтернативы.

Первая состоит в том, что русский народ (или, условно, большинство) связывает свою судьбу с судьбой государства. В этом случае, при распаде государственной машины, русские лишаются малейших шансов на дальнейшее достойное существование. Власть в стране, после распада большого государства неизбежно переходит в руки более сплоченных и организованных национальных общин, которые быстро истребляют недовольных из числа большинства, и ставят его в подчиненное положение. Количество в данном случае роли не играет, поскольку результаты труда этого большинства будут уходить на развитие этих национальных общин, захвативших власть. В этих условиях большинство очень быстро сравняется с меньшинством, а потом превратится в меньшинство. Это обычная судьба имперских народов.

Вторая альтернатива состоит в том, что большинство пытается осмыслить себя как некоторую территориальную общность. Например, жители Северо-Запада, или жители Севера, или жители Сибири. Этот путь требует, конечно, отказа от целого ряда государственных мифов и кому-то очень любезной «однородности русского народа», мифической и противоречащей объективным и легко наблюдаемым фактам. Но он, на мой взгляд, более реален, чем какой бы то ни было, особенно связанный с «восстановлением империи». Во-первых, в создание таких самостоятельных общностей вовлекается не только тонкий слой столичной молодежи, а широкие слои жителей регионов России. Этот путь привлекательней и понятней для массы населения, чем разные «империи» и «союзы». Во-вторых, это лучшие условия для появления реальных лидеров. Формирование таких общностей неизбежно обратит внимание на многочисленные местные проблемы, и лидером станет тот, кто в них лучше разбирается и решает. В-третьих, он снимает проблемы отношений между народами и ликвидирует по-

стоянный антагонизм «государствообразующего народа» и остальных народов, живущих в России.

В этом случае Россия может сохраниться и развиваться в качестве федерации таких самостоятельных территориальных общностей. Такой подход к делу совершенно не требует немедленного государственного размежевания Российской Федерации. Напротив, выгодно, чтобы сохранилось одно государство, как поставщик специфических услуг.

ИЗБАВТЕСЬ ОТ ШОВИНИЗМА

Самое главное, основное условие, которое обеспечит этим проектам успех и развитие – это полный и решительный отказ от русского шовинизма. Вообще, в принципе. Всякий, кто поймет, что он такой же, как и остальные люди, а не «избранный по рождению», что остальным он интересен результатами своего труда, а не «мессианским духом», тот и сохранится. Любые попытки создать сообщество на очередной разновидности великорусского шовинизма, провалятся. Собственно, это не нужно доказывать, это и так видно невооруженным глазом.

Это действует и в отношении Сибири. Пример областников показывает: люди, гордящиеся своей колонизаторской историей, возводящие себя к колонизаторам, ничего в Сибири сделать не могут.

Мы – люди свободные. Наше членство в составе России означает только то, что мы готовы постоянно выделять часть своего труда, ценностей и времени на содержание общего государственного аппарата и системы обеспечения безопасности. В критической ситуации (внешняя агрессия или стихийное бедствие) готовы задействовать все ресурсы для его сохранения. Во всем остальном – наша полная свобода. Мы считаем себя кем хотим, какого угодно рода, говорим на каком угодно языке, поддерживаем связи с кем сочтем нужным. Из этого вытекает требование куль-

турной самостоятельности. Это означает:

а) отмену навязывания государственной идеологии и государственного патриотизма (в силу добровольности выбора это навязывание патриотизма, непременно для национал-патриотов, просто бессмысленно),

б) отмену навязывания какой-либо обязательной идентичности,

в) полную свободу изучения и составления своей истории,

г) полную свободу поддерживания внешних культурных и образовательных связей.

Из этих пунктов вытекают несколько принципиальных моментов.

Во-первых, официальная версия истории ликвидируется. История государства Российского при таком положении представляет собой сугубо официальную хронику событий, мероприятий и решений. Все остальное – касается только народов, которые Россию населяют, и каждый из них волен писать свою собственную историю, как он ее понимает.

Во-вторых, отменяется «официальная идентичность». Русский, россиянин – это только гражданство. Этническое и культурное самоопределение не ограничивается.

В-третьих, русский язык обязателен только в сфере делопроизводства, законодательства и вообще официального применения. Во всем, что не касается официальных дел, употребление русского языка, равно как и любого другого, остается на свободное усмотрение.

В-четвертых, не ограничивается свободное создание ассоциаций, союзов, организаций, учреждений и прочего, и прочего, для общения, творчества, исследований, просветительной деятельности и так далее. Всякий житель России, если у него на то есть время и ресурсы, может создавать такие организации.

Не зря в начале книги появился большой исторический раздел. Были бы возможности, то я бы его значительно расширил и ввел бы куда более подробное изложение си-

бирской истории. Без понимания того, что у Сибири есть древняя история, а значит, есть и будущее, нет сибирской самостоятельности.

Поскольку самостоятельность стоит на историческом опыте, накопленном рядом поколений, то в число важнейших задач входит изучение подлинной сибирской истории. Сейчас из нее выпадают важные фрагменты. Нет истории всего средневековья, от первых раннесредневековых государств до завоевания Сибири русскими. Мы сейчас не можем сказать ничего внятного о том, что происходило в Сибири в то или иное время, по той причине, что этим практически никто не занимался.

В связи с этим в требования самостоятельности необходимо поставить пункт об изучении в Сибири сибирской истории и подготовке специалистов по дорусскому периоду. Это очень важный пункт, ибо не имея понятия об историческом развитии Сибири, мы не будем в состоянии самостоятельно развиваться. Без дорусской истории все попытки развития будут носить характер более или менее удачного копирования все тех же колонизаторских схем. Перспективная задача – составление подробной сибирской исторической энциклопедии с отражением всех известных исторических событий, произошедших в Сибири.

Поскольку Сибирь в дорусскую эпоху имела сильные и разносторонние связи со Средней Азией и Ближним Востоком, то на ведущее место должна быть поставлена история не Западной Европы, как сейчас, а история этого восточного региона. Ведущее место в изучении языков должно быть отдано, во-первых, главным языкам восточного региона (в их число входят: арабский, персидский, китайский и чагатайский (литературный тюрки), и, во-вторых, языкам собственно Сибири (сибирские варианты тюрки, монгольский, и другие). Это требование важно и в экономическом смысле. Недопустимо, что в Сибири нет специалистов по языкам ближайших соседей, и нет никакой структуры для их подготовки.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ СИБИРИ

Особый пункт требований сибирской самостоятельности состоит в том, что Сибирь обладает свободой в установлении и поддержании внешних контактов, в первую очередь экономических, научных и культурных. Опыт сибирского движения, в частности, областничества, за которое теперь так ратуют отдельные товарищи, показывает одну очень важную вещь. Она бросается в глаза, однако, как можно увидеть, далеко не все осознают ее важность и значение для сибирских дел. Это – внешние связи Сибири и расположение ее в системе мировых связей: хозяйственных, политических, культурных, информационных и остальных других.

«Сибирские националисты» и прочие областники всегда настаивали на том, что самое главное – это сама Сибирь, а все остальное не так важно. По существу, они выступали за самоизоляцию региона и от соседей и от более дальних партнеров. Но исторический опыт говорит прямо противоположное. Значение Сибири, уровень ее культурного и экономического развития резко повышался в зависимости от числа и дальности внешних связей. Сибирь процветала, когда поддерживала связи с отдаленнейшими странами, и наоборот, была в упадке, когда внешние связи сокращались.

То же самое можно сказать о любой другой стране. По мере развития, роста, расширения и упрочения внешних связей, значение и уровень развития данной страны растет. Для тех, кто сомневается, могу привести пример превращения Европы из задворков мира в мирового лидера после географических открытий. Европейцы создали систему связей, охватывающих весь мир, и на этой поднялись. Европейцы во всем уступали арабам, индийцам и китайцам, кроме корабля и пушки. Еще на стороне европейцев была жажда к проникновению в самые далекие уголки мира, и этого оказалось достаточно, чтобы Европа сделалась гегемоном.

Сибирь никогда и ни за что не сможет добиться высокого уровня самостоятельного развития, если будет вести политику самоизоляции. Она выгодна колонизаторам, для более удобного черпания сибирских богатств. При отсутствии внешних связей сибиряки не смогут обратиться за помощью, и эксплуатировать их можно безнаказанно.

Исторически, именно разрыв исконных связей Сибири со Средней Азией и Китаем послужил главной причиной закрепления Сибири в составе Российской Империи и создания здесь колониального хозяйства. Решающим в этом отношении было запрещение (потом разрешили, но с огромными ограничениями) торговли с Китаем в начале XVIII века, строительство пограничных укрепленных линий на юге Западной Сибири в середине того же столетия, вместе с ограничением бухарской торговли.

Сейчас пробуждение Сибири связано с развитием внешних связей. Каждый регион налаживает связи со своим, наиболее значимым соседом, как Омская область – с Казахстаном, а Читинская область с Китаем. Каждый сибирский регион поддерживает прямые связи с 20-30 странами. Это очень хороший процесс, но все же Сибири пока далеко даже до Синьцзянь-Уйгурского автономного района КНР, который поддерживает связи со 119 странами.

В деле развития внешних связей Сибири – огромное поле деятельности. Нужны политические, деловые, культурные, научные связи, нужно изучение самого разнообразного опыта, который может быть применен в Сибири. Здесь есть чем заняться сотням и тысячам людей. Этим делом никто не мешает заниматься прямо сейчас.

Я больше всего говорю о связях с восточными соседями в силу своих личных склонностей именно к этой тематике. Однако, для Сибири большое значение имеют и западные связи: с Евроссией и Европой. В этом вопросе «сибирские националисты» и прочие областники подсовывают, как им кажется, «единственно верное решение» – рабское копирование. «Давайте будем как... (нужное вписать)»,

– вот их лозунг. Сибирь ни Штатами, ни Европой никогда не станет. Не позволяют ни исторические, ни культурные, никакие другие условия. Сибирь – это своеобразный мир со своими принципами развития.

Тесные и разнообразные связи с Европой вовсе не предусматривают никакого рабского копирования европейских институтов. Этого могут требовать только всякие областники, с их высиженным в кабинете «сибирским патриотизмом». Но вот участие в европейской торговле, образовательные и научные связи, участие в программах – вот это крайне интересно и ценно для Сибири. Нужно вести себя, как Казахстан, который у всех учится, но отбирает только то, что пригодно к реализации в казахских условиях. Нет никаких причин, чтобы отказываться от этого простого и прагматического принципа.

Глава 12

Наше видение Российской Федерации

«Все, что закон может сделать, – это признать законным и поставить на законное основание убеждение народа, что всюду должна господствовать честность в отношениях».

Генри Форд

На тему будущего развития и геополитического положения России написаны сотни книг и тысячи статей. Это одна из самых популярных тем для российских аналитиков и публицистов. Однако, сразу нужно отметить принципиальный недостаток, присущий всем этим концепциям, вместе взятым. Сколько мне не доводилось читать прогнозов и геополитических сценариев, все они всегда

хромали на одну и ту же ногу. Ни в одной из них не учитывалась разность развития разных регионов России, и вытекающие из этого дела последствия.

Просто поразительно, как это высоколобые геополитики и политологи сумели упустить из виду этот важнейший момент. Ведь даже на уровне бытового опыта понятно, что Сибирь и Урал отличаются от Евроссии. Достаточно раз проехать на поезде от Москвы до Владивостока, или даже вообще до любого сибирского города, чтобы уяснить в себе разность этих территорий, их разную структуру и разную логику развития.

Если же изучать экономику страны, транспортную систему, систему региональных отношений, то эта разность встанет выпукло и четко. В России есть много людей, хорошо понимающих и считающихся с этим фактом, однако он почему-то еще не занял достойного, подобающего себе места в концепции развития России и всевозможных сценариях.

Это одно из печальных последствий забвения в России пристального изучения экономики. На эту ногу особенно сильно хромают патриоты самого разного калибра, просто-душно считающие, что важнее всего имперская (русская, национальная или еще какая-нибудь) идея и воодушевление масс, тогда как экономика есть нечто вторичное, невлиятельное и необязательное.

А ведь именно из экономики и вытекает идея о том, что разные российские регионы развиваются по разным историко-экономическим траекториям, и являются собранными вместе, в рамках одного государства, лишь в определенных исторических обстоятельствах. Это очень веский факт, с которым нужно считаться и всегда о нем помнить.

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАНА РОССИЯ

Если рассмотреть Евроссию, то есть территорию трех федеральных округов: Центрального, Северо-

Западного и Западного, то мы видим здесь достаточно развитую европейскую страну, в которой проживает две трети населения России, где находится 70% промышленного потенциала страны и производится 75% ВВП России. По уровню своего развития, эта часть России вполне может быть сопоставлена с Италией, Францией, Испанией.

Небольшое примечание. В этом феномене и заключается разгадка того парадокса, что Россия, которая по многим подсчетам находится по уровню развития, чуть ли не в «третьем мире», тем не менее играет большую роль в мировой политике и занимает заметное место на мировых рынках.

Причины этому – неучтенность разности экономического развития регионов России. Валовый продукт, который производится по большей части в трех федеральных округах, уже названных, делится на все население России, часть которого проживает в беднейших регионах, и ничего не производит. Это и приводит к тому, что экономические показатели России постоянно занижаются против объективно существующих.

Вот и выходит от таких подсчетов, что по политическому влиянию Россия – явно европейская страна, а по экономическим показателям – страна третьего мира.

Эта европейская страна Россия имеет очень тесные связи с другими европейскими странами, в первую очередь через порты Калининграда и Санкт-Петербурга. Связи ведут в первую очередь в страны Балтики, в особенности в Северную Германию, куда приходит большая часть груза, перевозимого по Балтике.

Многие российские компании ведут очень успешный бизнес в Европе (стоит назвать «Газпром», отодвинувший даже европейского гиганта «Рургаз», «ЛУКОЙЛ», и еще некоторые другие компании).

В общем и целом, эта часть России ближе всего находится к европейским странам. Это – европейское государство в составе России.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ СТРАНЫ

Что же до остальных регионов, то определить их положение не так просто. Главная причина тому – особенности исторического развития. Например, Урал, Сибирь и Дальний Восток очень долгое время развивались как колонии России, того самого европейского государства, о котором мы только что сейчас говорили. Если реально оценивать сегодняшний статус Сибири, то это постколониальная территория, которая стремится к самостоятельному развитию, то есть принадлежит пока что к развивающемуся миру. Скорее всего, при нашей жизни будет именно так, и в нашу задачу входит закладка основ для превращения Сибири в развитую страну.

В силу этого обстоятельства их современное состояние обладает рядом особенностей. Например, хорошо видно, как транспортная система европейской России отличается от уральской или сибирской. В европейской России транспорт имеет радиальную структуру, то есть маршруты идут от центра: Москвы и Петербурга к промышленным центрам, к портам и водным артериям, к пограничным пунктам. В восточных регионах все не так. Там транспортные артерии тянутся через весь континент в широтном направлении. Это характерно как для железных, так и для автомобильных дорог, которые в Сибири идут параллельно друг другу. Здесь нет четко выраженного центра, к которому сходились бы все дороги. Даже на Урале, где транспортная система более развита, центрами могут быть с одинаковым успехом Екатеринбург (Свердловск), Челябинск и Уфа.

Собственно, транспортная система Урала и Сибири в ее современном состоянии – это всего лишь, в основе своей, продолжение транспортной системы европейской России, ответвление от которой вытянулось на 11 тысяч километров. Это в одинаковой степени относится как к Транссибирской, так и к бывшей Закаспийской железной дороге, протянувшейся из Нижнего Поволжья в Среднюю Азию.

Если в Европейской России города, лежащие на перекрестке транспортных маршрутов – это, как правило, крупные, индустриальные города, с долгой историей (даже сама Москва первоначально развивалась как город при переволоке и крупнейший ремесленный центр), то в Сибири это всего лишь узловые станции. Например, на Транссибе есть несколько меридианальных магистралей: Абакан-Тайшет, Лесосибирск-Ачинск-Минусинск, ст. Тайга-Томск, ст. Тайга-Новокузнецк-Междуреченск. Но узловые пункты: Ачинск, Тайшет и ст. Тайга – это крупные станции при небольших городах или даже небольших поселках городского типа. Сразу видно, что груз здесь идет транзитом и на месте не задерживается. На примере особенностей транспортной системы легко можно увидеть, какой характер развития здесь имеется.

Со временем, по мере самостоятельного развития, этот характер развития транспорта исчезнет, а вместо него сформируется новая система, со своими транспортными центрами. Об этом мы говорили в предыдущей части книги. Конечно, такие изменения будут отображать изменения в рамках всего хозяйства Сибири.

Для того, чтобы оценить направление развития Урала и Сибири, их собственную траекторию и возможное будущее, эти регионы нужно рассмотреть отдельно от европейской России, как будто бы это было отдельное государство, развивающееся за счет собственных ресурсов. Это такой логический прием, который можно условно назвать выносом точки зрения. Необходимо посмотреть на Сибирь как бы извне, оценить ее нынешнее положение как бы сторонним взглядом. Тогда все станет ясно. Появится понимание, что делать и как делать. Очень хорошо помогает рассуждение на тему, что вы бы сделали, имея вы возможность управлять Сибирью.

При рассмотрении восточных регионов России именно в таком ракурсе сразу же возникают самые разнообразные проблемы. Сразу становится ясно, что развитие это

затруднено множеством обстоятельств. В экономическом плане главное обстоятельство, сдерживающее развитие Урала и Сибири, это незавершенность экономической структуры, о чем уже много говорилось. В России, в региональном аспекте, Евроссия обладает завершенной экономической структурой, а вот восточные регионы — нет. Европейская часть страны производит в основном товары, а восточная часть в основном топливо, сырье и промышленные полуфабрикаты. В этом отношении регион входит в число развивающихся стран Ближнего и Среднего Востока. Его развитие толкается теми же глобальными экономическими процессами, что и развитие более южных стран.

В настоящее время регион Ближнего и Среднего Востока вступает в эпоху индустриального развития. Иран стал первопроходцем среди ближневосточных стран по пути самостоятельного промышленного развития. Среднеазиатские государства приобрели мощный промышленный комплекс во время нахождения в составе СССР, во время совместного с Россией экономического развития. Но в XX веке были заложены только самые основы индустриального комплекса этого региона. Здесь есть страны, в ничтожной степени затронутые промышленным развитием. В транспортном отношении регион развит очень слабо.

Небольшая территория, жаркий, полупустынный климат и быстро растущее население делают индустриальное развитие этого региона неизбежным. Других способов преодоления бедности и неблагоприятных условий региона не существует. Рано или поздно эта задача будет поставлена главной, и рано или поздно найдутся лидеры, готовые осуществить программу индустриализации.

Современный мир движется в направлении создания больших региональных экономических систем, которые объединяют в себе десятки стран, и включают в себя производства, размещенные на площади в миллионы квадратных километров. Старые экономические системы, имперского типа, основанные на создании одного центра и коло-

ний-окраин, источников сырья и топлива, в настоящее время постепенно распадаются. В т.н. «третьем мире» появляются новые индустриальные центры, зародыши будущих региональных экономических систем.

Этот процесс очень активно идет на Ближнем Востоке. Эта экономическая система будет развиваться вокруг наиболее развитой и наиболее выгодно расположенной ближневосточной страны – Ирана. Эта страна сыграет такую же роль, как Западная Германия в Евросоюзе – станет индустриальным центром региона. К Ирану, обладающему портами на Каспии, в Персидском заливе и в Аравийском море будут тянуться все транспортные магистрали региональной экономической системы. Это самое удобное место для перевалки грузов со всего региона в мировую систему коммуникаций, проходящую по морям.

Урал и Южная Сибирь обладают невыгодным расположением и экономическими характеристиками для вхождения в европейскую региональную экономическую системы. Для Европы эти районы – это далекая и малоинтересная периферия сырьевого характера. А вот для вхождения в ближневосточную региональную экономическую систему эти районы обладают рядом выгод и преимуществ, и могут предложить не только сырье, но также машины и оборудование, то есть занять важное место в регионально экономике.

Для индустриализации обязательна нужна первоначальная индустриальная база, то есть производство, которое будет производить самые важные и нужные для строительства и оснащения новых предприятий материалы и машины. Если такой базы нет, то необходимое приобретается за границей. Странам этого региона для индустриализации нужен большой список материалов, оборудования и машин.

Урал и Южная Сибирь вполне могут стать индустриальными базами не только для Сибири, но и для широкой индустриализации Ближнего и Среднего Востока, тем более, что развитие транспорта и внутреннего рынка этих стран совпадает с интересами развития этих районов. Тем

более, что уже существует первоначальные условия для такого рода сотрудничества: налаженная транспортная система, опыт сотрудничества и так далее.

Урал может стать поставщиком для стран региона тяжелого обрудования, достаточно простого и надежного в эксплуатации, учитывая особые условия и низкую квалификацию рабочих этих стран; станков и технологических линий; средств транспорта, вагонов и локомотивов, что особенно важно для развития транспортной системы региона. Также может поставляться качественный прокат черных металлов, продукция нефте- и газохимии. Алтайская индустриальная база может поставлять горношахтное оборудование, рельсы, мостовые и строительные конструкции, электротехнические изделия. Эти районы обладают также высокотехнологичным производством, и научно-техническим потенциалом, что также может быть с успехом использовано в развитии как самих районов, так и в индустриализации ближневосточных стран.

В транспортном же отношении Урал обладает прямым доступом к центру такой региональной экономической системы, к портам Ирана на Каспии, то есть есть занимает такое же место, как и Северо-Запад России по отношению к Европе.

Сибирь и Урал смотрят на Ближний Восток. Именно в развитии этого региона заключается ключ к самостоятельному развитию этих регионов.

СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИИ

Для того, чтобы осветить желательное для нас положение Сибири в России, нужно окончательно расставить все необходимые акценты в теме «добровольного присоединения» Сибири и «сибирского сепаратизма».

Есть три аргумента, почему сибиряки не являются, и не могут быть сепаратистами в принципе.

Аргумент первый и главный состоит в том, что сибиряки не являются сепаратистами потому, что Сибирь не входила в Россию добровольно. Конечно, официальная историография приложила массу сил и энергии для доказательства «добровольного вхождения», однако факты – вещь упрямая. Хорошо известно, что «присоединение» и «освоение» Сибири сопровождалось жестоким завоеванием, грабежом и уничтожением местного населения. Сибирь «присоединилась» к Московии таким же способом, как и Новгород, и Псков, и западные русские земли – то есть принуждением огнем и мечом. Именно насильственный характер «присоединения» и составляет основу нашего права на самостоятельность.

Если вспомнить о том, что когда-то ханы Сибирского ханства признавали свой вассалитет от Москвы и на этом основании попытаться создать некую теорию «извечной зависимости Сибири», то и в этом случае насильственный характер присоединения Сибири к Московии очевиден. В этом случае, во-первых, сибирские ханы сохраняли свое достоинство и оставались государями, то есть полноправными правителями на своей немалой территории. Во-вторых, Ермак напал на формально вассальное ханство, московский царь признал его нападение, что является нарушением вассального договора, и что еще более укрепляет тезис о насильственном захвате Сибири Московией.

Итак, Сибирь оказалась в составе России насильно, и выделение из этого государственного образования есть наше неотъемлимое и коренное право. Как мы этим правом воспользуемся, об этом ниже.

Аргумент второй состоит в том, что исторически Сибирь не является русской землей. Часто говорится, что завоевание Сибири было давно, с тех пор ее заселяют русские и потому это русская земля. Говорится это с таким контекстом, что раз Сибирь – русская земля, то сибиряки должны немедленно отказаться от самостоятельности. Между тем, до русских в Сибири кипела жизнь, были народы и

государства, в которых не было ничего русского и славянского. Это с одной стороны. С другой стороны, нужно напомнить, что русское население Сибири составлялось четырьмя категориями: переведенцами, беженцами, ссыльными и каторжниками. То есть, Русское государство старалось высылать в Сибирь худшую часть русского народа, часто даже отребья и отбросы общества, преступников. Даже старообрядцы, которых часто приводят в пример, сами являлись изгоями русского общества того времени. Эти два обстоятельства: большая дорусская история и заселение Сибири отбросами русского общества не позволяют признать русский характер Сибири.

Аргумент третий – это сырьевая экономика, построенная русскими в Сибири за счет уничтожения местных народов, их экономической системы, а также разграбления природных богатств. Сибирь служила для России местом наживы, и в этом разграблении Сибири участвовали все русские цари, от Петра включительно.

Поэтому слово «развитие» по отношению к Сибири под русской властью неприменимо. Превращение некогда богатого края в нищую окраину, до сих пор отстающую по социально-культурному уровню, назвать «развитием» никак нельзя. Нам благодарить Россию не за что, и аргумент «благодарности за развитие» не работает. Напротив, необходимость восстановления Сибири после разорения 90-х годов и дальнейшего свободного развития заставляет нас стремиться к самостоятельности.

Эти три, наиболее важных аргумента, показывают, что право Сибири на выделение из состава России является неотъемлемым для сибиряков правом, примерно того же ранга, что и право на жизнь, собственность, неприкосновенность и так далее. Я бы назвал его правом на родину. Люди, живущие на завоеванной земле, богатое историческое прошлое которой наотрез отрицалось, на положении людей «второго сорта», с постоянным «пополнением» в виде ссыльных и зэков, стесняемые в самостоятельном разви-

тии – не могут быть сепаратистами. Выделение при таком положении является освобождением от тяжелого гнета. Называть «сепаратистами» – означает клеветать на нас.

Итак, основание сибирской самостоятельности – это право на выделение из России, как захваченной и эксплуатируемой территории.

Теперь о том, как можно воспользоваться этим правом на выделение. Безусловно, я сейчас отражаю собственную точку зрения, и скорее всего, по этому вопросу будут еще большие споры. Однако, есть серьезные аргументы за то, чтобы сибирякам принять участие в переделке России в более жизнеспособную страну, чем есть сейчас.

Отправным пунктом является оценка Российской Федерации как уже де-факто распавшейся на части страны. В России существует сильная взаимная изоляция регионов, противостояние их, складываются отдельные политические элиты, в центре и в регионах, и идет процесс медленного экономического размежевания. Этот процесс не нами начат и дезинтеграция России идет полным ходом.

Регионы-страны: Сибирь, Северо-Запад, Евроссия, Урал, Кубань, из которых состоит Россия, имеют сильные различия в своей истории, культуре, языке, а также в общественном устройстве и экономике. Это, по сути, разные страны, с разной историко-экономической логикой и направлением развития. Эти регионы-страны тяготеют к разным регионам мира. Для проявления их полного потенциала нужно создание свободной от мелочного государственного вмешательства общественной и экономической системы. Государственная власть – это федеральное правительство, которое занимается только обороной, законодательством, эмиссией денег, внешней политикой и установлением стандартов. Все остальные вопросы решаются на уровне самоуправления и силами общественных организаций. Собственно, это и все, что нужно добиться.

Для достижения реальной самостоятельности не нужно не нужно заводить государственную бюрократию, со-

здавать всеобъемлющий контроль, перепахивать границы и так далее. Так делает наше правительство с его важнейшей для себя целью сохранения территориальной целостности. Но ни Сибири, ни другим регионам России смысла в этом нет. Наши задачи скорейшего восстановления и бурного развития требуют максимально гибкого, с наибольшим участием общества, управления, максимальной открытости и свободы, максимальной предприимчивости. Поэтому нам «вертикаль власти» и «граница на замке», что пятое колесо для телеги.

Если получится добиться такого свободного порядка, то это станет важнейшим преимуществом в условиях мира «закрытых дверей», режимов и пропусков. В мире, которым владеет запретительный психоз, мы быстро станем лидерами.

В решении проблем надо уходить от избитых способов, каким является путь немедленного отделения. СССР раздробили на 16 государств, но от этого проблем только прибавилось, тогда как старые решены не были. Если Россию раздробить на 8, 15 или еще сколько-нибудь государств, то от этого проблем не станет меньше, все они перейдут по наследству бюрократии новых государств. Путь немедленного отделения удобный, понятный, он впишется в мировоззрение элиты, но ожидаемого результата не даст. К сущности, это предложение об отсрочке решения проблем лет на 10-15. Но ждать мы не можем, и оно для нас неприемливо.

Госграница по западной границе Тюменской и Курганской областей разорвет сложившиеся хозяйственные связи. Не нужно нас выставлять идеалистами с горячими головами. Нашему движению должен быть свойственен не только реализм, но и даже прагматизм. Разрушив федерацию, мы обречем себя на долгий период вынужденной отсталости, перенапряжения сил на догоняющее развитие и сложения все той же системы «бюрократического централизма». Сибирь может развиваться и сама по себе, только старт будет долгим и тяжелым.

Не нужно забывать и о том, что собственное государство это еще и повышенные расходы на государство и оборону, которые в нашем случае лучше всего сократить до возможного минимума.

Поэтому для нас перестройка Российской Федерации намного предпочтительней полного ее раздела и государственного отделения Сибири. Поэтому, задача достижения самостоятельности Сибири выдвигает также еще и задачу перестройки Российской Федерации.

Вместо 89 регионов в ней должно остаться всего 6-7 регионов, каждое из которых будет иметь свое правительство и свой бюджет. Соответственно, распределение полномочий между регионами и федеральным центром заключается в том, что регионы занимаются хозяйством, социальным обеспечением, наукой, культурой, приграничным сотрудничеством и внешней торговлей, а федеральный центр занимается безопасностью, обороной, внешней политикой, эмиссией денег, контролем за законодательной деятельностью.

Вот такие условия были бы приемлемы.

Глава 13

Восстановление русского народа

«Именно война превратила организованную и плодотворную жизнь всего мира в беспорядочный и бесформенный хаос».

Генри Форд

В России еще не перевелись мечтатели о «восстановлении империи». Я сам знал таких людей, которые в свободное время рисовали на картах границы «будущей России», а также обсуждали, как им установить власть на зем-

лях, которые будто бы жаждут, ждут и не дождутся момента вхождения в Россию. Есть и писатели такого толка, вроде Максима Калашникова, расписывавшего «восстановление империи» в своей книге «Сломанный меч империи».

Еще больше людей, восхищающихся старой, имперской Россией и Советским Союзом. Это вообще отдельное направление мысли в современной России. Не сказать, что оно доминирует, но все же имеет большое влияние, особенно в интеллектуальных кругах.

Удивительно в этом то, что вроде бы неглупые и образованные люди ударяются в два поразительных занятия. С одной стороны, они тщательно пестуют идеи даже не вчерашние и не прошлогодние, а позапрошлого века. С другой стороны, они не видят, или не хотят замечать, что XX век стер с карты мира большую часть империй, в том числе и Российскую.

Можно сколько угодно восхищаться силой и нахрапом европейских государств, захватывавших куски территорий, новые и новые колонии, можно сколько угодно мечтать о возвращении «старого, доброго» колониального времени. Но при этом нельзя забывать жестоких уроков XX века. Всем колониальным империям колониализм обошелся очень и очень дорого.

Во-первых, метрополии ни в экономическом смысле, ни в социальном, ни в политическом, не могли самостоятельно жить без колоний, и при этом иметь авторитет и политический вес. Как только Великобритания растеряла свои колонии, она откатилась с позиций мирового лидера.

Во-вторых, мировые войны за колонии и передел мира нанесли в сопоставлении метрополиям ущерб намного больший, чем метрополии нанесли своим колониям в ходе колониальных войн и захватов.

Поэтому, главный исторический урок, преподнесенный событиями XX века, состоит в том, что колониальный путь развития предусматривает также взаимно истребительное столкновение двух или нескольких метрополий за передел

мира. Только по этой причине произошел распад мировой колониальной системы.

Если стремиться не к империям, тогда к чему же? Для людей, воспитанных на эстетике колониализма, этот вопрос тяжел и невыносим, хотя исторический опыт второй половины XX века дал на него свой ответ.

В середине XX века, после завершения Второй мировой войны, на обломках колониальной системы в мире стали активно складываться новые глобальные образования, которые я называю «региональными экономическими системами».

Если еще в начале XX века вся жизнь метрополий, колоний и зависимых стран сосредотачивалась в нескольких европейских столицах, то в середине XX века на мировой арене появились региональные объединения стран: «Свободный рынок», СЭВ, Исламская конференция, АСЕАН, а также отраслевые объединения, вроде ОПЕК. Они играют самостоятельную роль, обладают собственными финансами и ресурсами, а также проводят собственную политику. Кто в это не верит, советую вспомнить топливный кризис 1974 года. Несколько сравнительно небогатых тогда еще государств смогли навязать свою волю одной из сверхдержав мира.

Региональные экономические системы обладают общим рынком, общей экономической системой, часто развивают тесную кооперацию в промышленности, в транспорте и энергетике. Одним из наиболее ярких образцов региональной экономической системы был Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), который внутри себя имел общие промышленные программы, общую энергетiku и общую транспортную систему. Эта модель организации мирового сообщества, которая будет активно развиваться в будущем, тогда как сверхдержавы и метрополии будут сходиться со сцены.

В силу этого обстоятельства, я считаю, что целью развития России должно стать формирование на основе России такой региональной экономической системы. Понят-

но, что в числе главных регионов, которые войдут в нашу региональную экономическую систему, будут страны бывшего СССР, и сопредельные страны.

Эта цель предусматривает в первую очередь пересмотра отношения к странам бывшего СССР. Сегодня еще очень часто встречается отношение к ним как к «мятежным провинциям», которые временно вышли из империи, и просто жаждут в нее возвратиться. Однако, это не так.

Империи создаются двумя факторами: военной силой, когда захватить территорию очень легко, и соблазном, то есть резким превышением уровня развития метрополии над колонией.

Когда у России была и сила, и соблазн, она подчиняла себе территории. Но теперь уровень развития бывших колоний сравнялся с нашим, сил хватает только на удержание своего, и потому вполне закономерно Российская Империя, и СССР (как некая попытка воссоздания империи) распались. Например, Казахстан не вернуть сейчас в лоно империи ни силой (это сильное государство), ни соблазном, поскольку их уровень развития сопоставим с нашим, а по темпам развития они нас обгоняют.

В истории не было еще ни одного примера, когда часть империи, вышедшая из ее состава, добровольно в нее возвращалась. Страны бывшего СССР стали самостоятельными государствами, и, надо полагать, в таком статусе просуществуют еще достаточно долго. Это обстоятельство нам надо обязательно учитывать.

В большинстве программ, разработанных в России, полностью отсутствуют цели развития для внутренних регионов России. Складывается полное ощущение, что авторы даже и понятия не имеют о том, что Россия велика и обширна, что одна ее часть серьезно отличается от другой, и для каждой ее части нужна своя программа развития, на что нужно направить внимание. Хотя, можно поручиться за то, что в кабинетах разработчиков этих программ и концепций висят большие карты России.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОССИИ

О Сибири мы достаточно сказали, а теперь нужно сказать, что в программе развития России как региональной экономической системы одно из важнейших мест должно занимать развитие Евроссии.

Евроссия – это ключевой регион России, чья значимость вовсе не ограничивается только Москвой и Московской областью. Во-первых, это важнейший экономический район, ибо здесь сосредоточена большая часть наукоемкого и сложного машиностроения, большая часть наукоградов, значительная часть перерабатывающей промышленности. Вместе с Северо-Западом Центральный район производит 2/3 промышленной продукции России и дает 75% ВВП страны. Соответственно, нужна программа мер, которая будет направлена на развитие научно-промышленного потенциала Центрального района. Остро необходима программа обновления основных фондов промышленности, программа развития малых городов и населенных пунктов, развития сельского хозяйства, необходимого для существования этого густонаселенного региона России.

Во-вторых, это важнейший культурный регион России. Именно здесь находится историческая родина русского народа. Вместе с Северо-Западом, этот регион составляет область, где сформировался современный русский народ, где находятся его древнейшие города и важнейшие памятники культуры и истории.

Много говорят о том, что русский народ является «государствообразующим» народом. Известная доля истины в этом выражении есть, хотя в целом оно неверно. Неправильно считать, что русские были чем-то вроде винтика в государстве Российском. Исторически русские успешно жили и развивались в трех крупных государствах: Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой, Московии, и теперь живут в 16 странах бывшего СССР и более чем в 20 странах дальнего зарубежья. Как правило, русские занима-

ют в этих странах хорошее положение, и занимаются в основном интеллектуальным трудом.

Но, как же тогда обстоит дело с сокращением численности русского народа, если все так хорошо? На этот вопрос отвечу так: это и есть проявление коренных проблем русского народа. Их две. Первая – нерациональное государственно-политическое устройство России, которое нацелено на расходование сил русского народа, но никак не способствует восстановлению, развитию и усложнению русского народа. Вторая – разрушение культурной структуры русского народа, утрата связи с исторической родиной и с другими народами. Эти две проблемы между собой связаны.

Какая из них главная? Первая, конечно. Вторая проблема является следствием первой.

Итак, нерациональное государственно-политическое устройство России. Что под этим понимается? Понимается очень простая вещь. Государственная и политическая структура сначала Московии, а потом и России, а также Советского Союза, да и сейчас Российской Федерации, как наследника первых двух государств, создана для расширения, для захвата и удержания империи. Русское государство, начиная с XVI века – это определенно имперское государство, которое только и делает, что распространяется и захватывает все новые и новые территории, обороняет их и удерживает. Все остальное – внутренняя политика, устройство общества, идеология подчинены этой задаче. Оттого в России, в отличие от большинства стран Европы и Азии, которые не ставили задачи распространения, появилось жестко регулируемое общество, с тщательным предписанием, что можно, а чего нельзя, с мельчайшими запретами, и с сильно развитыми силовыми структурами. Бывали периоды, когда в России расцветало общественное разнообразие, но, как только снова объявлялся курс на захваты, на «активную» внешнюю политику или борьбу за торжество идеи во всем мире, разнообразие подавлялось и устанавливалось казенное однообразие.

О России много чего говорили, но, думаю, совершенно не случайно появился эпитет «казарменный».

Эта государственно-политическая структура России направлена на расходование сил русского народа. Она черпает его силы для пополнения армии, административного аппарата, расходует доход и ресурсы народа на разнообразное задачи, на пополнение госбюджета, растрчиваемого затем на разные стратегические нужды. Русский народ оказался столь многочисленным и мощным, что оказался способен поддерживать и даже увеличивать мощь этой системы на протяжении почти 400 лет.

Итак, 16 поколений наших предков жили в тотальной мобилизации, военной или тягловой. Их силы изнурялись налогами, повинностями, наборами в армию. Русский народ выживал не благодаря своему государству, а вопреки ему, благодаря природной силе, смекалке и уму, хотя постоянные тяготы не могли не сказаться на уровне развития народа. Когда военные тяготы уменьшались, русские являли миру величайшие творения своего ума и сообразительности: выдающиеся открытия, великолепные образцы искусства, яркие примеры деловой хватки и активности. Легко себе представить, чем бы русские обогатили мировую культуру, если бы не эта тотальная мобилизация.

Но, всякий ресурс приходит к исчерпанию. Так и последняя большая война черпанула по дну сил и возможностей русского народа. Едва ли не первый случай был в истории России, когда воевало все мужское население, а оружие делали подростки, старики и женщины. Сталинская индустриализация и победа во Второй мировой войне – это величайшие достижения. Но нельзя не признать их негативного эффекта в том, что ресурсы и силы русского народа оказались практически исчерпанными.

Однако, государственная система изменена не была. Она и сегодня по-прежнему ориентирована на растрату сил и возможностей русского народа. Это ярко сегодня видно в военной политике. Совершенно непонятно, зачем тратится

столько сил на загон в армию 18-ти летней молодежи. В это же самое время в силовых ведомствах: МВД, ФСБ, МЧС и других, коих расплодилось немало, служит в два раза больше здоровых и крепких мужиков, чем в Вооруженных силах. Общая численность силовиков в России – около 3 млн. человек, в то время как солдат и офицеров армии – 1080 тысяч человек. Да и многочисленные охранные агентства укомплектованы отборными мужиками, которым в самый раз быть бы в рядах Вооруженных сил.

Мало того, что под ружьем у нас стоит в два раза больше народу, чем мы можем себе позволить, 2% от населения страны. В дополнение к этому у нас на «укрепление» армии тратятся силы мужской молодежи, которую стремятся почти поголовно загнать в армию. Науками, бизнесом и технологиями у нас занимаются те, кто по болезни не был призван, либо откупившийся или уклонившийся от службы. Это вызывает недоумение, а что, России уже не требуются образованные специалисты? И вообще, не проще ли разогнать половину кадров МВД и МЧС, чтобы пополнить ряды армии?

Второй момент – администрация. Законодательство у нас по-прежнему развивается путем тщательной регламентации и регулируя во всех областях общественной и экономической жизни. Для соблюдения этой тщательной регламентации создаются по элементарной необходимости работы с огромным бумажным потоком документов и распоряжений, огромные административные штаты. Чиновники и административные работники – все люди образованные, ибо на госслужбу, а также на работу в крупные компании без высшего образования не берут.

По России наберется 4-5 миллионов человек, занятых административным управлением. Давайте зададим глупый вопрос: зачем столько?

А теперь давайте зададимся вот каким вопросом. Много чего было сказано и по поводу армии, и по поводу раздутого бюрократического аппарата. Но от гневных обличений и временами прокатывающихся кампаний по сокращению шта-

тов, пороки всей системы не исчезают. Этот факт говорит, что то, что мы считаем пороками, для самой этой системы пороками не является. Раздутые штаты административного управления, раздутые штаты силовых ведомств и нерациональная система набора в армию не являются плодами ошибок, недоработок или злого умысла, как принято считать. На мое мнение, все это является прямым следствием идеологии развития государства за последние 400 лет.

Начнем с набора в армию. Зачем всю мужскую молодежь, кроме увечных и больных, прогонять через службу в армии? Любой военный, не задумываясь, даст ответ: для того, чтобы иметь запас обученных солдат и офицеров. Но на следующий вопрос ответит далеко не всякий военный, и даже политик. А для чего нам иметь запас обученных солдат и офицеров размером примерно в 5-6% населения, то есть заведомо больше нужд армии? Вот здесь-то и начинается недоуменное молчание, хотя вопрос сам по себе простой. Просто государственная и военная система России несколько сотен лет, готовилась к войнам, то захватническим, то оборонительным. И потому для этих постоянных войн нужен был большой запас обученных солдат и офицеров, чтобы после подвигов какого-нибудь Жукова, вновь наполнить армию.

Теперь по силовым ведомствам. Идеология раздутых штатов МВД, ФСБ, МЧС и других силовых ведомств та же – государство ведет войну не на жизнь, а на смерть... Противник, правда, меняется по мере необходимости. Когда-то это были фарцовщики, потом кооператоры, потом организованная преступность, теперь вот международный терроризм. С каждым из них государство ведет войну, и каждый из них якобы представляет смертельную угрозу для страны и общества. После выступления Владимира Путина 13 сентября 2004 года, видимо, будет очередное увеличение штатов силовых ведомств. Но уже заявлено, что на развитие РВСН уже тратится «максимум средств». Пошел новый виток вооружений и военного психоза.

Вот в чем суть главной проблемы, терзающей Россию – так называемое «оборонное сознание», или, проще говоря, мания преследования, когда части политиков и части общества кажется, что кругом враги, и надо только-только чуть-чуть продержаться. Причем это «оборонное сознание» не видит простого исторического факта, что все территориальные потери России за XX век не были вызваны военными причинами. Вооруженным путем у России и у Советского Союза не было отторгнуто ни одного квадратного километра территории. Все потери – чисто политического свойства. Народам, которые жили в составе России, до смерти надоедало это «оборонное сознание», жизнь в большой, на всю страну, казарме, и они прилагали максимум усилий для того, чтобы вырваться из этого оборонно-казарменного строя.

И в самом деле, сколько можно.

ПОКОНЧИТЬ С «ОБОРОННЫМ СОЗНАНИЕМ»

Главной, на мой взгляд, задачей, которую необходимо выполнить русскому народу для резкого улучшения своего положения, является такая задача – покончить с «оборонным сознанием». Без этого невозможно коренное улучшение положения народа, ибо «держа в руках два пистолета, невозможно делать что-то другое».

Что это означает – покончить с «оборонным сознанием»? Во-первых, решительно отказаться рассматривать весь мир и окружающих соседей только как потенциальных врагов. Пристальный и внимательный анализ положения показывает, что ситуация оказывается намного сложнее, и в окружающем нас мире существуют и враги, и друзья, а просто нейтрально настроенные к нам люди. Не учитывая их существования, легко впасть в ошибку «оборонного сознания» и переоценку опасности.

Во-вторых, решительно отказаться рассматривать окружающий мир только как арену потенциальных захватов. Нам ничего не нужно захватывать, ибо ресурсов у нас достаточно, территории тоже достаточно, даже с избытком при сегодняшней плотности населения. Нам нет неотложной нужды бороться за средства к существованию, и нет нужды в захватах чего-то там. О «войне за ресурсы» пусть говорят параноики. Мы же можем любому желающему предложить поработать на нефтяных скважинах Самотлора, никелевых рудниках Норильска, алмазных трубках Мирного и золотых приисках Колымы. Добывать ресурсы в России не такая простая работа, как может показаться человеку, незнакомому с заполярными условиями.

Соответственно, за границами России начинается мир, куда нас могут только пригласить, но где мы не имеем права приказывать, навязывать свою точку зрения. Этот мир нужно изучать, развивать сотрудничество, торговлю, разнообразные связи. Но мысли, что этот мир когда-нибудь станет «русским», подвластным и подчиненным, нужно оставить раз и навсегда.

Есть два возможных контраргумента против решительного отказа от «оборонного сознания». Первый аргумент состоит в классическом: «Как мы можем отказываться, когда они...». Человеку, всерьез придерживающемуся такой аргументации, уже ничем не поможешь. «Оборонное сознание» в таком виде есть разновидность мании преследования.

Ссылки параноика на военное планирование не принимаются. «Оборонное сознание» и военное планирование — это совершенно разные вещи, и не надо путать одно с другим. Генштаб, в своей работе руководствуется огромным объемом информации о противнике, о его намерениях, о ТВД, о собственных войсках и планах, и основывает свои решения на точном и объективном анализе ситуации. «Оборонное сознание» основывает свои мнения на твердой и априорной убежденности в том, что Россию все хотят завоевать. Все аргументы против отменяются усилением голоса.

Второй аргумент: «Это слишком мало, чтобы произвести ожидаемые изменения». Вот с этим аргументом согласиться никак нельзя. Во-первых, отказ от «оборонного сознания», отказ видеть в окружающем мире только врагов и только плацдарм для завоевания, заставляет окружающий мир изучать. Изучая внешний мир, входя в понимание отношений в нем, мы вынуждаемся также глубже узнавать себя, определять себя гораздо более четко и ясно, чем при «оборонном сознании», чтобы в условиях разнообразных связей, различного и разнокультурного окружения не потерять и не утратить понимание своих интересов. При «оборонном сознании» русский – всего лишь малозначащий винтик военно-административной России, за которого думают и решают. При отказе от «оборонного сознания» русский становится тем, кем он и должен быть и кем является на самом деле – представителем своего народа. При «оборонном сознании» – русский сильный, а при нормальном и разумной подходе – русский умный. Разница понятна?

Отказ от «оборонного сознания» делает не нужным следующие явления российской жизни. Не нужны становятся многочисленные силовые ведомства. Большая армия нужна только тогда, когда есть априорное представление об окружающем мире, как о потенциальных врагах. При нормальном подходе численность армии резко сокращается, ибо становится понятно, что большинство политических проблем и внешних угроз можно решить политическими методами.

Не нужна детальная регламентация общества, и отпадает принуждение общества жить в рамках высочайше установленных образцов. Это делает ненужными многочисленные силовые ведомства: МВД, ФСБ, МЧС и другие, чья численность падает по уровня, необходимого для поддержания правопорядка. Именно поддержания правопорядка, а не навязывания полицейского режима! Значительно сокращается административный аппарат, чьи функции при здоровом подходе также являются излишними и дублирующими друг друга.

Здесь нужно понять вот какой момент. Тщательная регламентация общественной жизни нужна только для принуждения гражданина к повиновению любому государственному указу и превращения его в «мобилизационный резерв». Такой государственно-политический строй, какой есть сейчас у нас, направлен только на это. Главная его цель – создать такие условия, чтобы никакой человек ничего не мог сделать без обращения к государственным органам, и получения письменного разрешения. Это очень удобно для милитаризованного государства. Единым разом можно все хозяйство, все общество перевести на военное положение и принудить его к исполнению приказов.

Раздутая армия, силовые ведомства и административный аппарат – это совсем не пороки этой системы, с точки зрения «оборонного сознания». Это величайшая его сила, и величайшие возможности, ибо при существующей системе изменить общество можно иногда буквально за день путем отдачи соответствующего распоряжения. Мы видим уже, как это делается на примере монетизации льгот и отмены выборов губернаторов.

Разрушить эту систему, растрачивающую силы русского народа, невозможно путем частичных изменений в этой системе. Ее можно разрушить только поразив ее в самый центр и ядро – «оборонное сознание».

РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ ИЛИ ИМПЕРСКИЙ ПАТРИОТИЗМ?

Долгое время русский патриотизм был понятием достаточно абстрактным. Он распространялся на всю огромную державу, в одну шестую часть суши, на все ее самые разнообразные условия, ландшафты от субтропиков до субарктических пустынь, города и поселки. Русский патриотизм был многоликим и многонациональным, и к нему на полных основаниях мог присоединиться человек любой

национальности, любой культуры и языка. Этот вид патриотизма правильнее было бы назвать имперским патриотизмом. Русские построили огромную империю и на полных правах любили каждый завоеванный кусочек земли, считая его своим на том основании, что он полит русской кровью при завоевании.

Этот вид патриотизма, а, именно, имперский патриотизм имеет несколько ярких отличительных сторон.

Во-первых, центр для империи – это столица империи, где сосредоточена центральная власть. Отсюда исходят указания, распоряжения, сила, принуждающая народы, входящие в империю, к повиновению. Здесь же сосредоточена основная часть богатств и культурных достижений империи. Потому, вполне законно, столица империи любима и воспеваема ее гражданами.

Гражданин империи вполне мог никогда не бывать в столице, или быть только проездом, что не мешало ему гордиться столицей и превозносить ее выше всего на свете. Что же здесь любимо и воспеваемо? Город? Нет, поскольку город населяет лишь незначительная часть граждан империи, а вот культ столицы проникает во все концы имперской территории. Нация? Тоже нет, ибо в столице живут представители всех народов, входящих в империю. Имперская столица – город многонациональный по определению.

Скорее всего, когда воспевают столицу империи, то любят и превозносят власть. Вот она-то, в отличие от города, является для всех важной. Она достает любого гражданина империи, она устанавливает все порядки, от нее все зависят. Центральная власть – это высшая ценность гражданина империи, и потому неудивительно, что на ее поддержание и превознесение тратится столько много сил.

Во-вторых, патриотизм в империи не связан с какой-то территорией. Даже столица не является тем местом, где патриотические чувства выражаются сильнее всего. Что уж говорить о других частях империи? Имперский патриотизм связан с символами. Патриотизм для гражданина империи

– это приверженность символам, их определенному набору. Это тоже самое превознесение центральной власти, только в несколько опосредованном виде.

В Российской империи главным символом был императорский двуглавый орел, который мы встречаем на всех предметах, так или иначе связанных с властью. Даже обращения в органы власти полагалось писать на особой, «гербовой бумаге», с оттиском двуглавого орла и соответствующими водяными знаками.

В СССР символом империи были серп, молот и красная звезда, которые также использовали решительно везде. На всех предметах, связанных с властью, государством, неизменно были эти символы.

В-третьих, имперский патриотизм не имеет четко выраженного национального лица. Конечно, есть в имперской культуре национальная основа – культура народа, создавшего империю. Однако, имперская культура легко и охотно воспринимает влияние извне, влияние покоренных народов. Все, что приживается в культурной атмосфере империи, то получает свои права гражданства. Зато огромное значение приобретают все достижения, так или иначе связанные с властью. Сама культура развивается, в значительной степени, как воспевание власти.

И сейчас в России существует патриотизм совершенно бесспорно имперского типа.

Огромное внимание уделяется государственной власти. После короткого периода первое лицо в государстве снова стало культовой фигурой. Весьма показательна в этом отношении покотившаяся по России волна выражения приверженности Владимиру Путину: вывешивание портретов, широкое использование путинских лозунгов. Самая крупная партия в стране позиционирует себя как «партия Путина».

После короткого перерыва в России снова стали в почете государственные символы. Стало общепринятым выражать свою лояльность власти путем выставления на видное место государственного флага.

Патриоты и государственники представляют себя как продолжателей великой русской культуры, что, впрочем, сочетается с поразительным невниманием к мерам сохранения этой самой культуры. Можно долго описывать положение культурных учреждений, но мы ограничимся фразой государственного человека, министра культуры Михаила Швыдкова: «Музеи – кладбища культуры».

Легко заметить, что почти все государственные усилия в области культуры на протяжении 90-х годов ушли на превознесение государственной же власти. Восстановление храма Христа Спасителя, гигантский памятник Петру Первому в Москве, колоссальных размеров памятник Александру Невскому во Пскове, гигантский мемориальный комплекс на Поклонной Горе в Москве – все это, и многое другое, показывает, что власть видит культуру как некий подсобный инструмент для самопревознесения. Что же, подход вполне в рамках имперского патриотизма.

В пользу этого же говорит о тот факт, что почти вся культурная жизнь страны концентрируется в Москве, под боком у центральной власти. Даже на долю «культурной столицы» – Петербурга, остается очень немного. В культурной жизни всей России, в целом, Петербург практически не заметен. О других городах даже нечего и говорить.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЖИЗНИ В ИМПЕРИИ ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА

Российская Империя распалась. Это непреложный исторический факт. Это реальность, как не хотелось бы обратного ревнителем имперскости. Империя развалилась в 1918 году, и с тех пор продолжается процесс ее распада, прерываемый попытками создать новую империю на развалинах старой. СССР был такой империей, созданной на развалинах Российской империи. Российская Феде-

рация – это тоже империя, созданная на развалинах Советского Союза. С провалом каждой новой попытки воссоздать «великую и неделимую», отваливаются все новые и новые куски территории, некогда политые русской кровью.

Бывшие завоеванные народы ожидает простая судьба – отделение, самоопределение и создание своих национальных государств. Этот процесс пошел бурными темпами, и очень многие народы бывшего СССР пошли по непростому пути строительства национальной государственности.

Гораздо более трудной представляется судьба бывшего имперского народа – русских. Отличие русских от других народов заключается в том, что за полтысячелетия активного имперского строительства, они утратили черты своей национальности, и превратились в безликую людскую массу – население империи. Люди из этой массы обладали целым рядом ценных качеств и преимуществ, но это обстоятельство не отменяет отсутствие национально-го лица у русских. Хож-Ахмед Нухаев эмоционально, но достаточно точно сравнил русских со «служебными псами». Не важен внешний облик, главное, чтобы служебные качества были на высоте.

Вариантов исторической судьбы две – строительство национального государства, или продолжение попыток строительства империи с последующим исчезновением в небытие.

Путь продолжения строительства империи – это путь гибели русских. Не выйдет собрать даже тех, кто когда-то входил в русскую империю. Бывшие завоеванные народы стали такими же умными, развитыми и сильными, как и русские, и совсем не утратили своего национального характера с решимостью его защищать. В случае попытки «вернуть» их под «державную руку» будет оказано сильное сопротивление. Чечня – яркий тому пример. Чеченцы после сильнейшего удара 40-х годов, набрали сил и дали бой строителям новой империи.

Потом, бывшие завоеванные народы сами теперь несут соблазн для русских: яркой национальной культурой, целостностью характера, истовой верой, чего сейчас не может дать русская культура и православная церковь. Да, еще стоит добавить поле для приложения сил, ибо у наций бывшей империи есть проблемы с образованными людьми. Столкновение русских с бывшими подданными окончится тем, что русские станут частью народов, которых они когда-то завоевали.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ РУССКИХ

Но есть и другой путь – путь восстановления русского народа.

Любой народ национален не абстрактно, а сугубо конкретно. Это только в представлении закоренелых империалистов патриотизм безлик и беспредметен, и может распространяться на любую территорию. Для нормальной же нации патриотизм распространяется только на конкретную и определенную территорию, на которой данный народ сформировался. Это место в просторечии зовется «исторической родиной».

Есть ли у русского народа историческая родина? Есть!

Из восточных славян с ходом исторического развития выделилось три народа, которые когда-то составляли один корень: русские или великороссы, украинцы и белорусы. Примерно до XIII века все три народа были единым народом, с общим языком и культурой. Но потом русские земли разделились между Польшей, Великим Княжеством Литовским и конгломератом русских княжеств на севере и северо-востоке Киевской Руси, которые попали в вассальную зависимость от монголов. Русские, жившие в Польше, стали основой для появления украинцев. Особенно этот про-

цесс ускорился в XV веке, когда Польша приобрела большие русские территории вплоть до Днепра. Русские, жившие в Великом княжестве Литовском, на литовских землях, стали зародышем белорусов. Ну и русские восточных княжеств и Московии стали зародышем великороссов. Такое примерно у нас происхождение и родство.

Процесс сложения великороссов тоже был долгим и трудным. При формировании нашего народа сливались вместе несколько больших групп: коренные жители Северо-восточной Руси, мощная волна беженцев из разоренных южных княжеств и самобытная группа населения Северо-запада Руси, славянские жители Прибалтики, Новгородских и Псковских земель.

Соответственно, историческая родина русского народа захватывает территорию, простирающуюся от Южной Балтики (древних городов Старой Ладogi, Пскова, Изборска, Новгорода) до Верхнего Поднепровья, Дона и Поволжья (Владимир, Муром, Воронеж, Курск, Смоленск). Она довольно точно совпадает с Центром и Северо-западом Европейской части России. Географическим центром этой русской области является линия, проходящая через Петербург, Новгород и Москву.

Вот это место является местом зарождения русского народа, его исторической родиной и национальным очагом.

Нынешняя Евроссия – место, мало пригодное для жизни. За исключением нескольких процветающих областей, это огромный депрессивный регион, из которого люди стараются уехать в Москву или в Петербург. У экономического разорения есть и очень неприятная сторона. В силу разорения Евроссии, в силу упадка исторической родины, русский практически ее лишен. Он не может приехать и поселиться здесь. Ныне такое решение требует решимости первопроходца.

Поэтому основная задача для правительства России сейчас – это не стремление к разным амбициозным задачам, а восстановление силы русского народа. Это главное,

от чего зависит будущее России на продолжительный период. Если в этом направлении не сделать никаких шагов, то весьма быстро Россия, как государство, распадется на составные части, и вот тогда Сибири придется развиваться в качестве самостоятельного государства.

Для этого нужно сделать сравнительно немного: освободить, во-первых, русских от этой тяжелой дани государству, разрушить систему истощения его сил и ресурсов. Во-вторых, нужно предоставить экономическую свободу Евроссии, как региону. Его ресурсы достаточно велики, чтобы решить свои основные хозяйственные задачи. В-третьих, нужно максимально восстановить и сделать доступными для широкого посещения культурные ценности Евроссии. Без этой культурной подпитки русский народ не поднимется.

А всем остальным оставьте свое. Каждому народу нужна своя историческая родина, свой язык, культура и история. Не говоря о свободе и экономической самостоятельности. По-настоящему Сибирь станет самостоятельной в составе России только тогда, когда все остальные регионы также станут самостоятельными.

8 ноября 2005 – 4 марта 2006 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

ЧАСТЬ I.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Глава 1. Сибирская государственность	14
Глава 2. Сибирский Туран	42
Глава 3. Русские в Сибири	61

ЧАСТЬ II.

ПРЕДПОСЫЛКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 4. Что такое самостоятельность Сибири?	92
Глава 5. Предпосылки самостоятельности	117
Глава 6. Сибирь и Средняя Азия	154

Часть III.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

Глава 7. От экономики сырьевой...	185
Глава 8. ...К экономике производящей	201

Глава 9. Цельность сибирской экономики	225
Глава 10. Транспортная столица Сибири	255

Часть IV.

СИБИРЬ И РОССИЯ

Глава 11. Зачем нам государство?	276
Глава 12. Наше видение Российской Федерации	298
Глава 13. Восстановление русского народа	310

Научно-популярное издание

Верхотуров Дмитрий Николаевич

ИДЕЯ СИБИРСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Редактор *А.М. Буровский*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерная верстка *П.Ф. Косяк*
Технический редактор *П.Ф. Косяк*
Корректор *В.Н. Новожилова*

Подписано в печать 24.04.09.
Формат 84x108^{1/32}. Усл. печ. л. 12,6.
(С.: Ист. библ.(84)). Тираж 1500 экз. Заказ № 1104и.
(С.: Ист. библ.(новая)). Тираж 1500 экз. Заказ № 1104и.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство АСТ».
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АБУ».
660047, Красноярск, ул. Лебедевой, 31, кв. 352
E-mail: burovsky@mail.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

В Издательстве АСТ
вышла книга Андрея Буровского

ОБЛИК ГРЯДУЩЕГО
Системное расследование

ЧАСТЬ I

ЭКОНОМИКА 21 СТОЛЕТИЯ

Человечество вовсе не стоит перед выбором между «модернизацией и прогрессом» или «застоем и реакцией». Дух модернизации выпущен из бутылки и вопрос стоит только так: приведет ли он человечество к самоуничтожению,— или к дальнейшей жизни?

Э. Шумахер

Глава 1

Страны Севера и Юга

Если вы возьмете все деньги мира и разделите их поровну, то вскоре они опять окажутся в тех же самых карманах, в которых были до этого.

Джим Рон

ПРОБЛЕМА СЕВЕРА И ЮГА

Пока существовал мир социализма, на Земле было три мира. Теперь их два: богатый промышленный Север и нищий слаборазвитый Юг.

Разделение очень условно; часть стран Юга лежит севернее некоторых стран Севера. Южная Корея — это Север. Северная Корея — это Юг.

Почти вся территория Японии лежит в субтропическом климате, но это — тоже Север. А вот Гренландия с ее ледниками — это Юг.

по фирменным этикеткам. Но крупные фирмы, производящие и продающие одежду, давно уже ткут, прядут и шьют не в Европе. В Лондоне, Манчестере и Амстердаме расположены главные офисы этих фирм. Здесь сидят клерки в белых рубашках, принимают заказы и решают, сколько чего производить. А заводы этих фирм давно находятся с Гонконге, Сингапуре, в столице Таиланда Бангкоке или в Джакарте.

Иногда головная фирма создает несколько дочерних фирм в разных странах, и каждая фирма как бы самостоятельна. Но товар продается под прежней маркой, известной уже десятилетия, а то и века. Эта марка имеет свою репутацию, свою историю, ее знают. Многие купят товар именно потому, что это товар такой-то фирмы.

♦ ***Эдакое невинное, но жульничество.***

До сих пор наивные люди различают компьютеры «белой сборки», произведенные в Европе и в США, и компьютеры «желтой сборки», собранные в Юго-Восточной и Восточной Азии. Но и это неправда. Компьютеры в наше время производят так же, как текстиль: головные фирмы из Европы и США размещают свои заводы в странах Юго-Восточной Азии. Они только ставят на продукции свою марку...

Предпочитая компьютер «белой сборки», мы платим именно за эту марку, а вовсе не за то, что наш компьютер собрали руки европейца. А наивные люди считают — это товар такой хороший потому, что его произвели в Европе! Эти люди просто не знают мира, в котором живут.

Кстати, сама возможность так организовывать работу доказывает: азиаты работают ничуть не хуже европейцев. Результаты труда вьетнамцев, малацев и китайцев вполне можно выдать за работу англичан, шведов и немцев.

Иногда европейцы даже сталкиваются с проблемой: в Европе не хватает квалифицированных рабочих. Бывали случаи, когда из Японии или Китая ввозили квалифицированных рабочих в Британию: для тонких операций при

производстве сложных компьютеров. Англичане не умели делать то же, что японцы и китайцы.

То же самое — и с программной продукцией. Сегодня программы, которые пишутся китайцами, русскими, мусульманами и индусами, порой бывают даже лучше тех, что создаются в странах Севера.

Есть серьезные причины полагать, что крупные фирмы Запада даже сознательно препятствуют компьютерным разработкам в странах Юга — уже ни у кого нет сомнений в том, что Юг может обогнать Север в этом важнейшем направлении.

♦ ***Простите, так где находятся высокие технологии? На Юге? Так получается.***

Получается — в Европе высоких технологий не больше, чем в Юго-Восточной Азии или в Иране. Но Таиланд и Иран — Юг, а Британия и Швеция — Север. Почему?

Да потому, что на Севере есть деньги!

Парадокс — производство находится в одном месте, а заработанные деньги почему-то концентрируются в другом...

Придется выяснить — почему, и начать с вопроса: какие бывают деньги? Что, собственно, концентрируется на Севере?

КАКИЕ БЫВАЮТ ДЕНЬГИ?

В Китае бумажные деньги известны с 13-го или с 14-го века. Их нашел И.П. Козлов в мертвом городе Хара-Хото в пустыне Гоби. В Китае до 18 -10\9 веков такие деньги — обычное дело. На них даже писали: «обеспечивается всеми запасами риса и бронзы».

Европейцы отстали — до конца 18 века у них не было бумажных денег. Деньги были только золотые и серебряные. Во время Войны за независимость США в 1772—1776 годах Джордж Вашингтон впервые в истории начал

печатать бумажные деньги, и платить ими зарплату своим офицерам: ведь «настоящих» денег у него не было.

С тех пор многие правительства стали вести эмиссию денег — то есть выпуск ассигнаций — бумажных денежных знаков. Правительства обязывались по первому требованию разменять бумажные ассигнации на золотые монеты... в действительности они не всегда могли это сделать, суммы бумажных денег были больше, чем золотых. Устанавливался курс — соотношение: сколько бумажных денег дают за золотые? Скажем, в 1830-е годы в Российской империи за 100 бумажных рублей давали 30 золотых.

В эту эпоху никому и в голову не пришло бы возить бумажные деньги из страны в страну. Везли золото, разумеется. И никаких законов, устанавливающих правило ввоза и вывоза ассигнаций, тоже не было.

Государства регулировали ввоз и вывоз товаров или продуктов, контрабанда была увлекательным и не очень опасным, но доходным занятием части жителей побережий. Киплинг написал весьма романтические стихи по этому поводу:

Если вдруг услышишь стук копыт в ночи —
Спи спокойно, крошка, а не спишь — молчи.
Не гляди в окошко, отвернись к стене —
Есть дела у джентльменов ночью при луне.
Пони друг за дружкой,
У седла — вьючок,
Пастору баклажка,
Служке — табачок,
Весточка шпионам,
Ленточки для дам —
Это скачут джентльмены по своим делам [1. с. 264].

Но бумажные деньги из страны в страну не ввозили. Вывезли товар, заработали иностранные деньги — и сдали в банк. А в банке получили свои денежки, национальные.

С Великого Кризиса 1930-х годов бумажные деньги в банках на золото не меняют. В 1933 году золотой стандарт отменили в Британии. Курс денег в 22 странах стал определяться в зависимости от фунта стерлингов, а по отношению к доллару и другим валютам устанавливался в зависимости от курса фунта стерлингов по отношению к этой валюте.

Даже такие сильные страны, как Германия, Швеция, Дания, Финляндия, Япония, входили в стерлинговый блок.

В 1936 году отменили обмен денег на золото в США. Канада и государства Латинской Америки привязали свои деньги к доллару, свои валютные накопления держали в банках США, и через эти банки вели все международные расчеты.

Дольше всех продержались европейцы — Франция, Италия, Польша, Бельгия, Швейцария, Голландия меняли свои деньги на золото до 1936 года. Потом золотой блок распался, все входящие в него страны ввели валютные ограничения.

Еще в 1960-е годы вы не могли свободно ввести из Германии во Францию любое количество национальной валюты — марок. Какую-то сумму вам обменяют на границе — но и только. Немец не мог приехать во Францию с марками, взять и купить во Франции завод или земельные угодья — на марки, или обменяв их на франки. На марки-купи ть во Франции ничего было нельзя, а обмен ограничивали жестко.

То есть международный капитал существовал — но существовали и строгие, в целом выполнявшиеся законы, которые регулировали: какие суммы, откуда и куда можно ввозить и вывозить.

Сразу после Второй Мировой войны в Германии доллар ходил почти свободно, в остальной Европе тоже охотно брали доллары — но это было временное явление, пока в Европе царила послевоенная разруха. А стоило ФРГ ок-

репнуть — и установились твердые правила, как можно менять марки на доллары. А как — нельзя.

Довольно свободно передвигались капиталы в рамках стран Британского содружества. У героев английских писателей — и Джона Голсуорси, и Агаты Кристи — не было проблем ввезти деньги из Британии в Австралию или вывезти. Но это ведь движение капиталов в пределах одной империи! А из других стран, не входивших в Британскую империю, а потом в Британское содружество, можно было ввозить не все и не всегда.

Герой Д. Дюморье в 1950-е годы не всегда может вывезти франки из Британии и купить фунты; для этого надо покрутиться [2].

Так же точно и тётушка главного героя Грема Грина вывозит валюту, как и любую другую контрабанду [3].

Современный британец уже с трудом поймет, о чем там толкуют эти устаревшие писатели. Потому что валютные ограничения действовали только до конца 1970-х годов. Тогда появилось понятие «свободно конвертируемая валюта» — СКВ. То есть деньги, которые можно свободно вывозить откуда угодно, ввозить куда угодно и в любом количестве.

Далеко не всякая национальная валюта стала СКВ! Таких валют изначально было всего семь: доллар США, марка ФРГ, французский франк, английский фунт стерлингов, швейцарский франк, лира Италии, иена Японии. Все!

Национальные валюты хоть как-то, но контролировало государство. Свободно конвертируемая валюта свободно перемещалась через границы, делала бессмысленными попытки регулирования экономики на уровне национальных государств.

Появление ТАКИХ денег невероятно глобализировало всю экономику — ведь теперь финансовый капитал жил сам по себе, отдельно от промышленного.

**Поэтому и стало возможно такое,
что производство есть — а денег нет.**

КОЛОНИАЛИЗМ УМЕР.. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОЛОНИАЛИЗМ!

Возьмите карту Африки 1940-х или 1950-х годов. Вся она была разделена между колониальными империями Британии, Франции, Бельгии. Только четыре страны — независимые: Южно-Африканский Союз, Египет, Эфиопия, Либерия.

Потом эти империи европейских государств исчезли. В одном 1960-м году В смысле — исчезли территориальные империи. Но тут же начали формироваться империи другого типа: финансовые.

Деньги новых государств вовсе не были свободно конвертируемыми валютами. Все они были привязаны к валюте страны — бывшего хозяина колониальной империи.

Самыми важными валютными зонами стали стерлинговая зона, зона франка, зона доллара. Зона испанского эскудо, итальянской лиры, португальской песеты, голландского гульдена никогда не имели того же значения.

В 1969 году в стерлинговую зону входили 4 страны Европы, 16 стран Азии, 7 стран Америки, 13 стран Африки, 4 страны Австралии и Океании.

Зона франка посромнее — 19 стран Африки, 3 страны в Америке, 3 — в Океании.

Зона доллара — самая большая. Почти вся Латинская Америка, Египет Ирак, Израиль, Бирма, Судан.

Политически это все страны независимые. Они могут развивать свою экономику так, как захотят. Но их деньги — под контролем других валют.

♦ ***Делай, строй, выдумывай, организуй — а получишь ли деньги, решать будет другой дядя, живущий в другой стране.***

В 1958 году французы начали делать свою валюту «обратимой» — то есть снимать все ограничения на операции с франками, вывоз и ввоз франков, покупку франков иннос-

транцами и так далее. За французами потянулись британцы.

Тогда получилось не очень хорошо. В 1968 году грянул валютный кризис... Он ничего принципиально не изменил, только опять усилился доллар, а франк и фунт стерлингов пришлось девальвировать. У стран стерлинговой зоны было много проблем.

После 1991 года доллар сделался еще сильнее — потому что в его зону фактически вошли и все страны бывшего Советского Союза, и вся Восточная Европа — бывшие народные республики, изменившие политический строй в 1989 году.

С этого времени страны Прибалтики стали Севером (хотя и в разной степени), большая часть новых независимых государств — Югом, а по России прошла разделительная грань... Москва и Петербург попали в Север, большая часть страны — в Юг. Причем разные части — в разной степени.

Американцы очень нервно отнеслись к введению евро в 2003 году — именно потому, что эта новая валюта хотя бы теоретически может стать конкурентом доллару, и потеснить его зону.

Это стало одной из причин событий в Югославии. США вели эту войну не только из желания «бороться с тоталитаризмом» или противостоять России, не только из неприязни к славянам. Возможно, эти причины тоже были... Но главное — американцы рассчитывали на совсем другой масштаб бегства югославов из страны. Европа, в которой до миллиона человек стали беженцами, «перемещенными лицами», уже не смогла бы так быстро и легко объединяться, вводить общие деньги, а новая валюта не стала бы такой сильной. Ради этих целей можно бомбить.

Расчеты США не оправдались — массового бегства не возникло, расходы и проблемы Европы не стали неприемлемыми, евро ввели.

Но все это — разборки внутри стран Севера между собой, за право быть самыми «крутыми» и сильными. Для всего остального человечества очень мало что изменилось.

Так же в 18 веке очень мало что менялось для индусов оттого, бьют ли на море голландские корабли англичан, или наоборот.

♦ ***Все равно важные для нас решения примут без нас.***

И евро, и доллар, все СКВ,— это валюты всего нескольких государств, к которым привязаны деньги всего остального человечества. С помощью финансовых рычагов можно платить по-разному за одну и ту же работу,— недоплачивать большей части человечества.

ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД

В 1990-е годы начали говорить о «золотом миллиарде» — о жителях государств Севера. Всего на Земле живет 6 с половиной миллиардов человек. Один из этих миллиардов — в золотых условиях, при товарном изобилии и прочих радостях жизни. Это люди, на которых хватает денег, которые зарабатывает все население Земли.

Глава 2

Жители сверхгородов

Где хорошо — там и родина.

Римская поговорка

ВНУТРИ СТРАН СЕВЕРА

Но даже и на Севере, в странах «золотого миллиарда» люди живут очень по-разному. Богаче всех —

жители самых больших мегаполисов. Беднее всех — жители отдаленных от мегаполисов «депрессивных» районов — то есть районов, в которых промышленность и любые производства мало развиты, где делать особенно нечего, откуда бегут люди с квалификацией и молодежь.

В Аппалачах, буквально в 100—200 километрах от Нью-Йорка, есть районы, где основное население состоит из безработных и пенсионеров. Встречаются и молодые здоровые жлобы — но работать они не хотят, сидят на пособии по безработице. По понятиям Юга, живут они очень хорошо. По понятиям США, живут они крайне бедно.

Совсем рядом переливается всеми красками деловой рай, где не очень трудно заработать во много раз больше... Они бы и хотели потреблять — но для этого надо что-то делать... А вот этого-то они как раз и очень сильно не желают. Лучше уж не потреблять, но «зато» вставать посреди дня, лениво бродить без дела, прихлебывать дешевое вино и трепаться с приятелями.

Но даже если пойти работать — за одну и ту же работу в Нью-Йорке и в глубине штата Пенсильвания или Виргиния, вы получите разную плату. Минимальная плата за работу в США — 5 долларов в час, меньше платить не разрешает закон. Но фактическая почасовая плата в Нью-Йорке — 15.5 доллара, а вот жители штата Айова в среднем заработали в 2000 году 7 долларов в час. Индусам бы да такие денежки! Но для США это мало.

И о всех остальных странах такая же разница. В Европе она еще не очень велика — невелика Европа, один город сменяет другой. А вот в Китае, в Латинской Америке или в России разница очень заметная.

В Китае есть города (Шанхай, Пекин, Харбин), где уровень жизни приближается к уровню жизни Европы. А есть удаленные от городов и трасс деревни, где и деньги не очень нужны. На них все равно нечего будет купить, ведь в эти нищие деревни ровным счетом ничего не завозится.

В бразильском Сан-Паулу официант зарабатывает больше, чем рабочий с квалификацией в Манаосе, на предприятиях деревообрабатывающей или каучуковой промышленности. Ведь Сан-Паулу — промышленный гигант, центр мегаполиса, а Манаус — городишко на Амазонке, с населением в 500 тысяч человек.

Общая закономерность: чем больше город, тем больше там платят за одну и ту же работу. Особенно хорошо платят в самых больших агломерациях и мегалополисах.

АГЛОМЕРАЦИЯ И МЕГАЛОПОЛИСЫ

Слово агломерация пришло из геологии. Означает оно слияние, слипание кусков однородной породы. Слипание городов.

Город растет, включает в себя другие населенные пункты. В 17 веке городок Гринвич лежал довольно далеко от Лондона, ехать надо было несколько часов (на лошадях). Сегодня Гринвич — один из районов Лондона.

Версаль построили в начале 17 века, как особый королевский город, путь из Парижа в Версаль занимал целый день. Сегодня Версаль — почти что пригород Парижа.

В 14 веке Серпухов был не менее важным городом, чем Москва. Сегодня он — один из 170 населенных пунктов, входящих в Московскую агломерацию. 170 — это сохранившихся. В 1939 году московские археологи вели раскопки курганов «у села Черемушки, среди довольно густого леса, там, где сейчас находится Юго-Западный район столицы» [4. с. 30].

История агломераций уходит в глубь веков: ими были Рим и Афины, Александрия и многие города средневекового Китая.

В 17 веке агломерациями стали Лондон, Париж и Амстердам. Это были маленькие агломерации, с населением

«всего» в 700—800 тысяч человек. К началу 20 века население Большого Лондона и Большого Парижа достигло 8 миллионов человек.

Еще в начале 20 века многим казалось странным, даже болезненным невероятное скопление домов, улиц и площадей, которое тянется на десятки километров. Джек Лондон рассказывает историю про двух детей, брата и сестру, которые решили выйти из города Лондона, в поле и в лес. Весь день шли они, и никуда не пришли, — город был слишком громаден. Благотворители устраивают для детей однодневные выезды за город, «дети хотя бы узнают, что представляет из себя лес и поле, и таким образом то, что они читали в книжках, приобретает для них новый смысл» [5. с. 566].

К середине 20 века такие же агломерации возникли почти во всех странах мира. Мехико, Монтевидео, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес в Латинской Америке, Бомбей, Шанхай, Сингапур и Джакарта в Азии, Каир в Африке — все эти типичные агломерации — громадные города, состоящие из слепившихся вместе самостоятельных прежде городов.

Население этих агломераций Третьего мира еще больше, чем европейских, а жизнь в них куда более сурова. Из Бразилии пришло слово «бидонвилль» — район, дома в котором построены из старых бидонов (откуда и название), листов картона, обрезков досок, битых, выброшенных строителями кирпичей и так далее. К началу 1960-х годов из 8 миллионов населения столицы Венесуэлы, Каракаса, 5 миллионов жили в бидонвиллях. Из 11 миллионов населения Большого Рио-да-Жанейро — 7 миллионов. Из 8 миллионов жителей Большого Бомбея — 6 миллионов.

И все равно агломерации росли — даже в бидонвиллях жить было лучше, сытее и интереснее, чем в бесчисленных деревушках и городках. Некоторые из этих тропических деревушек очень красивы — но даже в лучшие времена часть людей жила в них впроголодь. А если наступала засуха, не-

урожай они «забивают двери и окна своих лачуг, и идут длинными спотыкающимися когортами, куда глаза глядят... мучимые всеми страданиями, еле держась на ногах, изнуряемые поносом и крича от ужасов... они продвигаются вперед, задыхаясь, хрипя. Пятилетние дети возвращаются к ползанию на четвереньках. Они продвигаются, уже превратившись в скелеты, теряя зубы и волосы, с почерневшей кожей, присохшей к костям... Продвигаются, отмечая крестами скелетов путь ...к побережью» [6. с. 98—99].

К 1970-м годам 40% населения США жило в 16 городских агломерациях. 60% населения Британии — в 3 агломерациях, 40% населения Франции в 2 агломерациях, 45% населения Уругвая в 1 агломерации, 40% населения Аргентины — тоже в 1 агломерации, 40% населения Греции — в одной агломерации. Примеры можно приводить до бесконечности.

Но агломерации продолжали расти! Как раньше сливались города, теперь сливались агломерации, границы между ними размывались.

Вдоль атлантического побережья США возник район сплошной застройки, который тянется на 1000 километров и достигает до 200 километров в ширину; это объединились агломерации Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона. Здесь живет больше 40 млн. человек, — каждый седьмой американец.

Для таких сверхгородов пришлось найти еще один термин: мегалополис. Само слово состоит из двух греческих корней: мегалос — большой, и полис — город. Иногда его упрощают: мегаполис.

В США возник еще один мегалополис: Южнокалифорнийский, с населением в 15 млн человек. В Японии — Токийско-осакский (55 млн чел.). В Германии — Рейнско-рурский (12 млн), в Британии — Лондонско-ливерпульский (30 млн человек).

Мегалополисы возникают и в слаборазвитых странах — в Бразилии между Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу,

протяженностью почти в 500 километров и с населением в 35 миллионов человек. В нем живет каждый пятый бразилец. Буэнос-Айрес и Мехико разрослись так, что их уже и агломерациями не назовешь.

В России к началу 20 века агломерациями были Москва и Петербург. При советской власти рост городов старались сдерживать — но агломерациями стали Киев, Казань, Новосибирск, Пермь, Екатеринбург-Свердловск, Омск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Ташкент, Самарканд, Алма-Ата.

Уже начал формироваться Московско-Петербургский мегалополис — вдоль железной дороги. Протяженность этого мегалополиса составит порядка 600 километров, население — до 50 миллионов человек.

Сейчас в этом районе живет до 30—35 миллионов человек, и никуда уезжать они не собираются.

До 80% населения России концентрируются в трех регионах: Московско-Петербургский мегалополис, Кубань-Ставрополье, от Терека до Ростова-на-Дону, хлебородный теплый юг (здесь население распределено более равномерно).

Третья область концентрации — окрестности Транссибирской магистрали, Урал-Сибирь. Здесь от Перми до Иркутска живет до 30 миллионов человек. 25 миллионов из 30 миллионов жителей Сибири обитают в пределах 200 километров к северу или югу от Транссибирской магистрали.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АС**

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол.Черкизовская, д. 2, корп.1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул.Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Щелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул.Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

В книге Д.Верхотурова развенчиваются мифы, что Сибирь — это только и исключительно неотъемлемая часть России. Сибирь — громадная самостоятельная страна, имевшая до русских богатую, многообразную историю, ныне практически неизвестную. Многонациональный сибирский народ говорит в основном по-русски, но имеет не так уж много общего с народом остальной России. Верхотуров красиво и точно показывает, что самому русскому народу не было и нет никакого толку от владения Сибирью. Сибирь — это сырьевой придаток для империи, и только. Впрочем, такова же роль других регионов страны: Северо-Запада, Евросии, Урала, Кубани. Это, по сути, разные страны, с разной историко-экономической логикой и направлением развития. И все они — при всем их многообразии — колониальные народы пресловутого имперского Центра. Автор считает: по-настоящему Сибирь станет самостоятельной в составе России только тогда, когда все остальные регионы также станут самостоятельными.

Книга Дмитрия Николаевича написана системно, ярко и образно. В ней нашел свое выражение авторский подход: целостное, остроумное сочетание истории, экономики и политики. Ее приятно читать, даже не разделяя каких-то воззрений автора.

ISBN 978-5-17-052365-8

9 785170 523658